

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 1 (49)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И. М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
<i>Рябов В. В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е. Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д. Л.</i> заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Тарева Е. Г.</i> главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
<i>Викулова Л. Г.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
<i>Смирнова А. И.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
<i>Алмазова Н. И.</i>	доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
<i>Аминова В. Р.</i>	доктор филологических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
<i>Афанасьева О. В.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Беляева И. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Богданова Л. И.</i>	доктор филологических наук, профессор (МГУ им. М. В. Ломоносова)
<i>Борботько Л. А.</i> ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Бубнова И. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Геймбух Е. Ю.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Желтухина М. Р.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Журавлева Е. А.</i>	доктор филологических наук, профессор (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан, Алматы)
<i>Курдюмов В. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Матвеева И. И.</i> секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Поршнева Е. Р.</i>	доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)
<i>Радченко О. А.</i>	доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)
<i>Романова Г. И.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Сагаэ Мицунори</i>	доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)
<i>Собянина В. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Сулейманова О. А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Тивьяева И. В.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Тышковска-Каспиак Эльжбета</i>	доктор филологических наук, доцент (Вроцлавский университет, Польша)
<i>Чернявская В. Е.</i>	доктор филологических наук, профессор, член Санкт-Петербургского союза ученых (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
<i>Чупрына О. Г.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Шафранская Э. Ф.</i>	доктор филологических наук, доцент
<i>Языкова Н. В.</i>	доктор педагогических наук, профессор
<i>Якушевич И. В.</i>	доктор филологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Смирнова А. И.</i> Междисциплинарность в исследовании природного мира в пространстве художественного текста	7
<i>Баранова К. М., Афанасьева О. В.</i> Мотив «одинокчество» в романе Дж. Грина «Бумажные города»	20
<i>Ганиев Ж. В.</i> Риторические мотивы в ранней лирике И. А. Бунина (II)	34

Русистика. Германистика. Романистика

<i>Викулова Л. Г., Рянская Э. М.</i> Теория фундаментальных глаголов Л. М. Скрелиной в исследованиях по романистике	44
<i>Киров Е. Ф., Беляева М. В.</i> Местоименные и гибридные части речи русского языка в сопоставлении с немецким языком.....	52
<i>Панина Н. В.</i> Гендерные особенности функционирования английских междометий в современной американской лингвокультуре	67
<i>Мичугина С. В.</i> Трансдисциплинарный подход к изучению терминов цвета на примере английского <i>red</i>	87

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

<i>Райскина В. А.</i> Семиотические элементы как фактор паратопии рефлексивного дискурса	96
<i>Банкова Л. Л.</i> Об обозначении приблизительных чисел в вэньяне.....	111
<i>Зойдзе Э. А.</i> Буктрейлер как жанр издательского дискурса	120

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Колесников А. А.* Проектирование дисциплины
по выбору «Обучение межкультурной коммуникации
в контексте глобального образования» в рамках
лингвистической магистратуры 133

Слово молодым ученым

- Гао Хань.* Категория трагического в художественной
прозе Ф. Крюкова 142
- Проклов Р. И.* Этнокультурная лексика в описании
иберо-американских религиозных практик
(на примере романа Коэлью Нету «Вихрь») 151
- Черникова Н. А. А. И.* Солженицын в болгарской
социокультурной среде 163
- Терешонок Е. В.* Образ праведника в рассказе
Б. П. Екимова «Белая дорога» в контексте
традиций Н. С. Лескова («Однодум»)
и А. И. Солженицына («Матренин двор») 172

Научная жизнь

- Викулова Л. Г., Бирюкова Е. В., Попова Л. Г.*
Развитие сопоставительного языкознания
в рамках научных школ России (на материале
защит диссертационных исследований
аспирантов, МГПУ, 2016–2022) 183

- Требования к оформлению статей 195

CONTENTS

Literary Science

<i>Smirnova A. I.</i> Interdisciplinary Approach to Natural World Studies Within Fiction Texts Space.....	7
<i>Baranova K. M., Afanasieva O. V.</i> The Motif of Loneliness in J. Green’s Novel «Paper Towns»	20
<i>Ganiev Zh. V.</i> Rhetorical Motifs in Ivan Bunin’s Early Lyrics (II).....	34

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Vikulova L. G., Ryanskaya E. M.</i> Luiza M. Skrelina’s Theory of Fundamental Verbs as Reflected in Romance Studies	44
<i>Kirov E. F., Belyaeva M. V.</i> Pronominal and Hybrid Parts of Speech: Comparing Russian and German Languages	52
<i>Panina N. V.</i> Gender Differences in the Use of English Interjections in Modern American Linguistic Culture	67
<i>Michugina S. V.</i> Transdisciplinary Approach to Colour Terms Studies Based on English <i>red</i>	87

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

<i>Rayskina V. A.</i> Semiotic Elements as a Paratopy Factor in Reflexive Discourse	96
<i>Bankova L. L.</i> Denominating Approximate Numbers in Classical Chinese (Wenyan).....	111
<i>Zoidze E. A.</i> Book Trailer as a Genre of Publishing discourse.....	120

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Kolesnikov A. A.</i> Designing an Elective Discipline «Teaching Intercultural Communication in the Context of Global Education» Within the Linguistic Master’s Programme	133

Young Scientists’ Platform

<i>Gao Han.</i> Category of Tragic in F. Kryukov’s Prose	142
<i>Proklov R. I.</i> Ethnocultural Lexical Units as Described in Ibero-American Religious Practices (on the Example of Coelho Neto’s Novel «Turbilhão»)	151
<i>Chernikova N. A.</i> Aleksandr I. Solzhenitsyn in Bulgarian Sociocultural Environmen	163
<i>Tereshonok E. V.</i> Righteous Man Image in Boris P. Ekimov’s Story «The White Road»: Following Nikolay S. Leskov’s («Odnodum») and Aleksandr I. Solzhenitsyn’s Patterns («Matrenin Yard»)	172

Scholarly Events

<i>Vikulova L. G., Biryukova E. V., Popova L. G.</i> Enhancing Comparative Linguistics Studies by MCU Scholars (Post-graduate Theses, MCU, 2016–2022)	183

Requirements for the Style of Articles	195

Научная статья

УДК [82+7.04]:502

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.01

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРИРОДНОГО МИРА В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Смирнова Альфия Исламовна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Аннотация. В статье определяется значение междисциплинарного подхода в исследовании природной картины мира в художественных текстах русской литературы и других видов искусства в различных научных направлениях (литературоведческом, лингвистическом, философском, культурологическом, искусствоведческом), рассматривается его применение на примере научно-исследовательского проекта, реализуемого в Московском городском педагогическом университете в цикле междисциплинарных научных конференций «Природный мир в пространстве культуры» и серии изданий — сборников научных статей и коллективных монографий под тем же названием.

Ключевые слова: междисциплинарный подход, комплексная модель, природный мир, натурфилософия, экология, образ, семантика, символика, мифопоэтика, концепт.

Для цитирования: Смирнова, А. И. (2023). Междисциплинарность в исследовании природного мира в пространстве художественного текста. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 7–19. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.01

Original article

UDC [82+7.04]:502

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.01

INTERDISCIPLINARY APPROACH TO NATURAL WORLD STUDIES WITHIN FICTION TEXTS SPACE

Alfia I. Smirnova Moscow City University,
Moscow, Russiaalfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Abstract. The article defines the value of interdisciplinary approach to studying natural world in the Russian fiction and other art forms (literature studies, linguistics, philosophy, cultural studies, art history). The article considers the abovementioned approach applied within the framework of the research project, realized through the series of interdisciplinary scientific conferences «The Natural World in Cultural Spaces» held by MCU and the series of scholarly publications

Keywords: interdisciplinary approach, complex model, natural world, natural philosophy, ecology, image, semantics, symbolism, mythopoetics, concept.

For citation: Smirnova, A. I. (2023). Interdisciplinary approach to natural world studies within fiction texts space in. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 7–19. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.01

Введение

Одним из направлений научно-исследовательской работы кафедры русской литературы МГПУ является тема «Природа в русской словесности: историко-литературные и теоретико-методологические аспекты», в русле которой в университете проводятся междисциплинарные научные конференции, издаются сборники статей и монографии, предлагаются дисциплины в учебных планах магистерских программ и темы магистерских и кандидатских диссертаций. Представляется целесообразным обратиться к одному из ведущих методологических подходов в исследовании природного мира в различных текстах художественной культуры — литературы и фольклора, живописи и музыки, кино и архитектуры. Эта тема не теряет своей актуальности на протяжении нескольких последних десятилетий, что вполне закономерно и обусловлено объективными процессами в развитии цивилизации.

Современное научное «видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности» (Пригожин, Стенгерс, 2003, с. 6). Известный бельгийский физикохимик, лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс, авторы труда «Порядок

из хаоса. Новый диалог человека с природой», формулируют два фундаментальных вопроса, на которые предшественникам не удалось найти ответ. «Один из них — вопрос об отношении хаоса и порядка. Знаменитый закон возрастания энтропии описывает мир как непрестанно эволюционирующий от порядка к хаосу. Вместе с тем, как показывает биологическая или социальная эволюция, сложное возникает из простого. Как такое может быть? Каким образом из хаоса может возникнуть структура?» (Пригожин, Стенгерс, 2003, с. 7–8) Ответом на поставленный вопрос и стала книга ученых.

И если когда-то единая наука о взаимоотношениях человеческой цивилизации и природы — *натурфилософия* — с началом промышленного подъема распалась на дисциплины и направления, то экологии предстояло вновь собрать все это в нечто целостное. Сам термин (от *греч.* *oikos* — дом), введенный в 1866 году немецким зоологом Э. Геккелем, в то время означал науку об отношениях организмов с окружающей средой. Позже значение термина расширилось и вобрало в себя идею взаимодействия человека с биосферой, вопросы защиты окружающей среды. А в 1970-х годах XX века зародилось новое научное направление — *глобальная экология* (Будыко, 1988), тогда же вошло в научный оборот понятие «глубинная экология», которое «оценивает нашу современную ситуацию как в высшей степени опасную для самого выживания человечества, даже если мир откажется от ядерного оружия <...> Только радикальный сдвиг в фундаментальных отношениях в понимании природы в нас и вокруг нас сможет изменить наши приоритеты и практику, позволив нам выжить и развить новые оценки качества жизни» (Экологические институты..., 1992, с. 6). Принципы глубинной экологии были сформулированы учеными Арне Нейсом и Джорджем Сессионом: любая жизнь на Земле самоценна, независимо от ее пользы для человечества; богатство и разнообразие жизненных форм также является неотчуждаемой ценностью; люди не имеют права уменьшать это богатство и разнообразие; необходимо ограничить чрезмерное вмешательство человека в природу и стремиться не к повышению уровня жизни, а к ее новому качеству (См.: McLaughlin, Andrew. *Regarding Nature. Industrialism and Deep Ecology*. N. Y., 1995) (Стеценко, 2002, с. 9).

Во взаимодействии общества и природы философы выделяют несколько уровней: *экологический, антропологический* (взаимодействие биогенетического и социокультурного начал в человеке), *планетарный* — человечество/Земля (взаимодействие техносферы и биосферы), универсальный (взаимодействие ноосферы и космосферы) (Шубина, 1983, с. 172). Эти уровни исследуются и осмысливаются представителями разных областей познания, и не только научного, но и художественного. В свое время В. И. Вернадский говорил о важной роли крупных проблем в развитии научного знания. Постепенно они становятся все более сложными и масштабными. Их невозможно решать силами какой-либо одной науки. Необходимо привлечение всего арсенала современных научных знаний, что предполагает объединение специалистов

различного профиля. Констатируя возрастающий интерес к природной проблематике в разных науках, авторы обзоров правомерно подчеркивают ее *комплексный характер*, что проявляется в тенденции к расширению круга разрабатываемых ее наук, а также в применении *междисциплинарного подхода*.

Междисциплинарность в теоретическом дискурсе

Как известно, основу междисциплинарного подхода составляет объединение методов различных гуманитарных наук для исследования сложных объектов и процессов общественной жизни, политологии, культуры. Это объединение оказывается эффективным и открывает новые научные горизонты, в том числе и теоретические. При комплексном исследовании взаимодействие различных наук позволяет синтезировать средства и методы из разных областей знания. Э. М. Мирский, автор многочисленных работ о междисциплинарности, обращает внимание на *системный характер* объектов применения междисциплинарного подхода, отражающего «уровень осознания представителями дисциплин, изучающих природу, общество и человека, системного характера их объектов, всеобщей связи, существующей между явлениями материального мира, а также недостаточности дисциплинарного, т. е. одностороннего, “отраслевого” принципа научно-теоретического освоения реальности» (Мирский, 1980, с. 135).

Вывод ученого касается и такой комплексной проблемы, как «экология – человек – природа – художественное творчество» (Художественное творчество, 1986, с. 15), которая может быть решена в междисциплинарном дискурсе. Приоритетность междисциплинарного подхода в изучении природного мира в художественной литературе обусловлена как сущностью самой картины мира, так и *интеграционными* процессами в методологии литературоведения XX–XXI веков. Современное литературоведение активно взаимодействует с семиотикой, философией, историей, политологией и другими науками. Взаимодействие гуманитарных и естественных наук — важнейшая составляющая современной научной парадигмы. Илья Пригожин и его соавтор Изабелла Стенгерс в 1986 году в предисловии к английскому изданию книги «Порядок из хаоса» писали о том, что одна из главных тем книги — «сильное взаимодействие проблем, относящихся к культуре как целому, и внутренних концептуальных проблем естествознания» (Пригожин, Стенгерс, 2003, с. 27). Академик В. С. Степин обращает внимание на тенденцию к сближению естественных и социально-гуманитарных наук. Один из параграфов его книги озаглавлен «Научные революции и междисциплинарные взаимодействия» (Степин, 1999, с. 357).

Ю. В. Бушмакина в статье «Междисциплинарный подход в современном историческом знании» касается вопроса, который неизбежно возникает при определении содержательного наполнения понятия «междисциплинарный

подход», и отмечает, что «в научном познании он не сводится лишь к тому, чтобы совместно рассматривать проблемы из разных областей науки» (Бушмакина, 2017 с. 9). Само понятие «междисциплинарность» (interdisciplinarity) имеет разное содержательное наполнение, в зависимости от исследовательских стратегий. Ссылаясь на статью Ж. Пиаже «Эпистемиология междисциплинарных отношений», Бушмакина отмечает, что автор «различает несколько форм взаимодействия дисциплин: мультидисциплинарность он рассматривает как дополнение одной дисциплины другой, интердисциплинарность — как взаимодействие дисциплин, а трансдисциплинарность — как построение интегральных структур» (*Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships. Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. Paris: OECD, 1972. P. 127–139*) (Бушмакина, 2017, с. 9).

Для обозначения взаимодействия научных дисциплин используются различные термины: междисциплинарность (или кроссдисциплинарность), интердисциплинарность, трансдисциплинарность, мультидисциплинарность. «Терминологические “эксперименты”, — по словам Л. П. Репиной, — отражают стремление исследователей обозначить важнейшие качественные отличия в применяемых ими подходах: если под междисциплинарностью понималось главным образом заимствование теорий и методов других наук для решения внутрдисциплинарных проблем, то “трансдисциплинарным” называется подход, при котором сама проблема исследования не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин» (Репина, 2011, с. 29). Междисциплинарные исследования по степени интеграции подразделяются Л. П. Репиной на мультидисциплинарные, интердисциплинарные и трансдисциплинарные. В мультидисциплинарных участники работают независимо друг от друга, решают общую задачу, опираясь на собственную дисциплинарную базу; для интердисциплинарного исследования создается смешанная команда, но ее участники по-прежнему работают в рамках своих дисциплинарных баз; в трансдисциплинарных исследованиях участники группы работают совместно, объединяя концепции отдельных дисциплин для решения проблемы (Репина, 2011, с. 27–28).

Дискуссия и результаты

В 2000-е годы возрастает интерес к научной проблематике, связанной с темой *культуры и природы*, и начинается новый этап в ее исследовании. В 2002 году издается монография Е. Стеценко «Экологическое сознание в современной американской литературе», в которой впервые в российском литературоведении с позиций экокритики рассматривается «преломление в современном литературном дискурсе глобальных проблем взаимоотношений человека, природы и цивилизации на философском, социальном, этическом

и эстетическом уровнях» (Стеценко, 2002, с. 2). Как видим, исследование современной американской «природоцентричной» литературы позволяет автору представить комплексный труд, основанный на междисциплинарном подходе.

В 2010-е годы формируются два университетских научных центра по изучению природной тематики в литературе и художественной культуре: в *Силезском университете* (Польша, Сосновец, Катовице) и в *Московском городском педагогическом университете* (РФ, Москва). Опыт польских коллег заслуживает особого внимания. На базе филологического отделения и кафедры истории русской литературы Института восточнославянской филологии Силезского университета создается научная лаборатория «Animal Studies — Третья культура», реализуется издательский проект «Зоофилология» (*Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego / Зоофилология. Польский журнал исследований о животных. Катовице: Издательство Силезского университета).

Институт восточнославянской филологии в Сосновце и лаборатория «Animal Studies — Третья культура» при филологическом факультете Силезского университета в Катовице организуют международные междисциплинарные научные конференции цикла «Человек — Другое / Иное Бытие». Первая конференция прошла в сентябре 2013 года и была посвящена теме «Отношение человека к животным, растениям и машинам в культуре». По итогам конференции в 2014 году были опубликованы научные статьи в двух томах «Отношение человека к животным, растениям и машинам в культуре» (*Człowiek w relacji do zwierząt, roślin i maszyn w kulturze*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014). Тема второй конференции цикла — «Животное/язык/эмоции» (сентябрь 2015) — обсуждалась в двух аспектах: на уровне содержания, проблематики и предмета исследований, например «Животные в искусстве» (в живописи, литературе, киноискусстве), а также на уровне теоретического и методологического подходов (умение писать о животных). В 2018 году вышла коллективная монография «*Zwierzę – Język – Emocje: Dyskursy i narracje*» / «Животное – язык – эмоции: дискурсы и повествования». На третьей конференции рассматривалась проблематика, связанная с темой «зоотанатос» (сентябрь 2017): аспекты смерти животных, «умирание» или «издыхание» животных, общий удел человека и животного перед лицом смерти, как сделать более восприимчивыми к смерти не являющихся человеком существ, вымирание или уничтожение биологических видов, «вечная жизнь». Материалы этой конференции увидели свет в 2019 году в пятом тематическом номере журнала «*Zoophilologica. Tanatos*». Четвертая конференция из цикла «Человек — Другое / Иное Бытие» на тему «Человек и его отношение к животным. Мифы — стереотипы — предубеждения» состоялась в сентябре 2019 года. Как видим, в Силезском университете проблемы экологического сознания разрабатываются преимущественно в дискурсе человек – животное и исследуются в междисциплинарном ракурсе.

В Институте гуманитарных наук МГПУ реализуется исследовательский проект «Природный мир в пространстве культуры», проходят междисциплинарные научные конференции, по итогам которых издаются материалы в виде сборников научных статей и коллективных монографий. Цель конференций сформулирована в одной из монографий: «Всесторонне рассмотреть образы природных элементов, проникнуть в их символику, реконструировать архаические принципы их символической (культовой, иерархической, тотемической, фратриальной и т. д.) классификации. Погружаясь в безграничный мир семантики вербальных (и не только!) образов природы, исследователи, оснащенные всеми достижениями современной науки, вступают на тот путь освобождения и познания священных символов, начало которому положил первобытный пытливый охотник, пастух, кормчий, жрец» (Полтавец и др., 2022, с. 8–9).

Достижению поставленной цели служит проблематика конференций: «Природные стихии и образы в русской словесности» (2015) (Природные стихии..., 2015), «Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре» (2016) (Семантика сада..., 2017), «Птица как образ, концепт, знак» (2017) (Птица как образ..., 2019), «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры, языка» (2018) (Мир насекомых..., 2020), «Семантика времен года в русской словесности и искусстве» (2019) (Семантика времен года..., 2021), «Символика воды в русской и мировой словесности и культуре» (2021) (Символика воды..., 2022), «Жизнь и нравы животных в зеркале словесности, изобразительного искусства, кино» (2022).

В материалах *первой* конференции опубликована статья О. В. Гаврилиной «Природа как эстетический феномен в художественной литературе и его изучение», в которой представлен обзор научных трудов, посвященных природной тематике, начиная с работы А. Бизе «Историческое развитие чувства природы» (1890) и заканчивая трудами 2010-х годов: «В настоящее время появляются исследования, в которых разрабатываются частные аспекты изучения чувства природы, назовем лишь несколько из работ, изданных в последнее время: коллективный труд “Символика природных стихий в восточной словесности” (М., 2010), сборник статей по материалам научной конференции в РГГУ “Бестиарий и стихии в словесности и изобретательном искусстве” (М., 2013), монография польской исследовательницы Ю. Тыменецкой-Суханек “Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt. W kręgu zagadnień ekofilozoficznych” (Katowice, 2013)» (Гаврилина, 2015, с. 216).

В сборнике статей по итогам *второй* конференции «Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре» (2017) *натурфилософский ракурс* осмысления флоры в художественном тексте представлен в статье «Философия леса в романе А. А. Кима “Отец-лес”», в которой рассматриваются «социальная философия Леса», метафора «человек-дерево», выявляется притчевый смысл романа. «Образ Леса предстает в натурфилософии А. Кима как символ многовековой эволюции “живого вещества” (В. И. Вернадский)» (Смирнова, 2017, с. 226),

что доказывается обращением к ноосферной теории В. В. Вернадского и его труду «Несколько слов о ноосфере», в котором ученый писал об эволюционных стадиях геологического изменения биосферы, одной из которых является эпоха появления в биосфере зеленых лесов.

Итоги третьей конференции обобщены в монографии «Птица как образ, концепт, знак в литературе, культуре и языке» (2019), которая не только продемонстрировала необычайный интерес к заявленной проблематике, но и обновление методологического инструментария за счет включения *интермедиального* дискурса. Интермедиальность как теория и метод исследования сформировалась в гуманитаристике в последние десятилетия XX века, она опирается на принципы междисциплинарных исследований (См.: Тищунина, 2001).

Выбор темы *четвертой* научной конференции цикла «Природный мир в пространстве культуры» и особый интерес к ней объясняются организаторами в предисловии к монографии «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры, языка» (2020) и в статье «Поэтическая энтомология: обзор материалов коллективной монографии “Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка”» (См.: Смирнова, Райкова, 2020). Анализ образов «маленьких взволнованных существ» в прозе А. П. Платонова позволяет выявить онтологические и гносеологические контексты в произведениях 1930-х годов о детях, установить связь этих образов с мифологическими представлениями славян, философскими идеями Н. Федорова (победа над смертью, воскрешение отцов), сопоставить жизненные стратегии платоновских персонажей с поведением насекомых (Матвеева, 2020, с. 175–181).

Материалы *пятой* природной конференции вошли в монографию «Семантика времен года в русской словесности» (2021). В главе «Времена года и философия природы в литературе» Г. И. Романова обращает внимание на специфику пейзажа в русской лирике Нового времени, в которой «заложена традиция не только *антропологического*, но и *онтологического* пейзажа, направленного на осмысление фундаментальных принципов бытия, его общих закономерностей» (курсив автора. — А. С.). Со ссылкой на Л. В. Карасева автор статьи отмечает «возможность онтологического подхода к литературе в целом — “онтологической поэтики”»: она, «несмотря на свою специфичность, точно так же ищет ответа на вопрос о том, что такое эстетическая реальность, как она соотносится с воспринимающим субъектом, как она организована и пр.» (Романова, 2021, с. 172).

Итогом *шестой* по счету междисциплинарной научной конференции стал выход в 2022 году монографии «Символика воды в русской словесности и мировой культуре». В совокупности основные направления изучения рецепции и интерпретации символика воды благодаря коллективным усилиям литературоведов, фольклористов, философов, лингвистов, лингвокультурологов, историков формируют *комплексную модель* междисциплинарного исследования объекта — «акватекста» культуры: «Водные “сюжеты” в философии, поэзии,

искусстве: контексты прочтения», «Семантика и символика воды в фольклорном тексте», «Русский поэтический “акватекст”», «Вода как образ, символ, знак в русской классической литературе», «Семантика воды в художественной картине мира», «Гидротекст в языковой картине мира». Сочетание специальных методов исследования (герменевтический, компаративный, структурно-описательный, структурно-семантический, структурно-семиотический, мифореставрационный и др.) способствует созданию эффективной исследовательской модели междисциплинарного осмысления объекта изучения.

Целью *седьмой* научной конференции в рамках реализации проекта «Природный мир в пространстве культуры» стала тема «Жизнь и нравы животных в зеркале словесности, изобразительного искусства и кино». Конференция состоялась в мае 2022 года. Программа конференции включала основные направления исследований зоотематики в литературе, языке, фольклоре, мировой мифологии. Коллективная монография по итогам конференции выйдет в 2023 году.

Заключение

Монографии серии «Природный мир в пространстве культуры» содержат не только статьи-обзоры, перечисляющие репрезентанты избранного мотива или избранного образного кода в том или ином явлении культуры (например, в литературном произведении). Энциклопедическая мозаичность (сама по себе ценная) здесь должна быть подчинена сверхзадаче: выявить и осмыслить основной элемент, инвариант, «раппорт» символического узора, образованного определенным топосом в литературе, искусстве, в культуре в целом. Э. Кассирер выдвигал тезис о необходимости «сопоставить *процесс* построения мифологического мира с логическим *генезисом* научного понятия природы» (курсив автора. — А. С.) (Кассирер, 2021, с. 27). «Процесс построения художественных миров также должен рассматриваться на фоне этого сопоставления. Символ неисчерпаем в своей многосмысленной роскоши, но важно определить семантическую “равнодействующую” многих образов и символов (в данном случае — связанных с топосом воды и его семантических оппозиций), постичь логику их генезиса и построения в художественном произведении, осознать принципы системного подхода, объединяющего под одной обложкой исследования одного природного образа, различные по материалу, предмету, методам» (Полтавец и др., 2022, с. 9).

Так, коллективный труд «Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре» (2017) был призван утвердить семантическую доминанту образа дерева как наиболее обобщенную схему ветвления и символ процесса самопознания, а доминанту образа леса — как символ «многотрудных путей человеческого познания» (Мифы народов мира, 1992, с. 50). Задачей монографии «Птица как образ, концепт, знак в литературе, культуре и языке» (2019)

было исследование орнитосемантики в аспекте таких универсальных смыслов, как душа, самость, вера и отношения человека с Богом. Монографический обзор «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры, языка» (2020) стремился перейти от разрозненности наблюдений к концептуальному выявлению в топосе «насекомые» общей семантики метаморфозы, перевоплощения, изменчивости, бессмертия, а наряду с этим задавался вопросом о генезисе и функциях энтомологической метафоры и энтомологической метаболы. Вопросам семантики природных явлений посвящена коллективная монография «Семантика времен года в русской словесности» (2021), в которой поэтический смысл зимнего, весеннего, летнего и осеннего сезонов раскрывался в контексте природного календаря как часть годового цикла. «Следуя сложившейся традиции, определение семантического статуса времен года было направлено на постижение логики генезиса природных образов и символов и их построения в художественном произведении, на понимание универсальных и фундаментальных основ представлений о времени, присущих традиционной культуре, на осмысление процесса создания художественных миров в русской словесности» (Полтавец и др., 2022, с. 9–10). В коллективной монографии «Символика воды в русской словесности и мировой культуре», «при всем разнообразии представленных в ней наблюдений и анализов, прослеживается единый вектор поиска: гипотетической основой семантического ореола образа воды является соотнесенность с метаситуацией выбора веры и религии, с проблемами душевной жизни, памяти и забвения, а еще — с космогонией и эмбриогонией в их как архаических и мифологических, так и строго научных верифицированных аспектах» (Полтавец и др., 2022, с. 9–10).

Таким образом, через исследование восприятия природного мира художественным сознанием познается образный мир природы в русской словесности и в разных видах искусства, в *натурфилософском, онтологическом, экологическом, мифопоэтическом, культурологическом, эстетическом* и других дискурсах. В новом веке «человеческая история осознается как переживающая момент бифуркации, качественного скачка, заключающегося в возвращении человека в лоно природы на новом уровне и условиях...» (Стеценко, 2002, с. 312). И это возвращение возможно при условии следования человечества принципам глубинной экологии, одним из которых является мысль о самоценности любой жизни на Земле.

Список источников

1. Пригожин, И., & Стенгерс, И. (2003). *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. Едиториал УРСС.
2. Будыко, М. И. (1988). Проблемы и модели глобальной экологии и их связь с экологией человека. *Методологические проблемы экологии человека*: сб. науч. трудов. Наука.
3. *Экологические интуиции в русской культуре*: сб. обзоров. (1992). ИНИОН.
4. Стеценко, Е. А. (2002). *Экологическое сознание в современной американской литературе*. ИМЛИ РАН.

5. Минкявичус, Я. В. (1987). Место и роль культуры во взаимодействии общества и природы. *Философия и культура*. Наука, 216–235.
6. Мирский, Э. М. (1980). *Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки*. Наука.
7. *Художественное творчество. Вопросы комплексного изучения* – 1984. (1986). Наука.
8. Степин, В. С. (1999). *Теоретическое знание*. Прогресс-Традиция.
9. Бушмакина, Ю. В. (2017). Междисциплинарный подход в современном историческом знании. *Вестник ПГПУ. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки*. 2, 7–20.
10. Репина, Л. П. (2011). *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.*: Социальные теории и историографическая практика. Кругъ.
11. Полтавец, Е. Ю., Смирнова, А. И., & Райкова, И. Н. (2022). «И божественное слово умирят и приручает воды»: водный символизм в русской словесности и мировой культуре. *Символика воды в русской словесности и мировой культуре*: коллективная монография. Книгодел, МГПУ, 8–31.
12. *Природные стихи и образы в русской словесности*. (2015). Ленанд.
13. *Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре*: сб. науч. ст. (2017). МГПУ.
14. *Птица как образ, концепт, знак в литературе, культуре и языке*. (2019). Книгодел; МГПУ.
15. *Мир насекомых в пространстве литературы, культуры, языка*. (2020). Книгодел; МГПУ.
16. *Семантика времен года в русской словесности и искусстве*. (2021). Книгодел; МГПУ.
17. *Символика воды в русской словесности и мировой культуре*: коллективная монография. (2022). Книгодел; МГПУ.
18. Гаврилина, О. В. (2015). Природа как эстетический феномен в художественной литературе и его изучение. *Природные стихи в русской словесности*. Ленанд, 205–216.
19. Смирнова, А. И. (2017). Философия леса в романе А. А. Кима «Отец-лес». *Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре*: сб. науч. ст. МГПУ, 222–231.
20. Тишунина, Н. В. (2001). Методология интермедиального анализа в свете междисциплинарных исследований. *Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века*: материалы Междунар. науч. конф. С.-Петербург. философ. общество, 149–154.
21. Смирнова, А. И., Райкова, И. Н. (2020). Поэтическая энтомология: обзор материалов коллективной монографии «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(40), 123–130.
22. Матвеева, И. И. (2020). «Маленькие взволнованные существа» в прозе А. П. Платонова: онтологические и гносеологические контексты. *Мир насекомых в пространстве литературы, культуры, языка*. Книгодел; МГПУ, 175–181.
23. Романова, Г. И. (2021). Творец, природа, человек. *Семантика времен года в русской словесности*. Книгодел; МГПУ, 172–178.
24. Кассирер, Э. (2021). Философия символических форм. Т. 2. *Мифологическое мышление*. Центр гуманитарных инициатив.
25. *Мифы народов мира*. Энциклопедия. (1992). Т. 2. Советская энциклопедия.

References

1. Prigogin, I., & Stengers, I. (2003). *Order out of Chaos: A New Dialogue of Man with Nature*. Editorial CRSS. (In Russ.).
2. Budyko, M. I. (1988). Problems and models of global ecology and their connection with human ecology. *Methodological problems of human ecology*: Collection of scientific works. Nauka. (In Russ.).
3. *Ecological intuitions in Russian culture*: Collection of reviews. (1992). INION. (In Russ.).
4. Stetsenko, E. A. (2002). *Ecological consciousness in contemporary American literature*. IMLI RAS. (In Russ.).
5. Minkavičius, J. V. (1987). The place and role of culture in the interaction between society and nature. *Philosophy and culture*. Science, 216–235. (In Russ.).
6. Mirsky, E. M. (1980). *Interdisciplinary Studies and Disciplinary Organization of Science*. Nauka. (In Russ.).
7. *Artistic Creativity. Collective study questions – 1984*. (1986). Nauka. (In Russ.).
8. Styopin, V. S. (1999). *Theoretical knowledge*. Progress-Tradition. (In Russ.).
9. Bushmakina, Y. V. (2017). Interdisciplinary approach in modern historical knowledge. *Vestnik PGSPU. Ser. 3. Humanities and Social Sciences*, 2, 7–20. (In Russ.).
10. Repina, L. P. (2011). *Historical science at the turn of XX–XXI centuries*: Social theories and historiographical practice. Krug. (In Russ.).
11. Poltavets, E. Yu., Smirnova, A. I., & Raikova, I. N. (2022). «And the divine word tames and tames the waters»: water symbolism in Russian literature and world culture. *The Symbolism of Water in Russian Literature and World Culture*: Collective Monograph. Knigodel; MCU, 8–1. (In Russ.).
12. *Natural Elements and Images in Russian Literature*. (2015). Lenand. (In Russ.).
13. *Semantics of the garden and the forest in Russian literature and folklore*: collection of scientific articles. (2017). MCU. (In Russ.).
14. *Bird as image, concept, sign in literature, culture and language*. (2019). Knigodel; MCU. (In Russ.).
15. *The World of Insects in the Space of Literature, Culture, Language*. (2020). Knigodel; MCU. (In Russ.).
16. *Semantics of Seasons in Russian Literature and Art*. (2021). Knigodel; MCU. (In Russ.).
17. *Symbolism of Water in Russian Literature and World Culture*: Collective monograph. (2022). Knigodel; MCU. (In Russ.).
18. Gavrilina, O. V. (2015). Nature as an aesthetic phenomenon in fiction and its study. *Natural elements in Russian literature*. Lenand, 205–216. (In Russ.).
19. Smirnova, A. I. (2017). Philosophy of the forest in A. A. Kim's novel «Father Forest». *Semantics of the garden and the forest in Russian literature and folklore*: Collection of scientific articles. MCU, 222–231. (In Russ.).
20. Tishunina, N. V. (2001). Methodology of intermedial analysis in the light of interdisciplinary research. *Methodology of Humanitarian Knowledge in the Perspective of the XXI Century*: Proceedings of the International Scientific Conference. St. Petersburg Philosophical Society, 149–154. (In Russ.).
21. Smirnova, A. I., Raikova, I. N. (2020). Poetic entomology: a review of the materials of the collective monograph «The World of Insects in the Space of Literature, Culture

and Language». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(40), 123–130. (In Russ.).

22. Matveeva, I. I. (2020). «Little agitated beings» in A. P. Platonov's prose. P. Platonov: ontological and epistemological contexts. *The World of Insects in the Space of Literature, Culture, and Language*. Knigodel; MCU, 175–181. (In Russ.).

23. Romanova, G. I. (2021). Creator, nature, man. *Semantics of seasons in Russian literature*. Knigodel; MCU, 172–178. (In Russ.).

24. Cassirer, E. (2021). Philosophy of symbolic forms. T. 2. *Mythological thinking*. Centre for Humanitarian Initiatives. (In Russ.).

25. *Myths of the peoples of the world*. Encyclopaedia. (1992). T. 2. Soviet Encyclopedia. (In Russ.).

Информация об авторе

Альфия Исламовна Смирнова — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Alfia I. Smirnova — Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Russian Literature Department, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 82–31

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.02

МОТИВ «ОДИНОЧЕСТВО» В РОМАНЕ ДЖ. ГРИНА «БУМАЖНЫЕ ГОРОДА»

Баранова Ксения Михайловна¹,
Афанасьева Ольга Васильевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ BaranovKM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

² AfanasievaOV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1982-6577>

Аннотация. В настоящей статье раскрываются особенности мотива «одиночество» в романе известного американского писателя Дж. Грина «Бумажные города». Для выявления его специфики были подробно исследованы образы, персонажи и некоторые символы изучаемого произведения. Проведенный анализ показал, что мотив «одиночество» реализуется в романе разнонаправленно, раскрывая такие его составляющие, как уединение, изоляция, заброшенность.

Ключевые слова: одиночество, мотив, изоляция, заброшенность, уединение.

Для цитирования: Баранова, К. М., Афанасьева, О. В. (2023). Мотив «одиночество» в романе Дж. Грина «Бумажные города». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 20–33. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.02

Статья выполнена в рамках научной школы Института иностранных языков МГПУ «Проблемы современного зарубежного литературоведения».

Original article

UDC 82–31

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.02

THE MOTIF OF LONELINESS IN J. GREEN'S NOVEL «PAPER TOWNS»

Kseniia M. Baranova¹,
Olga V. Afanasieva²

^{1,2} Moscow City University, Moscow, Russia

¹ BaranovKM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2740-1643>

² AfanasievaOV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1982-6577>

Abstract. The article describes typical features of the motif *loneliness* in the novel «Paper Towns» by a famous American writer John Green. The main characters, images

and symbols of the novel were considered to get specific constituent parts of the motif under study. The analysis shows that it is realized in the novel emphasizing such aspects of loneliness as isolation, seclusion and abandonment.

Keywords: loneliness, motif, seclusion, isolation, abandonment.

For citation: Baranova, K. M., Afanasieva, O. V. (2023). The motif of loneliness in J. Green's novel «Paper Towns». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 20–33. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.02

The article was written within the framework of the MCU scientific school «Problems of Contemporary Foreign Literary Criticism», Institute of Foreign Languages.

Введение / Introduction

Творчество современного американского автора Джона Майкла Грина (John Michael Green, р. 1977) в наши дни привлекает внимание не только читателей, но и литературоведов (Куракова, 2019; Шумилова, 2019, и др.). Коренной житель США, он в 2000 году закончил Кеньон Колледж (Kenyon College), избрав в качестве специализации английскую литературу и религиоведение. После получения диплома, в течение пяти месяцев Дж. Грин работал в госпитале для тяжелобольных детей. Именно в этот период жизни он начал карьеру писателя. Первые его книги «В поисках Аляски» (Looking for Alaska, 2005) и «Многочисленные Катерины» (An Abundance of Katherines, 2006) были достаточно высоко отмечены критикой. Так, первый из упомянутых романов был награжден ежегодной премией Майкла Л. Принца (Michael L. Printz Award) Американской библиотечной ассоциации за лучшую книгу для молодежи и в течение ряда лет находился в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк Таймс» (New York Times Best Seller list). Произведение «Многочисленные Катерины» заняло второе место в списке указанной выше премии. Однако наиболее популярными среди читателей оказались романы писателя «Бумажные города» (Paper Towns, 2008) и «Виноваты звезды» (The Fault in Our Stars, 2012).

В своих сочинениях автор затрагивает значимые для современной молодежи проблемы, нередко изучая их в философском ключе. Одна из них — восприятие одиночества молодыми людьми начала XXI века. Целью данной статьи является анализ мотива «одиночество» в романе «Бумажные города». В задачи работы входит изучение причин появления указанного мотива в произведении американского романиста, исследование различных составляющих этого мотива на основе изучения способов его реализации в вышеназванном романе.

Методология исследования / Methodology

Концепция проводимого исследования базируется на научных положениях, связанных с пониманием мотива в современном литературоведении. Основу методологии исследования составляет мотивный анализ. В статье осуществляется системный подход к изучаемой проблеме при сочетании культурно-исторического, сравнительно-исторического и биографического методов исследования.

В наше время одной из основных проблем, которой уделяется значительное внимание в литературоведческих изысканиях, является анализ мотивов в создаваемых художественных произведениях (Баранова, 2011; Савинич, 2015). Сам термин чаще всего воспринимается как составная часть сюжета, «простейшая повествовательная единица» (Николюкин, 2001, с. 594). Как показывают исследователи, в литературе США имеется ряд мотивов, которые «можно полагать сквозными и рассматривать как источник развития основных тем американской литературы на протяжении нескольких столетий» (Баранова, 2014, с. 3–4). Иначе говоря, можно утверждать, что в структуре одного или нескольких сочинений мотив выделяется как одно из наиболее значимых и повторяющихся средств.

Отметим, что мотив «одинокчество» неоднократно привлекал внимание ученых. Его изучению были посвящены работы, нацеленные на анализ конкретных произведений (Машошина, 2015) или сочинений определенного периода (Баранова, Афанасьева, 2019, с. 8–17). В проведенных исследованиях, посвященных мотиву «одинокчество», подчеркивается, что в американской раннеколониальной литературе он практически отсутствовал. Его реализация начинает проявляться в работах, созданных в XIX веке. Этот мотив не теряет своей значимости и в наши дни, так как, отражая события, происходящие в обществе XX и XXI веков, многие писатели все большее внимание уделяют конкретному индивиду, его проблемам, описанию личного пространства, а это затрагивает также эмоции и чувства, испытываемые людьми.

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Проблема одиночества актуальна для наших современников. Несмотря на постоянные упоминания о глобализации современного мира, люди все чаще испытывают одиночество, хотя они не перестают поддерживать отношения в социальных сетях и мессенджерах. Однако реальное общение друг с другом происходит все реже. В науке существуют различные трактовки в понимании самого термина «одинокчество». Его восприятие подчеркивает, с одной стороны, наличие покоя, тишины и невмешательства со стороны иных людей. В этом случае уединение — позитивный момент для того или иного человека. Тем не менее подобное состояние может восприниматься как отрицательный

фактор, на что указывал в своих работах еще Б. Франклин, обращая внимание на то, что изоляция от общества, по сути, является одним из наиболее серьезных наказаний: «...one of the worst punishments to be excluded from society»¹ (Franklin, 1726). Иначе говоря, одиночество как состояние личности соединяет в себе два антитетических начала, т. е. «языковая концептуализация одиночества строится <...> на принципе оппозиций» (Американская культурно-языковая картина мира XIX века, 2019, с. 24). Для некоторых людей одиночество — это то, что способствует чувству удовлетворения, спокойствию и комфорту, включая и время, которое можно уделить себе, для того чтобы поразмыслить над своей жизнью и проблемами. Многие, напротив, боятся этого чувства, считая, что оно может быть основанием для уныния, меланхолии и даже состояния безнадежности.

Анализируемый мотив можно усмотреть в нарративах различных художественных произведений, созданных писателями разных стран и эпох. В частности, его реализация проявляется в известных романах американских писателей Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (The Catcher in the Rye, 1951) и Т. Моррисон «Самый синий глаз» (The Bluest Eye, 1970) и «Игра в темноте» (1992). Весьма ярко этот мотив реализуется и в творчестве Дж. Грина, например в его сочинении «Бумажные города». Данный роман можно рассматривать в качестве произведения, относящегося как к жанру приключенческого романа (в 2009 году он получил премию от Ассоциации детективных писателей США как лучший подростковый приключенческий роман Edgar Award for Best Young Adult Mystery), так и к жанру литературы для молодого читателя (young adult literature). Как пишут ученые, «в последние годы детская и юношеская аудитория <...> расширяется, растет количество издателей, создающих *secteur jeunesse* («сектор детской и юношеской прессы»)» (курсив авторов цитаты. — К. Б., О. А.) (Викулова и др., 2014, с. 234). К ее специфическим характеристикам ученые относят наличие интриги в начале повествования; разноплановый, напряженно развивающийся сюжет; включение в нарратив ярких, запоминающихся героев; юмористические вставки и неожиданный финал (Cole, 2009, p. 61). Несмотря на то что анализируемый термин вошел в употребление лишь в 50–60-е годы прошлого века, сочинения, главными героями которых были подростки, существовали еще задолго до указанного временного периода.

В качестве примера можно упомянуть классические произведения, которые вошли в золотой фонд всемирной литературы. Это романы Ч. Диккенса «Оливер Твист» (Oliver Twist, 1838) и «Большие надежды» (Great Expectations, 1861), фантастические сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» (Alice in Wonderland, 1865) и «Алиса в Зазеркалье» (Through the Looking-Glass, and What Alice Found There, 1871), знаменитые истории М. Твена «Приключения Тома Сойера» (The Adventures of Tom Sawyer, 1876) и «Приключения Гекльберри Финна» (The Adventures of Huckleberry Finn, 1884), а также многие

¹ «...одно из наихудших наказаний — изоляция от общества» (перевод наш. — К. Б., О. А.).

другие сочинения. Здесь представляется уместным еще раз вспомнить роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (*The Catcher in the Rye*, 1951). Автор создавал его для взрослой аудитории, но роман стал очень популярным именно среди молодых людей, причину чего можно усмотреть в реалистичном описании юношеских страхов и одиночества.

Дж. Грин весьма реалистично показывает жизнь представителей молодого поколения. В развитии сюжета большинства романов, относящихся к жанру литературы для молодого читателя, можно выявить интересную, а иногда даже неожиданную коллизию. Поступки героев в большинстве своем понятны юному читателю и заставляют его задуматься о процессе взросления протагонистов, а также ассоциировать себя с персонажами произведений, переживать и радоваться вместе с ними.

После выхода из печати роман «Бумажные города» сразу же приобрел популярность среди читателей разных возрастных групп, хотя, по сути, был ориентирован на подростковую аудиторию. В тексте писатель затрагивает проблему взросления молодых людей и их поиска своего места в жизни. Одним из ведущих мотивов данного произведения является мотив «одиночества», который реализуется через поступки двух главных персонажей — юноши по имени Квентин (Кью) Джейкобсен (*Quentin “Q” Jacobson*) и девушки, Марго Рот Шпигельман (*Margo Roth Spiegelman*). Место, где происходят многие события, — вымышленное поселение Джефферсон-парк (*Jefferson Park*) в штате Флорида (*Florida*). Сюжетная линия строится вокруг взаимоотношений Квентина и Марго. Оба они ученики средней школы Винтер-парк (*Winter Park High School*). Кью влюблен в свою одноклассницу и соседку Марго, но в момент описываемых событий взаимоотношения между молодыми людьми практически прекратились, хотя ранее они были очень дружны.

Кью стал типичным ботаником. Учеба полностью занимает все его время. Чувство некоторой отстраненности от остальных сверстников, и даже в каком-то смысле одиночества, не тяготит юношу, он доволен существующим положением дел. Понимая, что он постепенно идет к поставленной цели, Квентин по-прежнему испытывает нежные чувства к Марго. Однако красавица и самая популярная школьница не питает никаких романтических чувств по отношению к своему бывшему другу и не обращает на него никакого внимания. Она производит впечатление девушки, полностью довольной жизнью, уверенной в себе, не нуждающейся в ком-либо. Неожиданно за несколько недель до выпускного вечера Марго обращается к Квентину с просьбой помочь ей отомстить своим недругам, для чего ей нужна машина его матери. Молодой человек соглашается. Помогая однокласснице, он становится участником ночного приключения.

Во время совместной поездки в автомобиле Квентину становится ясно, что жизнь Марго весьма сложно назвать безоблачной или беззаботной. Она не соответствует тому образу, который он создал. В реальности девушка не ощущает себя частью того общества, в котором выросла, она очень

одинок и не может найти собственное место в жизни. По сути, то, что испытывает Марго, является социальным одиночеством, ибо главная героиня не хочет принадлежать к социуму, в котором живет, ей некомфортно быть его частью.

Глядя на знакомые улицы ночного города из окна машины, Марго говорит Квентину, что его жителей окружают лишь притворство и фальшь: «You see how fake it all is. It's not even hard enough to be made out of plastic. It's a paper town. <...> All those paper people living in their paper houses <...> All the things paper-thin and paper-frail. And all the people, too»² (Green, 2008, p. 57). Героиня называет бумажным город, в котором живет. Она считает, что его населяют бумажные люди, в нем возведены бумажные дома. Слово «бумажный» (paper) в приведенных выше сочетаниях означает фальшивый, пустой, ненастоящий. Именно так воспринимает Марго существование тех, кто живет в поселениях типа Джефферсон-парк.

Название романа Дж. Грина символизирует искусственную жизнь, от которой стремится убежать девушка. Она не хочет ощущать себя никчемной и опустошенной, подобно многим жителям родного города. Испытывая тоску и одиночество, осознав, что там, где она родилась, ей нет места, Марго пытается найти комфортную территорию для проживания, а потому она убегает из дома, пытаясь таким образом преодолеть собственное одиночество.

Можно предположить, что бумажные города символизируют внутреннюю опустошенность героини. Подчеркнем, что с самим словосочетанием paper towns Дж. Грин столкнулся во время учебы в колледже, когда он вместе со своим другом путешествовал по Южной Дакоте (South Dakota). Молодые люди, изучая карту местности, пытались найти интересовавший их город, но в реальности этого поселения не существовало. Оно только значилось как таковое на бумаге. Иначе говоря, «бумажные города» — это названия населенных пунктов, чаще всего заброшенных, покинутых бывшими жителями. Однако картографы помечают их в путеводителях для защиты авторских прав. Эта идея заброшенности соотносима с проблемой одиночества. Именно поэтому автор анализируемого романа отводит так много места в повествовании описанию заброшенных мест. Мотив «одиночество» включает в себя эту составляющую.

Пытаясь найти сбежавшую Марго, Квентин проезжает мимо различных населенных пунктов, одним из которых является Гроувпойнт (Groverpoint). Молодой человек въезжает на эту территорию, тоже покинутую людьми. Она одиноко выглядит на фоне местного ландшафта: «...it was every bit as desolate as Groverpoint Acres»³ (Green, 2008, p. 156). Глядя на то, что герой

² «...он фальшивый. Такой из пластмассы нетрудно сделать. Или из бумаги вырезать. <...> А барахло все тонкое и брэнное, как бумага. И люди такие же» (Грин, 2015, с. 63–64, перевод Ю. Л. Федоровой).

³ «...перед моими глазами предстало такое же запустение, как и в Гроувпойнте» (Грин, 2015, с. 165, перевод Ю. Л. Федоровой).

видит вокруг, он вспоминает, как в детстве его мать называла подобные места недопоселениями. Она имела в виду, что эти города и поселки становились заброшенными, будучи еще в процессе возведения, т. е. недостроенными: «...Grovepoint Acres was what my mom called a pseudovision — a subdivision abandoned before it could be completed»⁴ (Green, 2008, p. 138).

Получается, что Марго прокладывает свой путь побега через пустынные, заброшенные «бумажные города», которые представляют собой в какой-то степени ее временные пристанища на пути к истинной цели, а цель — это несуществующий в реальности «бумажный город» под названием Эглоу (Agloe), который девушка обнаружила на одной из карт. И безлюдные локации, мимо которых она проезжает, выступают как символ опустошенности, никчемности ее жизни. Пытаясь добраться до Эглоу, героиня останавливается в различных пустых поселениях и старается разобраться в причинах собственного одиночества, придать некий смысл своей жизни, который, как ей кажется, она потеряла.

Один из регионов, которые Квентин посещает во время поисков Марго, отнюдь не является заброшенным, в нем живут люди. Тем не менее он производит впечатление такого же пустынного, одинокого места, через которые герой уже проезжал: «Past downtown, a single road bisects the highway, and on that road sits Roscoe's lone neighborhood» (Green, 2008, p. 279)⁵. Квентин воспринимает его так же, как героиня: «...the whole town seems deserted»⁶ (Там же).

Мотив «одиночество» в романе «Бумажные города» реализуется не только через пустынные места, упоминаемые в нарративе. Его проявление можно усмотреть и в описании чувств, различных эмоций, которые испытывают персонажи произведения. Так, Квентин, казалось бы, достаточно спокойно воспринимает то, как к нему относятся в школе. Нельзя сказать, что подросток одинок, он общается со своими одноклассниками, но положение ботаника ставит его в несколько иные условия, по сравнению с другими учащимися.

В отличие от Марго юноше нравится быть среди своих товарищей, ощущать их поддержку. Но он не страдает и в их отсутствии. Состояние одиночества не угнетает молодого человека. Ему даже комфортно в те минуты, когда друзей нет рядом. Однако, пытаясь выйти на след пропавшей девушки, Квентин не хочет быть один. Он рад видеть рядом с собой Бена (Ben) и Радара (Radar), ощущать их присутствие, знать, что они помогут: «I watched Ben stand up next to me. It felt good not to be alone»⁷ (Green, 2008, p. 203). Герою импонирует то, что он может рассчитывать на своих школьных друзей в заброшенном здании. Те же чувства юноша испытывает, когда молодые люди осматривают

⁴ «...“Гроувпойнт” <...> Моя мама такие места называла “недопоселениями” — их бросали, так и не достроив» (Грин, 2015, с. 147, перевод Ю. Л. Федоровой).

⁵ «Когда мы проезжаем центр, дорогу пересекает единственная улица, и вдоль нее тянется единственный жилой район Роскоу» (Грин, 2015, с. 288, перевод Ю. Л. Федоровой).

⁶ «...весь город кажется заброшенным» (Грин, 2015, с. 288, перевод Ю. Л. Федоровой).

⁷ «Бен поднялся и встал рядом. Меня обрадовало, что я не один» (Грин, 2015, с. 214, перевод Ю. Л. Федоровой).

комнаты, в которых была Марго. Квентин понимает, что он не ощущает страха благодаря тому, что его одноклассники рядом.

В эпизоде, где Кью и его друзья находятся в машине, следуя по пути передвижения девушки, главный герой вдруг ощущает свободу. Ему приходит в голову мысль, что пропавшая Марго тоже испытывала это чувство независимости и легкости, покидая Джефферсон-парк, но в отличие от него она была одинока: «Maybe it felt like this for her, too, but I could never feel like this alone»⁸ (Green, 2008, p. 262).

Возвращаясь к событиям предыдущей ночи, Квентин вдруг осознает, что, стоя у окна делового центра вместе с Марго, он ощущал свое полное одиночество, невзирая на то, что рядом была девушка, его соседка, которую он знал с двух лет: «Even though I could see her there, I felt entirely alone among these big and empty buildings...»⁹ (Green, 2008, p. 55). В этот момент ночного путешествия молодой человек понимает, что для него невозможно установить особые отношения с Марго. Его переполняет непреодолимая тоска, отчего чувство одиночества только усиливается. Но, по сути, подобные эмоции для него краткосрочны. В отличие от девушки, Кью не хочет быть один. Как отмечалось выше, он доволен тем, что у него есть друзья, и он может на них положиться.

Таким образом, одиночество воспринимается Квентином в различных ситуациях по-разному. Ему достаточно комфортно заниматься в школе, рассчитывая на самого себя. В этом случае одиночество воспринимается им спокойно и даже позитивно. Однако недостижимость установления более близких отношений с Марго влияет на чувства юноши негативно. Будучи рядом с ней, но испытывая некую изоляцию от нее, Кью ощущает себя весьма одиноким, так как девушка не впускает его в свой мир.

Сюжетная линия романа развивается таким образом, что информацию об эмоциональном состоянии Марго читатель в основном получает из реплик, размышлений, предположений главного героя. Квентин понимает, что Марго сильно изменилась. Она стала загадочной и непонятной. И хотя любимая им девушка по-прежнему жизнерадостна, окружена всеобщим вниманием, активно участвует в школьных мероприятиях, у нее в жизни не все так беззаботно и радостно. Она в реальности испытывает приливы одиночества, что, с его точки зрения, абсолютно нетипично для нее: «This image seemed too sad to be true — it all struck me as so lonely and so very unMargo»¹⁰ (Green, 2008, p. 169). Квентину сложно поверить в то, что Марго пытается убежать из того «пустого бумажного» общества, в котором она оказалась, в том числе и от самой себя. Молодой человек поражен тем, что девушка его мечты настолько одинока.

⁸ «Может, и Марго себя так же чувствовала, но, если бы я ехал один, мне не было бы так хорошо» (Грин, 2015, с. 271, перевод Ю. Л. Федоровой).

⁹ «Даже несмотря на ее присутствие, среди этих огромных, пустых зданий я чувствовал себя одиноко...» (Грин, 2015, с. 59, перевод Ю. Л. Федоровой).

¹⁰ «Какой-то слишком печальный получился образ, он не мог оказаться верным — в нем сквозило страшное одиночество, это было совершенно *не в духе* Марго» (курсив автора. — К. Б., О. А.) (Грин, 2015, с. 178, перевод Ю. Л. Федоровой).

По ходу развития сюжета Кью все более четко видит, что Марго в реальности и девушка в его воображении, по сути, две разные личности: «All along — not only since she left, but for a decade before — I had been imagining her without listening, without knowing that she made as poor a window as I did. And so I could not imagine her as a person who could feel fear, who could feel isolated in a roomful of people, who could be shy about her record collection because it was too personal to share»¹¹ (Green, 2008, p. 199). Квентин понимает, что он в течение всего знакомства с Марго весьма односторонне воспринимал свою соседку и видел в ней только бойкую девушку, которая всегда оказывалась в центре любых школьных компаний, настоящий символ жизнелюбия и удачи. Ведь, по сути, она просто создавала этот образ и хотела, чтобы именно так ее воспринимали окружающие. В действительности же главная героиня глубоко несчастна, она ощущает пустоту и одиночество.

Постепенно протагонист начинает воспринимать ее достаточно реалистично. Его оценка героини трансформируется и переходит от восхищения и слепой привязанности к адекватному пониманию ее личности. Ранее юноша не допускал мысли о том, что девушка может чувствовать себя изолированно и одиноко в большой компании людей. Но в реальности это именно так. Он также внезапно осознает, что внутри себя Марго ощущает пустоту, которую она пытается заполнить: «And all at once I knew how Margo Roth Spiegelman felt when she wasn't being Margo Roth Spiegelman: she felt empty»¹² (Green, 2008, p. 199).

Во время поисков девушки Квентин ощущает свою беспомощность. Он сильно беспокоится за ее жизнь и даже предполагает, что она может совершить самоубийство. В его воображении возникают страшные картины ее смерти. В какой-то момент Кью кажется, что Марго выглядывает из темноты, но он понимает, что это лишь иллюзия: «It was only a tree, alone in the empty silver dirt. I sat down against the tree and let my breath come back. I hated doing this alone»¹³ (Green, 2008, p. 156). Молодой человек ассоциирует увиденное им дерево с человеком. Квентин в своих фантазиях видит голодающую Марго. Юноша считает, что ей не на кого рассчитывать, она не может добыть себе пропитание, и ей некому помочь. Герой испытывает сильную грусть и даже страх по поводу ее физического и эмоционального состояния, в чем можно усмотреть

¹¹ «Все это время — даже за десять лет до того, как она сбежала — я строил образ Марго, на самом деле не слушая ее, не зная, что у нее такое же негодное окно, как и у меня. Поэтому я не мог себе представить, что она — такой же человек, который в состоянии испытывать страх, который может чувствовать себя одиноким в толпе, который может стесняться своей коллекции пластинок, потому что это слишком личное» (Грин, 2015, с. 209, перевод Ю. Л. Федоровой).

¹² «И я сразу понял, как Марго Рот Шпигельман чувствовала себя, когда не была Марго Рот Шпигельман: она чувствовала себя опустошенной» (Грин, 2015, с. 209, перевод Ю. Л. Федоровой).

¹³ «Но нет. Это было просто дерево, одинокий дуб в серебристой пыли. Я сел, опершись об него сам, и подождал, пока восстановится дыхание. Я чувствовал себя ужасно из-за того, что приходится делать все это в одиночку» (Грин, 2015, с. 304, перевод Ю. Л. Федоровой).

межличностное одиночество, ибо чувство тревоги переполняет героя. Он боится потерять девушку своей мечты. Ему не хватает общения с ней.

Проанализировать чувства Марго пытается и мать главного героя: «When she comes back,” my mom said, “she’s going to be devastated. To be abandoned like that! Shut out when you most need to be loved»¹⁴ (Green, 2008, p. 106). По роду своей деятельности Миссис Джейкобсен является психологом. Она анализирует взаимоотношения в семье девушки и понимает, что ее родители привыкли к неожиданным поступкам своей дочери. Поэтому исчезновение Марго не производит на членов семьи должного впечатления, и они не спешат предпринимать какие-либо действия в плане ее поисков. Им трудно представить себе, что, убежав из дома, она хочет прервать свое одиночество. Однако родители девушки, не понимая ее опустошенности, игнорируют поведение своего ребенка. Она же, не найдя отклика со стороны родных и близких людей, начинает придумывать различные схемы побега из дома. Исчезновение из их жизни кажется ей единственно возможным выходом из сложившейся ситуации. Изоляцию главной героини от родителей можно усмотреть в воспоминаниях Марго о тех поездках на машине, которые она совершала в детстве: «I didn’t even like the road trip, really — it was incredibly lonely — but I love having done it, right»¹⁵ (Green, 2008, p. 291). Родители Марго никогда не уделяли дочери должного внимания, что увеличивало ее эмоциональное чувство одиночества. Вот почему, убежав из дома, она оставляет ниточки, подсказки, которые могут помочь найти ее. Иными словами, девушка не хочет полной изоляции от людей, с которыми прожила всю свою жизнь.

Когда Квентин, наконец, находит Марго в городе Эглоу, она объясняет ему, что выбрала этот, по сути, пустой город, так как понимает, что сама является «бумажной», ненастоящей, а потому хочет именно здесь избавиться от собственной внутренней пустоты. Когда-то место, где расположен Эглоу, было лишь точкой на карте, но люди, открыв в нем продовольственный магазин, придали импульс его развитию, как бы вдохнули в него жизнь. Марго решила, что ей тоже может поспособствовать удача, и она сможет начать новую, наполненную смыслом жизнь на этой территории, реально избавившись от чувства одиночества. Однако в небольшом городке девушке нечем заняться, ей скучно, и она по-прежнему одинока: «When I got here, I did get bored. There’s nothing to do <...> I kept waiting for that loneliness and nervousness to make me want to go back. But it never did»¹⁶ (Green, 2008, p. 295). Это непреодолимое чувство тоски, которое девушка испытывает в Эглоу, тем не менее не пробуждает

¹⁴ «Когда Марго вернется, — сказала мама, — она, наверное, жутко расстроится. Ведь они ее бросают! Отказываются от нее, когда ей особенно необходимо чувствовать себя любимой» (Грин, 2015, с. 115, перевод Ю. Л. Федоровой).

¹⁵ «Сама поездка мне и не понравилась даже — было невероятно одиноко. Но меня жутко радовал тот факт, что я сделала это» (Грин, 2015, с. 300, перевод Ю. Л. Федоровой).

¹⁶ «А вот приехав сюда, я заскучала. Тут нечего делать <...> Я все ждала, что одиночество и нервы вынудят меня вернуться. Но нет» (Грин, 2015, с. 304, перевод Ю. Л. Федоровой).

у нее желания вернуться домой, занять прежнее место в привычном для нее обществе. Она полагает, что ей следует искать свой путь где-то еще.

Заключение / Conclusion

Проведя анализ мотива «одинокчество» в романе Дж. Грина «Бумажные города», можно заключить, что исследуемый феномен реализуется здесь разнопланово, раскрывая разные стороны испытываемого главными персонажами чувства. В нарративе произведения можно найти ассоциации, которые использует автор, чтобы представить читателю, в каком состоянии находятся протагонисты. Одинокчество Марго представляет собой ярко выраженный пример социального одинокчества. Пустота в душе главной героини реферирует к заброшенности определенных территорий, а также к ощущению изоляции собственной персоны от остального общества, куда она, казалось бы, весьма успешно интегрирована.

Девушка не способна принадлежать обществу, в котором живет. Она целеустремленно пытается изолироваться от него и его влияния. Ей претит воспринимать себя в качестве типичного жителя родного поселения, где люди существуют и действуют по правилам, когда-то созданным кем-то, но не ими самими. При этом горожане практически не могут вносить коррективы в существующее положение дел и вынуждены следовать канонам определенной модели, хотя на самом деле у них нет желания поступать подобным образом, что проявляется и в захлестнувшем Марго чувстве одинокчества. Ей хочется делать то, что комфортно для нее. Она очень нуждается в поддержке, поскольку как большинство подростков ее возраста, весьма уязвима. Однако девушке не хватает понимания и внимания со стороны близких людей. Отсюда закономерный протест — побег из родного дома как попытка избавиться от одинокчества и обрести настоящую себя. Аспекты заброшенности и изоляции ярко проявляются при реализации изучаемого мотива в отношении главной героини.

Тревога, которую главный герой ощущает за свою возлюбленную, вызвана исчезновением Марго и его страхом, что с девушкой может произойти нечто непоправимое. Над ним как бы постоянно висит угроза найти героиню мертвой. В определенной степени это приводит юношу к состоянию межличностного одинокчества. Протагонист сильно переживает по поводу реальной или возможной утраты дорогого для него человека, а также отсутствия связи с ним. Тем не менее в его ощущениях одинокчество не всегда воспринимается как нечто негативное. Это заметно проявляется в стремлении Квентина найти уединение. Данный персонаж, распланировав свою жизнь, стремится найти покой. Он удовлетворен существующим положением дел. Молодой человек размышляет об одинокчестве не потому, что сам испытывает его. Он скорее выражает беспокойство по поводу состояния Марго, для которой ощущение заброшенности и изоляции приводит к необходимости вырваться из окружающей ее рутины.

Таким образом, можно констатировать разноплановую реализацию мотива «одиночество» в романе Дж. Грина «Бумажные города», что проявляется в виде состояний социального и межличностного одиночества главных героев, раскрывая такие содержательные аспекты изучаемого мотива, как уединение, изоляция, заброшенность и опустошенность.

Список источников

1. Куракова, И. А. (2019). Образ подростка в романе воспитания Джона Грина «Бумажные города». *Litera*, 6, 116–127.
2. Шумилова, Т. И. (2020). Стилистические особенности романа Дж. Грина «Бумажные города». *Амурский научный вестник*, 4, 111–120.
3. Баранова, К. М. (2011). Ведущие лейтмотивы ранней американской словесности и их влияние на современную литературу. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(7), 8–13.
4. Савинич, С. С. (2015). Мотив сотворения кумира в романе К. Маккалерс «Сердце — одинокий охотник». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(20), 20–27.
5. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
6. Баранова, К. М. (2014). Образ Нового Адама в американской литературе колониального периода (религиозный, гражданский и личный идеалы). МГПУ.
7. Машошина, В. С. (2015). Языковая репрезентация концепта «одиночество» в романе Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(18), 44–48.
8. Баранова, К. М., & Афанасьева, О. В. (2019). Мотив «одиночество» в американской литературе раннего романтизма. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(34), 8–18.
9. Franklin, B. (1726). *Journal of a Voyage*. <https://franklinpapers.org/framedVolumes.jsp>.
10. *Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство*. (2019). Диона.
11. Викулова, Л. Г., Кулешова, А. В., & Вяткина, А. А. (2014). Формирование коммуникативного пространства для детей и подростков: иллюстрированный журнал (на материале французской прессы). В Н. В. Аниськина & Л. В. Ухова (Ред.). *Активные процессы в социальной и массовой коммуникации*. Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 231–249.
12. Cole, P. B. (2009). *Young Adult Literature in the 21st Century*. New York: McGraw Hill.
13. Green, J. (2008). *Paper Towns*. Bloomsbury Publishing Plc.
14. Грин, Дж. (2015). Бумажные города. Рипол Классик.

References

1. Kurakova, I. A. (2019). The image of a teenager in John Green's upbringing novel «Paper Towns». *Litera*, 6, 116–127. (In Russ.).
2. Shumilova, T. (2020). Stylistic features of J. Green's novel «Paper Towns». *Amur Scientific Bulletin*, 4, 111–120. (In Russ.).

3. Baranova, K. M. (2011). Main Leitmotifs of Pre-national Literature and Their Influence on Modern American Literature. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(7), 8–13. (In Russ.).
4. Savinich, S. S. (2015). The motif of the creation of an idol in the novel by K. McCullers «The Heart is a Lonely Hunter». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(20), 20–27. (In Russ.).
5. *Literary encyclopedia of terms and concepts* (under the editorship of A. N. Nikolyukin). (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
6. Baranova, K. M. (2014). *The image of the New Adam in American literature of the colonial period (religious, civil and personal ideals)*. MGPU. (In Russ.).
7. Mashoshina, V. S. (2015). Linguistic representation of the concept «loneliness» in G. Melville's novel «Moby Dick, or the White Whale». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(18), 44–48. (In Russ.).
8. Baranova, K. M., & Afanasieva, O. V. (2019). The motif of «loneliness» in the American literature of early Romanticism. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(34), 8–18. (In Russ.).
9. Franklin, B. (1726). *Journal of a Voyage*. <https://franklinpapers.org/framedVolumes.jsp>.
10. *American cultural and linguistic picture of the world of the 19th century: time, freedom, fate, loneliness, dignity*. (2019). Dion. (In Russ.).
11. Vikulova, L. G., Kuleshova, A. V., & Vyatkina, A. A. (2014). Formation of a communicative space for children and adolescents: an illustrated magazine (on materials from the French press). In N. V. Aniskina, L. V. Ukhova (Eds.). *Active processes in social and mass communication*. Yaroslavl State Pedagogical University, 231–249. (In Russ.).
12. Cole, P. B. (2009). *Young Adult Literature in the 21st Century*. New York: McGraw Hill.
13. Green, J. (2008). *Paper Towns*. London: Bloomsbury Publishing Plc.
14. Green, J. (2015). *Paper Towns*. Ripol Classic. (In Russ.).

Информация об авторах

Ксения Михайловна Баранова — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Ольга Васильевна Афанасьева — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Kseniia M. Baranova — Doctor of Philology, full professor, Head of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Olga V. Afanasieva — Doctor of Philology, full professor, professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов:

Баранова К. М. — сбор, анализ материала; обработка материала; написание исходного текста; итоговые выводы.

Афанасьева О. В. — разработка концепции исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Kseniia M. Baranova — material collection; material processing; writing the draft; methodology development; follow-on revision of the text; final conclusions.

Olga V. Afanasieva — research concept; follow-on revision of the text; final conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81–112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.03

**РИТОРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В РАННЕЙ ЛИРИКЕ И. А. БУНИНА (II)****Ганиев Журат Валиевич**Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Ganiew.juratganiev@yandex.ru

Аннотация. Одной из актуальнейших проблем риторики было и остается несправедливое для большинства социальное и имущественное неравенство в обществе. Обделенное большинство и обеспеченное меньшинство имеют взаимные претензии друг к другу. Бунин искренно любил своих придавленных «нуждишкой» героев, забытых, но сохраняющих свою исконную безропотность, неприязнательность. В начале творчества Бунина эти герои всю жизнь остаются «детьми» и в них не пробуждается чувство протеста или недоумения перед очевидной несправедливостью мироустройства. До конца жизненного пути они так и не находят выхода из своего безнадежного положения. Бунин изображал людей пожилых и старых, забывших о дурном прошлом. Образ этой крестьянской старости с ее покинутостью и незащищенностью, с униженной человеческой природой предьявляет многовековой счет обществу, устройству в нем жизни и вызывает к справедливости.

Ключевые слова: гражданские риторические мотивы, ранние стихи Бунина, лирика Серебряного века, образы стариков и инвалидов.

Для цитирования: Ганиев, Ж. В. (2023). Риторические мотивы в ранней лирике И. А. Бунина (II). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 34–43. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.03

Original article

UDC 81–112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.03

**RHETORICAL MOTIFS
IN IVAN BUNIN'S EARLY LYRICS (II)****Zhurat V. Ganiev**Moscow City University,
Moscow, Russia

Ganiew.juratganiev@yandex.ru

Abstract. Social and property inequality in the society has always been one of the most urgent problems within the framework of rhetorics. The deprived majority and the wealthy

minority have mutual claims against each other. Bunin is sincere in his love towards his heroes crushed by need. They seem downtrodden, though they preserve their original submissiveness and unpretentiousness. Bunin's early works feature these characters frozen in their childish attitude for the rest of their lives without any sense of protest or at least bewilderment at the obvious injustice of the world order. Unfortunately, they never find a way out of their hopeless situation until the end of their lives. Bunin likes to portray elderly and senior people who have forgotten about the bad and cruel past. The image of this peasant old age with abandonment and defenselessness, with humiliated human nature, presents a century-old account to the society, to the arrangement of life as well as appeals for justice.

Keywords: civic rhetorical motifs, Bunin's early poems, Silver Age lyrics, images of the old and the disabled.

For citation: Ganiev, Zh. V. (2023). Rhetorical Motifs in Ivan Bunin's Early Lyrics (II). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 34–43. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.03

Одной из главных миссий сократовской (античной) и новой риторики середины прошлого века было и остается обращение к голосу совести реципиента. В русской ментальности совесть предстает как чувство личной ответственности, прирожденное чувство справедливости. В этом ключе рассмотрим следующую проблему: в России всегда существовало неравенство между бедным и беднейшим большинством и разбогатевшей меньшей частью населения, что вызывает в государстве социальную напряженность. Люди в своем большинстве возлагают вину за неприемлемую диспропорцию между имущими и неимущими на правящие круги и политические партии. Социальная напряженность — неотъемлемая, неременная проблематика традиционной и новой риторики.

Под влиянием старшего брата Юлия Алексеевича Бунина 18-летний Иван Алексеевич пришел к убеждению, что поэты, чьи чувства отличаются большей интенсивностью, чем у окружающих людей, могут выражать горячие протесты против бедности, нищеты, безысходных страданий в обществе. И. Бунин приводил примеры гражданских оценок неравенства из творчества И. С. Никитина, Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина (Бунин, 1967, т. 9, с. 487–494, 502–506). Основу нынешнего анализа составляют два бунинских стихотворения¹, где поэт откликается на случаи вопиющей нищеты в народной среде в пореформенные времена.

Новая, или общая, риторика в середине прошлого века (льежская школа), исследуя аргументацию в художественной и особенно в поэтической речи, убедительно показала, что довольно экспрессивными аргументами в этом типе речи являются тропы и фигуры (главенствующая роль риторических факторов

¹ В первой статье из цикла о риторических мотивах в ранней лирике Бунина (с анализом стихотворения «Над могилой С. Я. Надсона») сделана заявка на следующие статьи с риторическим анализом бунинских стихов (см.: Ганиев, 2022, с. 83–92)).

в поэзии). При этом ученые-стилисты ссылались на фундаментальные труды Р. О. Якобсона по поэтике (Дюбуа, Пир, Тринон, 1986).

ДЕРЕВЕНСКИЙ НИЩИЙ [1886]

В стороне от дороги, под дубом,
Под лучами палящими спит
В зипунишке, заштопанном грубо,
Старый нищий, седой инвалид;

Изнемог он от дальней дороги
И прилег под межой отдохнуть...
Солнце жжет истомленные ноги,
Обнаженную шею и грудь...

Видно, слишком нужда одолела,
Видно, негде приюта сыскать,
И судьба беспощадно велела
Со слезами по окнам стонать...

Не увидишь такого в столице:
Тут уж впрямь истомленный нуждой!
За железной решеткой в темнице
Редко виден страдалец такой.

В долгий век свой немало он силы
За тяжелой работой убил,
Но, должно быть, у края могилы
Уж не стало хватать ему сил.

Он идет из селенья в селенье,
А мольбу чуть лепечет язык,
Смерть близка уж, но много мученья
Перетерпит несчастный старик.

Он заснул... А потом со стенаньем
Христа ради проси и проси...
Грустно видеть, как много страданья
И тоски и нужды на Руси!²

Откуда была знакома юному Бунину подобная нищета и бедность в современной ему действительности? Детство и юность он прожил в условиях надвигающейся на семью безнадежной нужды, видел доведенное до полного

² Как и в первой статье из цикла о риторических мотивах в ранней лирике Бунина, ниже последуют построчные комментарии об аргументах классической и новой риторики (для этого мы обозначили номера стихотворных строк).

упадка фамильное родовое поместье, унижения перед лицом соседей, местных властей, крестьян³. С семи лет Бунин, живя в поместье (хутор Бутырки), вел жизнь, тесно связанную с полем, с мужицкими избами и их обитателями. До поступления в елецкую гимназию с друзьями из этой среды он целыми днями стерег в поле скотину. Позднее, не выдержав обстановки, которая его окружала в Ельце, он ушел из гимназии.

Поэзия, литературный труд представились 15-летнему Бунину единственным надежным убежищем, уходом от унижений, ожидавших его, недоучившегося гимназиста. Это было спасением не столько в материально-правовом отношении, сколько бегством от духовного убожества и пошлости мира мелких службистов и лавочников (в подобной семье он жил в Ельце, учась в гимназии).

В это время все симпатии и неподдельное сочувствие Бунина были на стороне бедных, изнуренных безнадежной нуждой, голодом, унижениями от власти и капитал имущих. В них его особо трогали терпение и стоицизм, нравственная чистота, вера в Бога⁴.

Строфа I: композиционно-смысловой тип речи *констатация* (по-старому *описание*), включающий в себя экспозицию и начало развития художественного риторического конфликта.

Строки 1–4: экспрессия набирает силу в строке 3 (эпитеты *в зипунишке, заштопанном грубо*), в строках 2 и 4 имеется еще несколько экспрессивных эпитетов (*пальцами, старый нищий, седой инвалид*). Последний эпитет *седой инвалид* превращается в источник (начало художественного) риторического конфликта — совместно с содержанием V строфы (коммуникативно обусловленные типы речи *повествование* и *рассуждение*). Уровень экспрессии в строфе I воспринимается по ее максимуму в строках 3–4.

Строфа II: продолжение композиционно-смыслового типа речи *констатация* (*описание*, строки 7–8), начатого в строфе I, а также развитие социально-художественного риторического конфликта (в строках 5, 7–8). Начало строфы — *рассуждение*⁵; совмещение двух типов речи (констатации и рассуждения) передано, в ряду прочего, также сменой видовременных форм глагола (*жжет — изнемог, прилег*). Наибольшая экспрессия в строфе в словах *изнемог, истомленные*, менее экспрессивны *солнце жжет* + 3 прямых объекта в строках 7–8.

³ Это случилось еще по вине братьев деда, обделивших его при дележе богатого наследства, доставшегося им после кончины прадеда поэта. Разорение имения совершил своим образом жизни отец Ивана Алексеевича — человек неплохой, по отзывам людей, знавших его (Бунин, 1967, т. 9, с. 253–256).

⁴ Ниже, в построчных комментариях, мы коснемся разницы между русскими сельскими семьями, впадавшими в прежние времена в нищету в зимний сезон, и тогда же перманентно нищенствующими бродягами: это видно из поведения (а значит, и из образа несчастной жизни) нашего деревенского нищего.

⁵ Строка 6: межа — узкая полоска невспаханной земли, отделяющая поле.

Строфа III: развитие *рассуждения*, начатого как композиционный тип речи в строках 5–6 предыдущей строфы. Развитие художественного конфликта. Наибольший с начала стихотворения уровень экспрессии в качестве аргументативного средства (*слишком нужда одолела, негде приюта сыскать, судьба беспощадно велела / Со слезами по окнам стонать*). За 30 лет до бунинского стихотворения знаменитый поэт И. С. Никитин (Воронеж) опубликовал стихотворение «Нищий», из которого видно, что русский обычай позволял просить подаяние под окнами голодающим крестьянским семьям (старикам, вдовам и сиротам), чтобы пережить тяжелую зимнюю пору, но не бродягам — инвалидам труда (ср.: «И вечерней и ранней порою / Много старцев, и вдов, и сирот / Под окошками ходит с сумою, / Христа ради на помощь зовет. / Надевает ли сумку неволя, / Неохота ли взяться за труд, — / Тяжела и горька твоя доля, / Бесприютный, оборванный люд! / Не откажут тебе в подаянье, / Не умрешь ты без крова зимой, — / Жаль разумное Божье созданье, / Человека в грязи и с сумой!» (Никитин, 1975, с. 282–283)).

В «Деревенском нищем» Бунина мы видим тот же трехстопный анапест с женской и мужской рифмами, о котором К. И. Чуковский сказал, что этот стихотворный размер оказался удобным для поэтов середины XIX века для имитации народно-разговорной интонации (Чуковский, 1955, с. 31–32).

В **IV строфе** стихотворения Бунина «Деревенский нищий» путем сравнения автор создает дополнительный логический аргумент, чтобы убедить, что нет несчастнее деревенского нищего, который пропадает «без вины виноватый». Наиболее экспрессивные лексемы *истомленный нуждой, редко виден* (в столице. — Ж. Г.) *страдалец такой*.

Строфа V у Бунина скорее рассуждение, чем повествование. Очень экспрессивны, по сравнению с лексемами строфы IV, слова *немало он силы / За тяжелой работой убил, / ... у края могилы / Уж не стало хватать ему сил*. Самое удручающее — это сознание близости трагического конца безрадостной жизни бунинского нищего, умирающего от голода и потери сил⁶.

Это впечатление развивает **строфа VI**: по селеньям нищий просит подаяние, *мольбу чуть лепечет язык, / Смерть близка уж, но много мученья / Перетерпит несчастный старик*. У него нет сил, изможденный, он ляжет у пашни, постарается заснуть.

В **строфе VII** несобственное употребление наклонения глагола означает, что наш герой будет вынужден после «отдыха» в жутких условиях, голодный, продолжить свои мученья. О них говорит сочетание *со стенаньем / Христа ради проси и проси*. Вывод поэта констатирующий, по характеру воспроизводит, расширяя ее, функционально-смысловый тип речи *констатация I* строфы.

Начало художественного риторического конфликта имеет как бы три стороны: 1) несчастная жертва — инвалид труда, престарелый нищий; 2) «за кадром» — предрержащие власти (*устар*. ‘лица, облеченные властью, органы власти’); имущая

⁶ Ср. с этим материал: (Ганиев, 2019, с. 48–55).

часть общества; 3) поэт, который хотел бы вникнуть в причины несчастий нищего бродяги. Накал конфликта растет от строфы к строфе, 6-я строфа буквально оплакивает неминуемую гибель несчастного.

Наращение художественного конфликта ощущается по эскалации экспрессии в лексемах и их сочетаниях: II строфа — *изнемог*; III строфа — *слишком нужда одолела* (метафорическое олицетворение), *негде приюта искать* («приют» для изнемогающего старика — земля рядом с пашней под палящим солнцем), *судьба беспощадно велела / Со слезами по окнам стонать* (аллегорическая метафора; общепринятый троп включение); IV строфа — *истомленный нуждой* (метафора), *страдалец в темнице за железной решеткой* (включение); V строфа — *в долгий век* (экспрессивное значение ‘жизнь’) *немало он силы / За тяжелой работой убил / (метафора), у края могилы / (метафора) Не стало хватать ему сил* (метафора); VI строфа — *мольбу чуть лепечет язык* (метонимия), *много мученья перетерпит несчастный старик* (экспрессивные члены предложения; эпитет); строфа VII — *со стенаньем / Христа ради проси и проси, / Грустно видеть, как много страданья / И тоски и нужды на Руси!* Обилие минорной, уныло-экспрессивной лексики, начиная со старославянизма *стенанье* (устар.). Строки 27–28 — умозаключение поэта.

Сравним с бунинским образом деревенского нищего подобный образ из второй половины стихотворения Никитина (не исключено, что за три десятилетия, отделяющие эти стихотворения, детали обычая подавать в народе и просить среди побирающихся могли измениться). В указанной второй половине Никитин сравнивает жизнь нищего с участью деревенских старцев, вдов и сирот: «Но беднее и хуже есть нищий: / Не пойдет он просить под окном, / Целый век, из одежды да пищи⁷, / Он работает ночью и днем. / Спит в лачужке, на грязной соломе, / Богатырь в безысходной беде, / Крепче камня в несносной истоме, / Крепче меди в кровавой нужде. / Пó смерть⁸ зерна он в землю бросает, / Пó смерть жнет, а нужда продает⁹; / О нем облако слезы роняет, / Про тоску его буря поет¹⁰» (Никитин, 1975, с. 282–283).

Сближает концовки обоих стихотворений авторское признание безысходности жизненного итога героев. Впрочем, никитинский труженик, дореформенный крестьянин, моложе бунинского нищего (он работает *ночью и днем, богатырь крепче камня, крепче меди*), но все же находится всю жизнь в нескончаемой «кровавой нужде». У Бунина нищенствующий бродяга-инвалид олицетворяет уровень жизни париев пореформенного периода — их существование стало за прошедшие годы явно хуже, очевиднее человеческое безразличие к таким, как он. Психологи, которые специализируются на изучении жизненных стимулов, сейчас говорят о никитинско-бунинском персонаже:

⁷ Устар. ‘чтобы заработать на одежду и пищу’.

⁸ Устар. ‘до самой смерти’.

⁹ ‘Крестьянин не может прокормиться, одолеть бытовую нищету’.

¹⁰ Стилистические фигуры художественного олицетворения.

что бы ты ни делал, результата не будет, люди усвоили, что хеппи-энда не бывает. А чего стараться, если на душе безысходность и результата все равно не достичь. Это относится к аргументам логоса (к логическим аргументам) в риторике (см.: Хазагеров, 2003, с. 110–113).

Поэты не видят возможности реально помочь своим персонажам, а таких в России были десятки тысяч. А помогать должны были, кроме «власти предрежащей», волонтеры (или «охотники», как тогда говорили), церковь с ее возможностями¹¹ (монастыри, различная церковная работа, прихожане во главе с церковными старостами). На должность церковного старосты назначались состоятельные люди, ее занимали, например, отцы М. В. Ломоносова, А. П. Чехова и т. д. К слову, в обоих стихотворениях о православной молитве не сказано ни слова (о традиционной силе православной молитвы, излагаемой в гомилетике, а также о политическом, социальном, духовном измерении общественного расслоения см. пояснения Святейшего Патриарха Кирилла в нашей статье (Ганиев, 2020)).

Близко знал Бунин и нищенствующих поэтов, в юности он и сам испытал нечто подобное. Здесь среди различных причин пауперизма не последнее место занимала преданность художественному слову, постоянное творческое горение, неумение заработать на «хлеб насущный». Вот что написал юный Бунин в стихотворении «Поэт» (1886).

Поэт печальный и суровый,
Бедняк, задавленный нуждой,
Напрасно нищеты оковы
Порвать стремишься ты душой!
Напрасно хочешь ты презреньем
Свои несчастья победить
И, склонный к светлым увлечениям,
Ты хочешь верить и любить!
Нужда еще не раз отравит
Минуты светлых дум и грез,
И позабыть мечты заставит,
И доведет до горьких слез.
Когда ж, измученный скорбями,
Забыв бесплодный, тяжкий труд,
Умрешь ты с голоду, — цветами
Могильный крест твой перевьют!

(Бунин, 1965, т. 9, с. 53–54)

Что общего между безымянным поэтом у Бунина и широко известным в это время в России поэтом С. Я. Надсоном? Популярный поэт в это время не бедствовал, тем более что его творчество нельзя было назвать «бесплодным,

¹¹ С другой стороны, мы знаем об отношении священнослужителей к нищенствующим во 2-й половине XIX века из литературы, живописи (взять хотя бы сюжет из картины В. Г. Перова «Сельский ход на Пасху»).

тяжким трудом» и ему не грозила смерть от голода¹². Однако между стихотворениями «Поэт» и «Над могилой С. Я. Надсона» (см.: Бунин, 1965, т. 1, с. 455–456) просматриваются параллели, а отдельные места стихотворения «Поэт» (написанного раньше траурного стихотворения) выглядят как заготовки к будущему посвящению усопшему Надсону. Так, есть повторы *презренье* и *презирал, любви* и *любить, поэт* и *поэт, умереть* и его синонимы *угаснуть, умолкнуть*; целые схожие словосочетания *цветами могильный крест твой перевьют* и *цветами гробницу юноши повить*.

Вместе с тем в строфах стихотворения «Поэт» встречаются экспрессивные средства (в основном метафоры), похожие на образные средства из стихотворения «Деревенский нищий». Это неудивительно, этому способствует тематическая общность бунинских стихов. Так, в «Поэте» мы видим риторические образы, схожие с аналогичными из «Деревенского нищего»: *бедняк, задавленный нуждой; / Напрасно нищеты оковы / Порвать стремишься ты; Нужда не раз еще заставит позабыть мечты / И доведет до горьких слез; измученный скорбями, / Забыв бесплодный, тяжкий труд, / Умрешь ты с голоду*. Вместе с тем в бунинском «Поэте» нет близкого сходства с пассажами о тяжелой доле несчастного деревенского кузнеца из стихотворения Никитина «Нищий».

Сравним далее количество метафор, эпитетов (в том числе как средств аргументации) в бунинских стихах «Над могилой С. Я. Надсона» и «Деревенский нищий». Ощущая разницу между романтическим слогом в посвящении памяти Надсона и почти некрасовским языком в стихах о деревенском нищем, эпитетов во втором стихотворении находим, конечно, меньше (при равенстве числа строк) — 18 против 25, метафор же (как сильнейших средств в поэтическом языке) в «Деревенском нищем» уже втрое меньше, чем в траурной энкомии. То есть стихи о нищем менее экспрессивны и менее стилистически окрашены, чем стихи, посвященные Надсону. Что касается стихотворения «Поэт», оно вдвое меньше «Деревенского нищего», но пропорции в численности метафор и эпитетов как средств аргументации в двух стихотворениях совпадают.

Есть переключка одного места из бунинского «Поэта» со знаменитым стихотворением 1839 года о поэте у Ф. И. Тютчева — в сопоставлении речь пойдет о содержании II и III строф бунинского стиха «Поэт»: в них с помощью тропов и стилистических фигур рассказывается о борьбе творческой природы с различными соблазнами и обстоятельствами жизни, способными сбить поэта с пути. Наблюдения великого лирика Ф. И. Тютчева имеют универсальный характер и могут относиться к творческой личности каждого народа и любого времени. Тютчев называет две «стихии», способные отвлечь творческую природу от смысла ее жизни, буквально похоронить талант. Тем самым эти «стихии» равняют творческую личность с собой, лишив ее свободы и уничтожая художественное

¹² Бунинское стихотворение, посвященное С. Я. Надсону и написанное в январе – феврале 1887 года, помещено в том 1 Собрания сочинений И. А. Бунина (в 9 томах) 1965 года.

дарование. К ним относятся «дева с младенческой душой» и толпа — «суетный народ», причем Тютчев обращается с предостережениями не к поэту, а к «деве» и к «суетному народу»: «Не верь, не верь поэту, дева! / Его своим ты¹³ не зови. / И пуще пламенного гнева / Страшись поэтовой любви! / Его ты сердца не усвоишь / Своей младенческой душой. / Огня палящего не скроешь / Под легкой девственной фатой. / Поэт всесилен как стихия, / Не властен лишь в себе самом: / Невольно кудри молодые / Он обожжет своим венцом. // Вотще поносит¹⁴ или хвалит / Поэта суетный¹⁵ народ: / Он не змеєю сердце жалит, / Но как пчела его сосет. / Твоей святыни не нарушит / Поэта чистая рука, / Иль ненароком жизнь задушит / Иль унесет за облака» (Тютчев, 1997, с. 114).

Во II и III строфах бунинского «Поэта» аргументами во внутренней борьбе за творчество служат экспрессивные средства — метафоры *презрением свои несчастья победить, нужда отравит минуты, позабыть мечты заставит и доведет до горьких слез*; эпитеты *светлые* (увлечения), *светлые* (думы и грезы).

Конец «Деревенского нищего», как и финал никитинского «Нищего», по своей безысходности существенно отличается от светлой риторической веры, высказанной в последних 29 строках знаменитых хрестоматийных некрасовских «Размышлений у парадного подъезда» (1858); отрывок начинается со слов «Родная земля! / Назови мне такую обитель, / Я такого угла не видал, / Где бы сеятель твой и хранитель, / Где бы русский мужик не стонал!» Заканчивается некрасовское стихотворение всем известным риторическим вопросом как стилистической фигурой, содержащей несколько тропов — метафор и экспрессивных эпитетов — как средств поэтической аргументации, — вопросом-упреком, опасением и вместе с тем полным надежды на лучшее будущее трудящегося человека: «Эх, сердечный! / Что же значит твой стон бесконечный? / Ты проснешься ль, исполненный сил, / Иль, судеб повинуюсь закону, / Все, что мог, ты уже совершил, / — Создал песню, подобную стону, / И духовно навеки почил?..» (Некрасов, 1982, с. 64–67).

Список источников

1. Бунин, И. А. (1967). *Собр. соч.*: в 9 т. Худ. лит.
2. Бунин, И. А. (1965). *Собр. соч.*: в 9 т. Худ. лит.
3. Ганиев, Ж. В. (2022). Риторические мотивы в ранней лирике И. А. Бунина (I). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(46), 83–92.
4. Дюбуа, Ж., Пир, Ф., Тринон, А., и др. (1986). *Общая риторика*. Прогресс.
5. Никитин, И. С. (1975). *Собр. соч.*: в 2 т. Т. 1. Правда.
6. Чуковский, К. И. (1955). *Мастерство Некрасова*. 2-е изд., доп. ГИХЛ (Гослитиздат).
7. Ганиев, Ж. В. (2019). Риторика душевных потрясений (анализ эссе В. П. Астафьева «И прахом своим»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(33), 48–55.

¹³ Ср. с этим употребление *ты* в интимной лирике И. А. Бунина (Гордеева, 2016).

¹⁴ *Устар.* ‘напрасно сильно ругает’.

¹⁵ *Суетный* — *устар.* ‘занятый мелочными заботами, помыслами, интересами; погруженный в тщету’.

8. Хазагеров, Г. Г., & Лобанов, И. Б. (2003). *Риторика*. Феникс.
9. Ганиев, Ж. В. (2020). Риторика и гомилетика в интервью Святейшего Патриарха Кирилла о связи российских проблем с проблемами глобальными. *Русистика и компаративистика: сб. науч. трудов. по филологии*. Вып. XIV. Книгодел, 82–84, 88–89.
10. Гордеева, О. М. (2016). Личное местоимение «ты» и функционально-семантическое поле адресованности в лирике И. А. Бунина. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(21), 100–106.
11. Тютчев, Ф. И. (1997). «Я встретил Вас...». Дет. лит.
12. Некрасов, Н. А. (1982). *Избр. произведения*. Кн. изд-во.

References

1. Bunin, I. A. (1967). *Collected Works*: in 9 v. Khud. Lit. (In Russ.).
2. Bunin, I. A. (1965). *Collected Works*: in 9 v. Khud. Lit. (In Russ.).
3. Ganiev, J. V. (2022). Rhetorical Motives in I. A. Bunin's Early Lyric (I). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(46), 83–92. (In Russ.).
4. Dubois, J., Peer, F., Trignon, A., et al. (1986). *General rhetoric*. Progress. (In Russ.).
5. Nikitin, I. S. (1975). *Collected Works*: in 2 v. V. 1. Pravda. (In Russ.).
6. Chukovsky, K. I. (1955). *Nekrasov's craftsmanship*. GIHL (Goslitizdat). (In Russ.).
7. Ganiev, J. V. (2019). Rhetoric of Soul Shocks (Analysis of V. P. Astafiev's essay «And with Their Ashes»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(33), 48–55. (In Russ.).
8. Khazagerov, G. G., & Lobanov, I. B. (2003). *Rhetorics*. Phoenix. (In Russ.).
9. Ganiev, J. V. (2020). Rhetoric and homiletics in the interview of His Holiness Patriarch Kirill about the connection of Russian problems with global problems. *Russic Studies and Comparativism: collection of scientific works in philology*. Vol. XIV. Knigodell, 82–84, 88–89. (In Russ.).
10. Gordeeva, O. M. (2016). The personal pronoun «you» and the functional and semantic field of addressing in I. A. Bunin's lyrics. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(21), 100–106. (In Russ.).
11. Tyutchev, F. I. (1997). «I met you...». Det. lit. (In Russ.).
12. Nekrasov, N. A. (1982). *Selected works*. Publishing House. (In Russ.).

Информация об авторе

Журат Валиевич Ганиев — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Jurat V. Ganiev — Doctor of Philology, full professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching, Institute of Humanities, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Обзорная статья

УДК 811.133.1'367.625

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.04

ТЕОРИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ Л. М. СКРЕЛИНОЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО РОМАНИСТИКЕ

Викулова Лариса Георгиевна¹,
Рянская Эльвира Михайловна²

¹ Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

vikulovalg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1176-1668>

² Нижневартковский государственный университет,
Нижневартковск, Россия

elohka2210@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7563-6028>

Аннотация. Статья содержит обзор диссертационных исследований и научных публикаций, которые отражают развитие идей теории фундаментальных глаголов, разработанной известным отечественным романистом Луизой Михайловной Скрединой. Обосновывается актуальность теории, связанная с возникновением и развитием новых направлений в лингвистике в области изучения языковых универсалий и полифункциональности языковых единиц. Показано, что инвариантная модель фундаментальных французских глаголов послужила основой для выявления частных категориальных характеристик других глаголов, их потенциала к языковой объективации широкого круга понятий.

Ключевые слова: фундаментальные глаголы, полифункциональность, языковые универсалии.

Для цитирования: Викулова, Л. Г., Рянская, Э. М. (2023). Теория фундаментальных глаголов Л. М. Скрединой в исследованиях по романистике. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 45–51. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.04

© Викулова Л. Г., Рянская Э. М., 2023

Original article

UDC 811.133.1*367.625

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.04

LUIZA M. SKRELINA'S THEORY OF FUNDAMENTAL VERBS AS REFLECTED IN ROMANCE STUDIES

Larisa G. Vikulova¹,
Elvira M. Ryanskaya²

¹ Moscow City University,
Moscow, Russia

vikulovalg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1176-1668>

² Nizhnevartovsk State University,
Nizhnevartovsk, Russia

elohka2210@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7563-6028>

Abstract. The article represents an overview of dissertations and research works that cover the evolving ideas concerning the fundamental verbs theory introduced by Luiza M. Skrelina, a famous Russian specialist in Romance languages. The paper proves the theory is relevant as it relates to the emergence and development of new fields of linguistics that address the study of language universals and polyfunctionality of language units. It is shown that the invariant model of fundamental French verbs served as a basis for discovering individual categorial features of other verbs and their potential for linguistic objectification of a vast range of notions.

Keywords: fundamental verbs, polyfunctionality, language universals.

For citation: Vikulova, L. G., Ryanskaya, E. M. (2023). Luiza M. Skrelina's theory of fundamental verbs as reflected in Romance studies. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 45–51. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.04

Теория фундаментальных глаголов была разработана профессором Луизой Михайловной Скрелиной на материале французского языка в начале 70-х годов XX века и опубликована в ее труде 1973 года «Очерк исторического синтаксиса французского языка» (Скрелина, 1973). Общая глагольная идея процесса, как отмечается в работе, отражается в противопоставлениях глаголов состояния-бытия (*avoir/être*), глаголов действия и вовлечения в действие объекта действия (*faire/laisser*), глаголов движения (*aller/venir*). Эти глаголы составляют тот круг понятий, который семантически определяет категорию глагола. Более частные лексико-семантические подгруппы глаголов вытекают из указанных трех пар противопоставлений, и, соответственно, более конкретные характеристики глаголов являются частными проявлениями общих глагольных идей состояния, действия, движения.

Формальные и функциональные противопоставления, которые обнаруживаются между фундаментальными глаголами, отражают существующие противопоставления в употреблении прочих глаголов — личном и безличном, атрибутивном и предикативном, прономинальном и непрономинальном, переходном и непереходном, в качестве перфективных и имперфективных, а также включают в себе потенцию самостоятельной и служебной функций.

Одними из типичных свойств фундаментальных глаголов являются их высокая частотность, широкая валентность, высокая степень абстракции, многозначность, многофункциональность (Викулова, 2018, с. 26). Важность и значимость описаний свойств фундаментальных глаголов заключается в том, что они служат основой для раскрытия более частных категориальных характеристик французских глаголов. Созданные Л. М. Скрединой инвариантные модели содержат в себе различные потенции функционирования глагола во французском языке на разных этапах исторического развития французского языка вплоть до его современного состояния. Теоретическое обоснование системы представлений о фундаментальных глаголах получило свое развитие, поскольку в круг этой проблемы важно было ввести новые языковые пространства в целях расширения доказательной базы. Актуальность и востребованность теории фундаментальных глаголов стали очевидными с появлением исследований, обращенных к проблемам многофункциональности языковых единиц, языковых универсалий, а также с развитием когнитивного направления в лингвистике, в рамках которого изучение глагольных структур и глагольных категорий возможно не только в отношении их употребления и проявления, но и с позиций отражения в языке процесса познания бытия (Сулейманова, 2020, с. 310).

Об обоснованности и жизнеспособности положений теории фундаментальных глаголов свидетельствуют диссертационные исследования и научные публикации, в которых нашли развитие идеи данной теории. Традициям научной школы Л. М. Скрединой отвечают, прежде всего, труды ее учеников и их аспирантов. Остановимся на некоторых аспектах исследований, отражающих реализацию положений теории фундаментальных глаголов.

В основе полифункциональности фундаментальных глаголов лежат исторические преобразования, связанные с семантикой языковых единиц. В этом процессе обнаруживаются тенденции к употреблению данных глаголов в функции замещения, к влиянию первичных значений глагола на формирование множества функций (аспектуальные значения, временные, модальные), а также стремление к абстракции, в результате которой образовались грамматикализованные конструкции. Проведенные диахронические исследования позволили выявить ряд тенденций, отражающих изменения в формах, значениях и функциях глаголов в отдельные периоды развития французского и некоторых романских языков. На основе данных, полученных в результате исследования отдельных глаголов в историческом аспекте, были сформулированы выводы

о расширении или сокращении значений, о проявлении признаков десемантизации, об изменениях валентностных свойств.

Изучению форм и функций фундаментальных глаголов французского языка *avoir* и *être* в диахронии посвящены кандидатские диссертации Т. Е. Зубовой (Сопоставительный анализ глаголов, восходящих к латинскому *habere* во французском и испанском языках (на материале XII–XIII веков), 1970) и Л. Г. Видуковой (*Avoir* и *être* с предложным инфинитивом в старофранцузском языке, 1981). В частности, исследование сочетания глаголов *avoir* и *estre* с предложным инфинитивом в старофранцузском языке позволило прийти к выводу, что эти конструкции совмещают в себе временные, модальные и залоговые значения, обладая при этом статусом устойчивого грамматизованного словосочетания.

Результаты исследования динамики развития функциональных свойств глаголов с семантикой «делать» в английском, немецком, французском и русском языках нашли отражение в статьях А. В. Ахмеровой и Э. М. Рянской (Ахмерова, 2010; Рянская, 2014). Выявлено, что реализация свойств фундаментальных глаголов наглядно проявляется в процессе анализа эволюции их значений и функций, а также исторических параллелей в языках.

Значительное место в теории фундаментальных глаголов Л. М. Скрелиной занимает проблема изменения их валентных свойств. Методика анализа валентных свойств французских глаголов реализована в следующих кандидатских диссертациях: М. И. Лещенко (Сопоставительный анализ валентных свойств группы глаголов познания во французском языке (XVI и XX вв.), 1968); С. Х. Серебряковой (Опыт валентностной классификации глаголов французского языка, 1974); Э. М. Поповой (Рянской) (Сочетание фазисного глагола с инфинитивом в истории французского языка, 1982). Отметим, что работа, посвященная исследованию фазисных глаголов, в целом базируется на положении о том, что функционирование определенных лексико-грамматических групп глаголов является частным проявлением фундаментальных глаголов: инвариантной моделью, лежащей в основе характеристики французских фазисных глаголов, служит конструкция с глаголом *faire*.

Рассматривая правые валентности глагола *avoir*, Л. М. Скрелина подчеркивает, что общей категориальной характеристикой данного глагола выступает переходность: глагол не может употребляться без объектного имени и на этом основании открывает серию глаголов неполной предикации. Изучение глаголов неполной предикации проведено на материале современного французского языка А. Г. Турбиным (Глаголы неполной предикации в современном французском языке, 1983).

Анализируя валентность «*il/ce* безличное», свойственное глаголам *être* и *faire*, Л. М. Скрелина уделяет значительное внимание истокам возникновения безличных конструкций в индоевропейских языках. Представленная ученым

характеристика безличных конструкций дополнена материалом диссертационного исследования В. А. Смирновой (Оформление структуры безличной конструкции в истории французского языка, 1990).

Дальнейшее изучение функционирования безличных конструкций было проведено И. В. Дегтяревской на основе сопоставительного анализа безличных конструкций французского, испанского и итальянского языков (Сопоставительный анализ конструкций, называемых безличными, во французском, испанском и итальянском языках, 1972) и Н. В. Новоселовой в контексте проблемы омонимии глагольных конструкций с местоимением *il* (Омонимия глагольных конструкций с местоимением *il* в современном французском языке, 2006).

При анализе свойств фундаментальных глаголов встает проблема их самостоятельной и служебной функций. В историческом аспекте их статус описан в «Очерке исторического синтаксиса французского языка» на примере сочетаний с неличными глагольными формами. В работе Т. А. Поздняковой, изучившей герундиальные перифразы в старофранцузском языке (Глагольная герундиальная конструкция в старофранцузском языке, 1987), рассматривается вопрос о грамматическом статусе подобных конструкций, выступающих как свободное или как устойчивое грамматизованное словосочетание. Вопрос о синтаксической роли фазисных глаголов в сочетании с инфинитивом решается в кандидатской диссертации Э. М. Рянской, где обосновывается их функционирование в качестве полувспомогательных глаголов.

Тема статуса глаголов в перифразах и сложных глагольных формах развивается в диссертационных исследованиях Е. В. Опахиной (Глагольные перифразы в старофранцузском языке, 2006) и А. Е. Лукиной (Вариативность глагольных форм во французских скриптах XIII–XIV вв. (на материале рукописей фаблю), 2006), подготовленных под научным руководством профессора Л. А. Становой. Теоретической основой данных работ послужило положение о понимании фундаментальных глаголов, фокусирующих семантико-грамматические характеристики всех глаголов, а также о понимании эволюции глагольных конструкций французского языка как сочетаний, развивающихся по пути грамматизации и возможной морфологизации.

Одним из свойств фундаментальных глаголов является проявление каузативного значения. Данный аспект рассматривался в диссертации З. П. Пименовой на примере отыменных префиксальных глаголов современного французского языка (Отыменные префиксальные глаголы с каузативным значением в современном французском языке, 1990).

Системные характеристики французских глаголов, сосредоточенные в фундаментальных глаголах, исследуются Л. М. Скрелиной на фоне развития французского языка. Описание сквозь призму фундаментальных глаголов не только функционирования других глаголов, но и способов реализации потенциальных свойств глаголов общей семантики и широкого спектра лексико-грамматической сочетаемости в других языках стало возможным благодаря обращению

к механизмам концептуализации и отражения в языке окружающей действительности. Согласно одному из постулатов теории психосистематики, которую ученый развивает в своих трудах, употребления выводятся из категориального значения, а не наоборот. Отметим, что общеизвестные базовые категории — время, пространство, движение — суть образные схемы, являющиеся одними из фундаментальных переживаний человека в познании действительности, переносимые с конкретных ситуаций на абстрактные.

Идея изучения категории с позиций понятийного содержания и лишь затем со стороны языкового выражения была положена в основу докторской диссертации Э. М. Рянской, посвященной изучению категории способов действия во французском и русском языках (Способы действия в когнитивном аспекте, 2002), а также кандидатской диссертации Р. В. Федоровой, которая под научным руководством профессора Э. М. Рянской исследовала категорию проспективности (Языковая объективация категории проспективности, 2015).

Еще одна категория — состояние — была изучена на материале конструкций с фундаментальными глаголами *avoir, être, faire* О. А. Дубняковой. Данная кандидатская диссертация (Категория состояния в современном французском языке (на материале конструкций с фундаментальными глаголами *avoir, être, faire*), 2007) содержит структурно-семантическое описание глагольных конструкций современного французского языка, позволившее определить их роль в выражении семантических типов состояний.

Известно, что в ходе своего развития лингвистика постоянно возвращается к пересмотру и уточнению многих своих принципов и постулатов, в том числе метаязыкового аппарата описания (Сулейманова, 2020, с. 8–9). Анализ работ учеников научной школы Л. М. Скрединой показал, что термин «фундаментальные глаголы» имеет длительную традицию употребления, получив в ходе развития теории различную интерпретацию.

Подводя итог, отметим, что теория фундаментальных глаголов Л. М. Скрединой открыла особую область филологических исследований, которую заполнили и продолжают заполнять ее последователи, ученики и их аспиранты, развивая основополагающие идеи и постулаты теории. Новый подход в изучении эволюции познания человека, основанный на использовании грамматических данных в реконструкции и анализе формирования человеческой ментальности и культуры, позволил выявить этапы эволюции фундаментальных глаголов, каждый из которых характеризуется существенным отношением говорящих к языку (Гринев-Гриневиц, 2021).

Очевидна также возникшая необходимость в прочтении данной теории с позиций тех направлений и подходов, которые позволяют выявить тенденции, характерные как для прошлого, так и для современного этапа состояния науки о языке.

Список источников

1. Скредина, Л. М. (1973). *Очерк исторического синтаксиса французского языка (развитие структуры предложения в связи с изменением валентных свойств фундаментальных глаголов)*. Минск.
2. Викулова, Л. Г., Дубнякова, О. А., Рянская, Э. М., & Серебренникова, Е. Ф. (2018). Полифункциональность как свойство фундаментальных глаголов. Обучение французскому и русскому языкам как иностранным: лингвистические и дидактические аспекты. *Enseignement et apprentissage du français et du russe langues étrangères: parcours linguistiques et didactiques*. Языки Народов Мира, 25–42.
3. Сулейманова, О. А., Водяницкая, А. А., & Фомина, М. А. (2020). Когнитивный сценарий процесса языковой категоризации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 17(2), 309–322.
4. Ахмерова, А. В. (2010). Особенности реализации функционально-семантических свойств глаголов с семантикой «делать». *Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета*, 3, 11–16.
5. Рянская, Э. М., & Ахмерова, А. В. (2014). Некоторые тенденции в эволюции глаголов *faire*. *Теоретико-практическое изучение русского языка и его сопоставительно-типологическое описание: сб. докладов и сообщений XI Междунар. симпозиума МАПРЯЛ 2014 (Болгария, Велико-Тырново, 03–06 апр. 2014 г.)*. Изд-во ИВИС, 100–103.
6. Сулейманова, О. А., Фомина, М. А., & Тивьяева, И. В. (2020). *Принципы и методы лингвистических исследований*. Языки Народов Мира.
7. Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А., & Викулова, Л. Г. (2021). *Теория языка: антропологистика: учеб. пособие*. ВКН.

References

1. Skrelina, L. M. (1973). *Essay on the historical syntax of the French language (development of sentence structure in connection with changes in the valence properties of fundamental verbs)*. Minsk. (In Russ.).
2. Vikulova, L. G., Dubnyakova, O. A., Ryanskaya, E. M., & Serbrennikova, E. F. (2018). La capacité de la polyfonctionnalité des verbes fondamentaux en français. *Enseignement et apprentissage du français et du russe langues étrangères: parcours linguistiques et didactiques*. Yazyki Narodov Mira, 25–42. (In Russ.).
3. Suleimanova, O. A. (2020). Categorization and its linguistic representation. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17(2), 309–322. (In Russ.).
4. Ahmerova, A. V. Implementation features of functional and semantic properties of verbs with the meaning of «doing». *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 3, 11–16. (In Russ.).
5. Ryanskaya, E. M., & Ahmerova, A. V. (2014). Trendz in the evolution of verbs to do/faire. *Theoretical and practical study of the Russian language and its comparative and typological description: sb. dokladov i soobshchenij XI Mezhdunar. Simpozium MAPRYAL 2014 (Bolgariya, Veliko-Tyrnovo, 03–06 apr. 2014 g.)*. Izd-vo IVIS, 100–103. (In Russ.).
6. Sulejmanova, O. A., Fomina, M. A., & Tiv'yaeva, I. V. (2020). *Principles and methods of linguistic studies*. Yazyki Narodov Mira. (In Russ.).
7. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., & Vikulova, L. G. (2021). *Linguistic theory: anthropolinguistics: teaching manual*. VKN. (In Russ.).

Информация об авторах

Лариса Георгиевна Викулова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Эльвира Михайловна Рянская — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, лингводидактики и перевода Нижневартковского государственного университета.

Information about the authors

Larisa G. Vikulova — Doctor of Philology, professor, full professor of Romance Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Elvira M. Ryanskaya — Doctor of Philology, professor, full professor of Department of Philology, Linguodidactics and Translation, Nizhnevartovsk State University.

Вклад авторов:

Лариса Георгиевна Викулова — концепция исследования; разработка методологии; последующая доработка текста; окончательные выводы.

Эльвира Михайловна Рянская — написание проекта; концепция исследования; разработка методологии; окончательные выводы.

Contribution of the authors:

Larisa G. Vikulova — research concept; methodology development; follow-on revision of the text; final conclusions.

Elvira M. Ryanskaya — writing the draft; research concept; methodology development; final conclusions.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81.366.5

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.05

МЕСТОИМЕННЫЕ И ГИБРИДНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕМЕЦКИМ ЯЗЫКОМ

Киров Евгений Флорентович¹,
Беляева Мария Вячеславовна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

² beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Аннотация. В статье рассмотрен вариант систематизации частей речи русского языка, в том числе гибридных частей речи, как то: порядковых, собирательных числительных и категории состояния. В исследовании дополняется состав русских местоимений, которые соответствуют всем основным частям речи. Для доказательства универсальности рассмотренных грамматических явлений приводятся параллели с немецким языком.

Ключевые слова: русский язык, часть речи, гибриды, причастие, герундии, порядковые и собирательные числительные, местоимение, немецкий язык.

Для цитирования: Киров, Е. Ф., Беляева, М. В. (2023). Местоименные и гибридные части речи русского языка в сопоставлении с немецким языком. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 52–66. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.05

Original article

UDC 81.366.5

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.05

PRONOMINAL AND HYBRID PARTS OF SPEECH: COMPARING RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

Evgeny F. Kirov¹,
Maria V. Belyaeva²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia

¹ evg-kirov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9836-5619>

² beljaeva-mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2097-6900>

Abstract. The article considers a variant of systematization of parts of speech of the Russian language, including hybrid parts of speech, such as ordinal, collective numerals and categories

© Киров Е. Ф., Беляева М. В., 2023

of state. The study complements the composition of Russian pronouns that correspond to all the main parts of speech. To prove the universality of the grammatical phenomena considered, parallels with the German language are given.

Keywords: Russian language, part of speech, hybrids, participle, gerunds, ordinal and collective numerals, pronoun, German language.

For citation: Kirov, E. F., Belyaeva, M. V. (2023). Pronominal and hybrid parts of speech: comparing Russian and German Languages. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 52–66. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.05

Введение / Introduction

Приведение частей речи в системное единство осуществляется на протяжении многих веков. В Европе этот процесс начался после выделения Аристотелем первых частей речи языка — имени и глагола (Аристотель, URL). Однако окончательного и общепринятого варианта распределения частей речи в языках нет до сих пор, при этом некоторые новые части речи в русском языке выделены сравнительно недавно (в 30-е и 50-е годы XX века). В силу новизны таких частей речи возникают особые трудности в их системном восприятии, при этом местоимения существенно отличаются от гибридных частей речи. Настоящее исследование в некоторой степени восполняет данные пробелы, чем обусловлена его научная новизна.

Методология исследования / Methodology

В исследовании использован аналитико-прагматический индуктивный метод, направленный на определение сущностных характеристик понятий: *местоименность* и *гибридность частей речи*. Посредством системного и типологического подходов с использованием методов: наблюдения, анализа, синтеза, сравнения и обобщения были выявлены основные черты рассмотренных языковых объектов. Материалом послужили выражения на русском и немецком языках, теории и исследования известных российских ученых, для сравнительного анализа привлечены грамматики немецких авторов. Общей идеей статьи является универсальность общезыковых понятий местоименности и гибридности, для чего и были приведены примеры из разных языков.

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Значительные трудности возникают при идентификации местоимения как части речи. Так, лингвисты сходятся во мнении, что местоимение лишено способности самостоятельно номинировать предметы, действия, признаки,

количества, подобно знаменательным частям речи. Суть местоимения сводится к тому, что оно указывает на что-то (предмет, признак, действие и т. д.), но не называет его (Русский язык, 2008, с. 231; и др.).

В последней академической грамматике 1980 года и ее краткой версии — «Краткой русской грамматике» (2002) — имеется особый подход к местоимениям: «По структуре словоизменительных парадигм и характеру выражения морфологических категорий особое место среди местоимений занимают местоимения-существительные: они характеризуются собственным специфическим выражением категориальных значений рода, числа и падежа и особенностями форм словоизменения. Это позволяет отделить их от имен существительных и видеть в них особую часть речи. Местоименные прилагательные, местоименные числительные и местоименные наречия не обладают подобной спецификой и потому рассматриваются как особые разряды местоименных слов, выделяемые внутри соответствующих частей речи (прилагательных, числительных, местоимений (видимо, здесь следовало поставить слово «наречий»? — Е. К., М. Б.))» (Краткая русская грамматика, 2002, с. 230).

Мы согласны с тем, что существует особая группа местоимений-существительных, но это не означает, что нет местоименных существительных. Одно не исключает другое, и об этом мы скажем далее. Вполне разумным решением будет выделять обе группы слов, но не ставить вопрос как альтернативу, отрицая существование местоименных существительных. Дело в том, что при таком подходе, на наш взгляд, будет нарушено единство местоимений как однородной группы слов, выступающих как заместители любой знаменательной части речи и выполняющих функцию соотносительного с ней дейктива, указывающего на нечто, но не называющего это нечто. Местоимения способны указывать и на предмет, выраженный существительным, но не называть его, например местоимения 3-го лица могут указывать на неодушевленные предметы: *Автобус не придет, он сломался; Я прочел книгу, и она мне очень понравилась; Эта идея замечательна! Она вдохновила меня. Das Buch ist nicht da, wo ist es doch?* и т. д. Они могут указывать на признак / качество действия — там, туда (наречные местоимения), и на действие, и на состояние, о чем мы скажем далее.

Другими словами, местоимения — заместители всех знаменательных слов (частей речи), в том числе и существительных, они могут указывать на лицо или предмет (в широком смысле, включая абстрактный предмет), но не называть его. Поэтому дейктивы существительных — лучше называть их так, чтобы не путать с местоимениями-существительными (Академическая грамматика, 1980) — не должны игнорироваться, наоборот, должны входить с ними в общий разряд дейктивов. Другими словами, *он = Саша, Петя, Ваня* — это местоименное существительное, потому что номинативно, а *он = автобус, камень, дом* — уже совсем иная часть речи, в определенной степени омонимичная предыдущей, — это местоименное существительное, т. е. дейктив существительного, потому что указывает на предмет, не называя его.

Однако имеется и вторая классификация местоимений по категориальному семантико-грамматическому значению, т. е. по собственной грамматической семантике. В этой семантической типологии выделяются местоимения личные, притяжательные, возвратное, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные. Особо подчеркнем, что так называемые *относительные местоимения* не являются местоимениями по функции, а относятся к союзным словам (синтаксическим скрепам). По сути дела, это гибриды местоимений и союзов, образующие особую синтаксическую скрепу, являющуюся членом предложения, в отличие от союзов, которые членами предложения не являются.

Таким образом, в целом в грамматиках можно встретить две таксономии местоимений: семантическую таксономию (личных, притяжательных, возвратного, вопросительных и т. д.) и функциональную типологию, которая включает в свой состав местоименные существительные, т. е. дейктивы существительных (*он она, оно, они* с указанием на предмет), местоименные прилагательные (*мой, такой* и т. д.), местоименные числительные (сколько, несколько, сколько-нибудь и т. д.) и местоименные наречия (*там, туда, тогда* и т. д.). Об этом писали многие грамматисты (Белашапкина, 1989; Краткая русская грамматика, 2002; Русский язык, 2008; многие вузовские учебники по русской грамматике и др.). Заметим при этом, что с момента открытия местоименного наречия (дейктива наречия) встал вопрос о внутренней форме термина *местоимение*. Дело в том, что наречие не является именем, но имеет дейктивные (указательные) слова, подобные местоимениям: *там, туда, тогда*, в немецком языке *dort, dorthin, damals* и т. д. Видимо, более уместным представляется термин *дейктив*, не связанный своей внутренней формой с именами как частями речи. В этом контексте встает вопрос о названии местоимений: может быть, они и не «вместоимения» вовсе, а универсальные «вместочастеречия», соотносимые со всеми знаменательными частями речи. Именно такую позицию мы склонны занимать и обоснуем ее в дальнейшем изложении. Таким образом, номенклатура местоимений может быть расширена (Киров, 1999).

Иначе говоря, следует обнаружить в русском (и не только в русском) языке еще и глагольные местоимения (местоглаголие, дейктив глагола), что уже сделано, а также местоименную категорию состояния («вместосостояние», дейктив категории состояния), что предстоит сделать. Важной проблемой русской грамматики является вопрос: имеют ли причастия, деепричастия и другие гибридные части речи (акад. В. В. Виноградов отнес такие слова к гибридам, В. В. Бабайцева назвала их переходными словами) свои местоимения? Мы ответим положительно на данный вопрос и покажем варианты решения этой проблемы в настоящей статье. Тогда система местоимений-дейктивов приобретет заверченный характер, потому что местоимения будут соответствовать каждой из знаменательных частей речи, включая гибриды.

Глагольные местоимения, очевидно, были открыты в русском языке Л. Н. Засориной в статье «О местоименных предикатах в русском языке» (Засорина, 1965, с. 26–40). О глагольных местоимениях (местоглаголиях) пишет также и Ю. С. Маслов в широко известном учебнике «Введение в языкознание» (правда, в сноске, которая с точки зрения теоретической важности оказывается важнее иных книг): «Существуют также заместители глаголов. Иногда это так называемые “местоглаголия” (и, шире, “местопредикативы”), например англ. *do*, датск. *goere*, шведск. *goera* (все три собственно значат ‘делать’))» (курсив автора. — *Е. К., М. Б.*) (Маслов, 1997, с. 166). Далее в этой же сноске Ю. С. Маслов приводит пример русского «вместоглаголия» в высказывании *Мы его сейчас того*, в котором элемент *того* обладает всеми признаками местоимения: указывает на действие, но не называет его. Действительно, релятивный дейктив глагола (в нашей терминологии) *того* можно осознать, т. е. догадаться о его значении в контексте фразы или микротекста. Но самое важное то, что это действие не названо, на него только лишь указывается.

Особое место глагольным «местоимениям» уделила Н. Ю. Шведова в специализированной книге «Местоимение и его смысл» (Шведова, 1998). Она пишет: «Принято утверждать, что в русском языке нет дейктических глаголов. Однако это неверно: у нас есть как собственно формообразующие глаголы, так и дейктические глаголы, по своему смысловому значению совпадающие с местоимениями. <...> это глаголы, способные означать любой поступок, действие событие, ситуацию... *Он сделал недоброе дело* = *Он бросил работу / ...продал дом / унес чужую книгу / уехал жить в другой город* и т. д.» (Шведова, 1998, с. 42–43). К числу дейктивов глагола в русском языке Н. Ю. Шведова относит слова *делать, сделать, сделаться, происходить, сделано, быть, иметь место* и их синонимы, например *сотворить, устроить, наличествовать* и т. д. Действительно, например, выражение *имеет место* может указывать на любую бытийную сему — от физического до ментального действия, т. е. способно указывать на бытийный процесс, не называя его.

Дейктивов глагола много в русской разговорной речи, например: *Собака раз — и на другой стороне ручья = перепрыгнула. Ребенок раз — и под кроватку = залез* и т. д. Примеров такого типа достаточно в книге «Русская разговорная речь. Тексты» (Земская, 1978). Важно подчеркнуть, что такие глагольные дейктивы принципиально отличаются от глаголов «ультрамгновенного вида» типа *прыг, шмыг, скок* и т. п., обнаруженных А. М. Пешковским (Пешковский, 2001, с. 199), поскольку эти специфические глаголы называют процесс/действие лексически конкретно в своей корневой базе (*прыг* = *прыгать*, но резко и быстро, *скок* = резко скакнуть и т. д.).

Подобные дейктивы глагола имеются и в немецком языке, причем основным дейктивом глагола является слово *machen* (делать), потому что он обладает настолько широкой семантикой, что становится практически дейктическим глаголом, указывающим почти на любое действие, которое получает смысловую

конкретизацию лишь в контексте. Он может указывать на разнообразные физические действия (*Kleid machen — nähen; Essen machen — kochen*), в сочетании с существительными глагол *machen* указывает на процесс (*eine Erklärung machen — erklären; eine Bestellung machen — bestellen*) и т. д. Можно обнаружить и менее продуктивные глагольные дейктики, например глагол *kommen* (приходить). В разговорной речи этот глагол может использоваться в роли дейктива (*Komm, wie lange soll ich noch warten? — Давай, сколько еще ждать?*) — это указание на действие без конкретизации этого действия, так как в подобном случае глагол *kommen* утрачивает свое значение *приходить*.

Особый интерес вызывает открытие новых частей речи и последующее за этим открытие местоимений у этих вновь описанных частей речи. Впервые за много веков в грамматике была выделена еще одна часть речи — категория состояния. Характерно, что среди десяти категорий, выделенных Аристотелем, имеется специфическая категория «претерпевание», которая может быть соотнесена с состоянием как отдельной категорией (Аристотель. Категории). Л. В. Щерба, автор этой новой части речи в русской грамматике, которую он назвал «категория состояния», с некоторыми сомнениями выделил ее, но считал, что ее лучше выделить, чем не выделять (Щерба, 1974).

Возвращаясь к вопросу о словах категории состояния, мы также считаем, что такую часть речи в русском (и не только) языке выделить необходимо, но как гибрид. Однако в случае выделения категории состояния как самостоятельной части речи встает вопрос о местоимении категории состояния: имеет ли категория состояния свое местоимение (дейктив) и что это такое?

Что касается местоимения категории состояния, т. е. «вместосостояния», или дейктива категории состояния, то, обнаружив его в русском языке (как и в любом другом европейском языке), мы убьем сразу двух зайцев, т. е. решим проблему местоимения категории состояния и проблему частеречной принадлежности междометий. Так мы, во-первых, заполним не занятую до настоящего момента клеточку заместителей (дейктивов) знаменательных слов, которые в таком случае будут поставлены в соответствие всем без исключения знаменательным гибридным частям речи. И, во-вторых, также восстановим справедливость по отношению к одной незаслуженно обиженной группе слов, которые ничем не отличаются от типичных местоимений. Например, показательно название параграфа «Междометие и другие слова вне частей речи» в учебнике «Современный русский язык» под ред. В. А. Белошапковой (Белошапкина, 1981, с. 925).

Итак, чтобы обнаружить дейктив категории состояния, нужно найти слово, которое указывает на состояние, но не называет его. И таких слов в русском (и любом другом, например, немецком) языке довольно много — это междометия, которые вытесняются из частей речи.

Также функцию дейктивов категории состояния выполняют частицы (преимущественно эмоциональные), а также и целые словосочетания или даже

предложения с эмоциональным содержанием. В самом деле, если мы слышим высказывания типа: *Ой! Ах! Караул! Алле! Вот это да!*, в немецком аналогичные *Och! Ach! Hilfe!* и подобные, то мы имеем дело с дейктическим указанием на состояние, которое не называется конкретно, но на которое указывает междометие или эмоциональная частица, словосочетание или междометное предложение. При этом контекст может прояснить конкретно, о каком состоянии идет речь. Таким образом, междометия — это отнюдь не какие-то «недочасти речи», а самые настоящие местоимения: *Ой!* = *Мне страшно!* (или) = *Мне радостно!*; *Ах* = *Я боюсь!* (или) = *Я радуюсь* и т. д.

К числу дейктивов категории состояния следует отнести также и эмоциональные частицы, которые с трудом можно отделить от междометий: *ой, ах, вряд ли, вроде бы, ну и, что за* и т. д., поскольку все эти слова дейктически указывают на состояние, следовательно, являются дейктивами категории состояния, «вместосостояниями». Таким образом, междометия получают свое достойное место в таксономии частей речи русского языка.

Похожие дейктивы состояния можно обнаружить и в немецком языке, который располагает большим количеством междометий, передающих различные эмоциональные состояния. Параллель в данном случае очевидна, так как междометия в любом языке функционально идентичны. Приведем примеры: состояние радости — *juchhe! heisa!*; состояние удивления — *echt?*; состояние умиления — *ach du meine Güte!* и т. д. (вопрос о выделении категории состояния в немецком языке — прерогатива немецкой грамматики).

Разговор о замещении местоимениями знаменательных слов был бы неполным, если бы мы не сказали о дейктическом замещении гибридных частей речи, например причастий и деепричастий, которые, согласно В. В. Виноградову, являются гибридными частями речи (Виноградов, 1947).

Вопрос о дейктивах причастий не так-то прост, более того, он и не ставился отдельно в русской или немецкой грамматике. Как представляется, причастия, будучи типичными гибридами (Виноградов, 1947), в русском языке могут дейктивно замещаться указательными местоимениями, которые замещают и прилагательные: *читающий книгу — этот, тот, сей* и т. д.

Совсем необычно в русском языке выглядит ситуация с дейктическим замещением деепричастий, но все же претенденты на функцию дейктивов деепричастия в русском языке есть. Н. Ю. Шведова, описывая значение местоимения *как*, пишет: «**Как** заключает в себе смысл сопутствующего процесса или процессуального состояния. Этот смысл заключен прежде всего в деепричастии» (полужирный курсив автора. — Е. К., М. Б.) (Шведова, 1998, с. 148). Далее приводится пример, с которым можно соотнести дейктив *как*: «Живите как смеясь». Можно на деепричастие указать дейктивом *так*, или *таким образом*, или *как-то так*, при этом такой дейктив не называет деепричастие конкретно (точнее, не имеет в себе семантики «дейктируемого» деепричастия), но лишь указывает на него (указывает на семантику деепричастия), например:

«Долго вы еще будете жить таким образом?» — в смысле /≠не работа/ или / = смеясь надо всем... и т. д. Следовательно, и у деэпричастия в русском языке имеются свои дейктивы типа: *так-то так, как-то так, таким образом* (в прямом, т. е. не в модальном смысле), *кое-как, ни так ни сяк* и т. д.

Особую группу составляют личные местоимения 1-го и 2-го лица со значением личности в диалоге. Такие местоимения-существительные (Русская грамматика, 1980, и др.) имеют номинативную функцию. Важно подчеркнуть, что местоимения-существительные — это личные местоимения 1-го и 2-го лица и *он-она-оно* в личном значении, которые образуют диалоговую группу и обозначают участников диалога: 1-е лицо номинирует говорящего, 2-е лицо номинирует слушающего, 3-е лицо номинирует нулевого (в силу отсутствия) участника диалога. Мы предлагаем называть эти слова условно квазизнаменательными словами, т. е. квазисуществительными.

Суть различия в их семантике: все дело в том, что эти местоимения-существительные фактически номинируют спикера и корреспондента (можно выделить и такие роли среди актантов). Принципы выделения местоимений-существительных описаны также в «Русской грамматике» (1980). Фактически эту группу слов нельзя рассматривать как дейктивные слова, т. е. местоимения-дейктивы, так как они не указывают на предмет (не называя его), а являются своеобразным наименованием участников диалога: я = говорящий, ты = слушающий, он = нулевой участник диалога, присутствующий как образ, но отсутствующий физически. Таким образом, эти «местоимения» своеобразно номинируют лица в специфической ситуации диалога, функционально совпадая в этом с существительными.

Совсем в другом и функционально омонимичном значении употребляются местоимения 3-го лица, которые не обозначают отсутствующего (нулевого) участника диалога, а дейктически указывают на предметы окружающего мира (*он, она, оно, они* в смысле дейктического указания на стул, лампу, животных и т. д., как уже говорилось ранее). Эти дейктивы кардинально отличаются от диалоговых квазисуществительных-местоимений, поскольку функционируют как типичные (обычные) местоимения, т. е. указывают на предмет (или существо), но не называют его. В свете сказанного уместнее всего считать, что эти местоимения образуют особую группу и не могут быть объединены с диалоговыми местоимениями-квазисуществительными типа **я, ты, мы, вы, он, она, они** (последние три в значении нулевого участника диалога). Возможно, что в таком случае уместно говорить об омонимах, как и предлагала В. В. Бабайцева (Бабайцева, 2000).

Продолжим (уже краткое) упоминание других частей речи, также имеющих дейктивы. Легко осознать местоименные наречия, поскольку они, как говорилось ранее, указывают на признак действия, но не называют его. Конкретными наречиями будут слова типа *вверх, вниз, налево, направо* и т. д. Имеется в этой связи и дейктив наречия, указывающий на локальный признак,

но не называющий его, — это слово *туда* (это и *наверх*, и *вниз* — *куда* угодно). Подобным образом временные наречия *вчера*, *раньше*, *завтра*, *потом* и т. д. могут в речи заменяться дейктивом *тогда*. Дейктивов наречия в русском языке не очень много (скорее мало).

Местоименные числительные указывают на количество, не называя его, например, неопределенные дейктивы: *несколько*, *сколько-нибудь* и т. д. Подобные дейктивы есть и в немецком языке: *einige*, *einigermaßen*, *etwas* и т. д. Таких слов также немного.

Подводя итоги этой части работы, отметим, что в результате нашего анализа оказывается, что дейктивные (местоименные) слова в русском языке могут использоваться в соответствии со всеми основными частями речи без исключения: существительными (кроме диалоговых), прилагательными, числительными, наречиями, — что было осознано в русской грамматике и ранее (Белашапкина, 1989, и мн. другие грамматик), а также глаголом и словом категории состояния, что обнаружилось недавно.

Совершенно неожиданной стала возможность использования дейктивов в соответствии с гибридными частями речи, что выяснилось в самое последнее время. Следовательно, внутренняя форма древнейшего термина греко-латинской грамматики «местоимение» (*pronomen*) теряет свой смысл и требует замены. Мы предлагаем использовать для наименования таких слов терминосочетание «дейктив-релятив», наиболее полно отражающее суть этой очень старой части речи, понятой по-новому. Важно еще раз подчеркнуть, что любая знаменательная и гибридная часть речи имеет своего дейктивно-релятивного заместителя, т. е. свой дейктив-релятив, который является коррелятивным заместителем, присутствующим рядом с любой из них в системе языка и заменяющим ее в речи по принципу отсылочного указания на нее (без конкретного названия).

Сложной проблемой русской грамматики оказалось описание причастий и деепричастий (поразительно, что в академической грамматике 1970 года они были отнесены соответственно к прилагательному и наречию, а в академической грамматике 1980 года попали в разряд глагола, из чего следует, что ни тем, ни другим причастия и деепричастия не являются).

Наиболее логичным следует признать подход В. В. Виноградова, выделившего в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» особые гибридные части речи. К ним были отнесены *причастия*, *деепричастия* и некоторые другие слова, совмещающие признаки нескольких частей речи. Совершенно очевидно, что гибридом глагола и прилагательного является причастие, гибридом глагола и наречия является деепричастие (Виноградов, 1947, с. 272, 392). «Генетика» обеих частей речи легко осознается в смешанном составе граммем этих гибридных частей речи, которые существуют в русской грамматике самостоятельно как особые и отдельные части речи. Подобную точку зрения разделяла и В. В. Бабайцева, основавшая целую школу исследований

в этом направлении, но в другой терминологии и логике переходности (Бабайцева, 2000).

Укажем для контраста, что очевидным гибридом глагола и прилагательного в немецком языке также оказываются причастия (Partizip I и Partizip II), соединяющие в себе как категории глаголов (наклонение, время, залог), так и категории прилагательных (число, род, падеж определяемого слова, а также степени сравнения), например: *er saß **weinend** im Zimmer; ein **weinendes** Kind*. В первом случае причастие *weinend* обладает глагольными свойствами, т. е. изъявительным наклонением в активном залоге настоящего времени, во втором случае — *ein weinendes Kind* — причастие уже актуализирует свойства имени прилагательного и согласуется с определяемым словом в числе, роде и падеже. Эти свойства немецких причастий представлены практически во всех немецких грамматиках, хотя там они и не называются гибридами (Duden, 1995, с. 187–191; Erben 1965; Helbig, Buscha, 1977).

В позиции В. В. Виноградова принципиально важным является то, что сама типология частей речи приобретает иной формат. В ней присутствуют части речи разного типа: гомогенные (основные части речи) и гетерогенные (гибридные как самостоятельные части речи), что с позиций системологии является несомненным прогрессом (так, в биологии гибриды уже давно осознаются как отдельный вид растений, например алыча, грейпфрут и др. — это изначальные гибриды, рождающиеся и плодоносящие как гибриды, лишённые процессуальности в своем качестве).

Мы пойдем дальше по этому пути и выделим в русском языке еще ряд гибридных частей речи. Итак, гибридом прилагательного и количественного числительного является русское **порядковое числительное** (ПЧ), в котором синтезируются как семантические, так и грамматические показатели той и другой основной и знаменательной части речи. В семантическом плане ПЧ объединяет семы количественности и порядка при счете, при этом последняя сема и приобретает характер специфической признаковости (первое такси, третий вагон и т. д.). Морфологические показатели ПЧ совпадают с таковыми у прилагательного, однако ПЧ не может иметь краткой формы со всеми вытекающими из этого синтаксическими последствиями (обычно не может выполнять функцию предиката, подобно краткому прилагательному). В синтаксическом плане ПЧ оформляет своеобразное количественное определение. Подобное есть и в немецком языке: *der erste, der zweite (Tag)* и т. д., как и в других языках.

Гибридом количественного числительного и существительного является **собирательное числительное**, которое синтезирует сему количества и совокупности лиц, реже — предметов (*pluralia tantum*). Это небольшой и закрытый список слов, начинающийся со слов *двое, оба* и заканчивающийся словом *десятеро*. Семантика совокупности лиц, определенной количественно, сливается столь нерасторжимо, что эти слова представляют собой подлинные гибриды. В синтаксическом плане собирательное числительное перенимает

у существительного роль субъекта действия или, реже, пациенса, занимая в предложении позицию подлежащего или дополнения (Трое вышли из леса. Учительница похвалила троих).

Вторичными гибридами (гибридом гибрида и другого знаменательного слова) являются слова типа *вдвоем, втроем ... вдесятером* — в данном случае речь может идти о гибридизации первичного гибрида, т. е. собирательного числительного типа *трое, четверо* и т. д., с одной стороны, и наречия, с другой стороны. Количество таких вторичных гибридов находится в строгом соответствии с количеством собирательных числительных.

К числу форм, имеющих тенденцию к гибридизации, в русском языке следует отнести краткое прилагательное, которое лишилось declinacii и выступает в предикативной (типичной для глагола) функции в составе предложения/высказывания, являясь сказуемым. Так, в высказывании *Он хорош в игре в шахматы* сливается как бы два смысла: *Он хороший шахматист* и *Он хорошо играет в шахматы*. Из этого можно сделать вывод, что краткое прилагательное превращается в русском языке в гибрид глагола и прилагательного.

К «гибридоориентированным» формам в русской системе частей речи можно отнести инфинитив, который по происхождению, как известно, является именем.

Явными гибридами существительного и глагола являются латинские герундии и их соответствия в европейских языках (например, в английском). В русском языке тоже есть гибридное отглагольное существительное типа *переход, перелет*, которое приближается в своей эволюции к выделению в качестве гибридной части речи.

Во второй части статьи рассмотрим частеречную сущность категории состояния, выделенную, как известно, Л. В. Щербой в русской грамматике в 1928 году. В целом часть речи базируется минимум на трех основаниях:

- 1) общеграмматической семантике, отражающей категориальную суть части речи;
- 2) морфолого-грамматической системе словоизменения из окончаний, суффиксов и т. д.;
- 3) а также на типовой (изосемической) синтаксической функции.

Выделяют также и словообразовательную функцию части речи, т. е. при вычленении части речи учитывается и деривационный потенциал (основание 4). Однако важно подчеркнуть, что каждая часть речи имеет и свою оригинальную внешнюю форму, характерную только для нее (основание 5), так сказать, свое индивидуальное лицо. Это пятое основание никогда не рассматривалось как важное в грамматике русского языка, хотя диалектическое положение о том, что форма содержательна, а содержание формировано, остается непреложным.

Рассмотрим с этих позиций такую часть речи, как *категория состояния* (КС). Чешская грамматическая традиция позже в том же значении применяла термин «предикатив». Этим термином пользуется также школа П. А. Леканта (Лекант, 1995).

Итак, КС имеет основные характеристики части речи:

- 1) категориальную семантику состояния;
- 2) преимущественно аналитическую систему морфологического формоизменения (*холодно — будет холодно, было холодно, было бы холодно, пусть будет холодно, более холодно, холоднее, холоднее всего* и т. д.);
- 3) синтаксическую функцию предиката в безличном односоставном предложении (*Мне грустно и смешно...*). Казалось бы, все признаки, на которых стоит часть речи, налицо, и даже словообразовательные потенции (основание 4) у КС имеются: *холодно – холодненько – холодновато* и т. д.

Таким образом, КС как часть речи имеет право на существование, но одно важное обстоятельство мешает признать КС окончательно оформленной частью речи русского языка.

Все дело в том, что КС не имеет особой внешней, персональной формы слова, можно сказать, что она арендует внешнюю форму у других частей речи: *мне грустно* (внешняя форма наречия), *мне лень* (форма существительного), *на улице морозит* (форма глагола) и т. д. Такие словесные формы КС в русском языке, взятые напрокат, омонимичны формам других частей речи, у которых они заимствуются. И это отсутствие своей индивидуальной внешней формы ограничивает КС в правах, не позволяя окончательно укрепиться в частеречном статусе наравне с другими основными знаменательными частями речи (нет основания 5).

Как же сейчас понимать КС как части речи? Наиболее рациональным выходом для русской грамматики в настоящее время, как нам представляется, будет отнесение слов категории состояния к гибридам. Слова категории состояния типа *лень, холодно, светает, моросит* и подобные по форме совпадают либо с существительным, либо с глаголом, либо с наречием, либо с модальным словом (по Виноградову). Иначе говоря, такие слова, обозначающие состояние, как бы «паразитируют» на форме других слов, однако это никогда не проходит даром. Чужая форма напрокат всегда привносит, хотя бы частично, с собой семантику «метропольной» знаменательной части речи, у которой эта форма заимствуется. Из сказанного следует, что слова категории состояния изначально возникают как гибриды, суммирующие в своей семантике значение состояния и частично значение того слова, у которого они заимствуют форму. Именно в таком статусе в русской грамматике они существуют в настоящее время. В свете сказанного слово *лень*, например, следует отнести к гибриду состояния и существительного, слово *светает* — к гибриду состояния и глагола, слово *холодно* — к гибриду состояния и наречия, слово *вероятно* — к гибриду состояния и модального слова и т. д. При этом генетику обоих «родителей» проследить довольно легко: от потенциального слова категории состояния эти гибриды заимствуют семантику и синтаксическую функцию «безличной предикативности» в предложении. От донора формы они заимствуют некоторые морфологические категории и частично семантику, например остаточная семантика процессуальности в категории состояния *светает* сохраняется;

подобным образом сохраняется и сема предметности в слове *лень*, которое является словом категории состояния. Такую же «троянскую» передачу сем вместе с передачей внешней формы напрокат можно обнаружить в словах категории состояния, возникших как гибриды при участии наречия или модального слова, например в словах типа *холодно, жарко, тепло, скорее всего* и т. д. В целом можно констатировать парадоксальную ситуацию в системе частей речи русского языка: в эволюции языка первоначально возникает гибрид, а затем может возникнуть и сама часть речи, которая уже сейчас образует гибрид, будучи потенциальной частью речи (или частью речи «с поражением в правах»). Таким образом, возможное возникновение в будущем персональной, а не взятой напрокат внешней формы слова может превратить КС в настоящую и полноценную часть речи русского языка.

Заключение / Conclusion

Системное рассмотрение частей речи в целом и местоимений в частности привело к расширению их состава и выделению местоименных глаголов и местоименных состояний в классификации дейктических лексем языка. В результате возникает номенклатура частей речи, в которой местоимения, или релятивы, соотносятся со всеми знаменательными частями речи русского языка, включая гибридные части речи. В целом изучение гибридов, выделенных В. В. Виноградовым, в грамматике только начинается. Но уже сейчас осознана необходимость расширения гибридов в системе частей речи русского языка, к которым относится и категория состояния. Примечательно, что и в немецком языке обнаруживаются параллели, созвучные предложенной в статье тематике. Это свидетельствует об универсальном характере местоименности и гибридности как грамматических явлений языка.

Интересной перспективой исследования представляется вопрос о лингвистической инженерии, которая может вносить предложения о новациях и популяризировать их в речи через СМИ. Это придаст лингвистике, кроме имеющихся функций дескрипции (описания) и прескрипции (предписания), некое новое качество лингвокреативного института, создающего и популяризирующего научно обоснованные языковые новации. Размышляя с этих позиций, можно предполагать, что в русском языке может быть введен в оборот новый тип слова (типа *холодеж*, или другого подобного, в значении «мне холодно»), который создаст специфическую внешнюю форму для слов категории состояния, и именно это может привести к окончательному закреплению категории состояния как новой части речи в русском языке.

Список источников

1. Аристотель. *Поэтика*. Гл. 20. (2022, 20 сентября). <https://litra.top/book/poetika/page-20.html>
2. *Русский язык*. Энциклопедия. 2-е изд. перераб. и доп. (2008). Научное изд-во «Большая российская энциклопедия».
3. *Краткая русская грамматика*. (2002). Рос. академия наук.
4. Шведова, Н. Ю. (гл. ред.). (1980). *Русская грамматика*: в 2 т. Наука.
5. Белошапкина, В. А. (ред.). (1989). *Современный русский язык*. Высшая школа.
6. Киров, Е. Ф. (1999). Части речи русского языка. *Вестник Нижегородского университета. Филология, 1*, 31–58.
7. Засорина, Л. Н. (1965). О местоименных предикатах в русском языке. *Вопросы общего языкознания*, 26–41.
8. Маслов, Ю. С. (1997). *Введение в языкознание*. Высшая школа.
9. Земская, Е. А. (1978). *Русская разговорная речь*: Тексты. Наука.
10. Пешковский, А. М. (2001). *Русский синтаксис в научном освещении*. Языки славянской культуры.
11. Щерба, Л. В. (1974). О частях речи в русском языке. *Языковая система и речевая деятельность*. Наука.
12. Аристотель. *Категории*. (2022, 20 сентября). <https://mir-knigi.info/books/starinnaya-literatura/antichnaya-literatura/page-2-78114-kategorii.html>
13. Виноградов, В. В. (1947). *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Гос. учеб.-пед. изд-во.
14. Бабайцева, В. В. (2000). *Явления переходности в грамматике русского языка*. Дрофа.
15. Лекант, П. А. (2011). Аналитическая часть речи предикатив в современном русском языке. *Вестник МГОУ. Серия: Русская филология, 2*, 20–27.
16. Drosdowski, G. (hrsg). (1995). *DUDEN. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache* — 5. Dudenverl.
17. Erbe, J. (1965). *Abriss der deutschen Grammatik* — 8. Akad.-Verl.
18. Helbig, G., & Buscha, J. (1977). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Enzyklopädie.

References

1. Aristotle. *Poetics*. Chapter 20. (2022, September 20). <https://litra.top/book/poetika/page-20.html> (In Russ.).
2. *Russian language*. Encyclopedia. 2nd ed. revised and supplemented. (2008). Scientific publishing house «Bolshaya Russkaya Encyclopedia». (In Russ.).
3. *Concise Russian grammar*. (2002). Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
4. Shvedova, N. Yu. (1980). *Russian grammar*: in 2 vol. Nauka. (In Russ.).
5. Beloshapkova, V. A. (1989). *Modern Russian language*. Higher School. (In Russ.).
6. Kirov, E. F. (1999). Parts of speech of the Russian language. *Vestnik of Nizhny Novgorod University. Philology, 1*, 31–58. (In Russ.).
7. Zazorina, L. N. (1965). On pronoun predicates in Russian. *Problems of General Linguistics*, 26–41. (In Russ.).
8. Maslov, Y. S. (1997). *Introduction to linguistics*. High School. (In Russ.).

9. Zemskaya, E. A. (1978). *Russian colloquial speech: Texts*. Science. (In Russ.).
10. Peshkovsky, A. M. (2001). *Russian syntax in scientific illumination*. Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
11. Shcherba, L. V. (1974). About parts of speech in Russian language. *Linguistic system and speech activity*. Science. (In Russ.).
12. Aristotle. *Categories*. (2022, September 20). <https://mir-knigi.info/books/starin-naya-literatura/antichnaya-literatura/page-2-78114-kategorii.html> (In Russ.).
13. Vinogradov, V. V. (1947). *Russian language. Grammatical doctrine of the word*. Gos. ucheb.-ped. izd-vo. (In Russ.).
14. Babaitseva, V. V. (2000). *Phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language*. Drofa. (In Russ.).
15. Lecant, P. A. (2011). Analiticheskaya chast' rechi predikativ v sovremennom russkom yazyke. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya*, 2, 20–27. (In Russ.).
16. Drosdowski, G. (hrsg). (1995). *DUDEN. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache — 5*. Dudenverl.
17. Erbe, J. (1965). *Abriss der deutschen Grammatik — 8*. Akad.-Verl.
18. Helbig, G., & Buscha, J. (1977). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Enzyklopädie.

Информация об авторах

Евгений Флорентович Киров — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологических дисциплин Института гуманитарных наук МГПУ.

Мария Вячеславовна Беляева — кандидат филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Evgeny F. Kirov — Doctor of Science (Philology), full professor of the Department of Russian Language and methods of teaching philological disciplines, Institute of Humanities, MCU.

Maria V. Belyaeva — PhD (Philology), full professor of the Department of German Studies and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.06

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Панина Наталья Валерьевна

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева,
Самара, Россия

sssp91@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5749-7244>

Аннотация. Статья посвящена изучению функционирования английских междометий как сигналов эмоций в речи мужчин и женщин, принадлежащих к американскому лингвокультурному сообществу, что представляется особенно актуальным в эпоху глобальной эмоционализации современного коммуникативного пространства. Статья направлена на выявление характерных для речи американских мужчин и женщин междометных единиц в зависимости от выполняемых ими функций. Исследование выполнено на материале десятого сезона американского ситкома Friends, повествующего о жизни шестерых друзей. Ведущим лингвистическим методом в исследовании выступил метод контекстного анализа. Выборка исследования составляет 1575 междометных единиц. В статье выявлены и обоснованы качественные и количественные показатели употребления английских междометий в речи американских мужчин и женщин. Из всех выполняемых междометиями функций наиболее распространенной является эмотивная функция, что объясняется природой междометий. В речи женщин зарегистрировано преобладающее число междометий, выполняющих эмотивную функцию, что свидетельствует о характерной для женщин неосознанной вербализации разнополярных эмоций, в то время как в речи мужчин отмечено большее число междометий в конативной функции, которая отвечает за проявление волеизъявления и регуляцию процесса коммуникации. В ходе исследования установлено, что все зарегистрированные междометия в конативной, фатической, гезитационной функциях и часть наиболее частотных междометий в эмотивной функции являются гендерно нейтральными, поскольку их качественный состав в речи мужчин и женщин идентичен. Представленные в статье результаты позволяют систематизировать данные о функциональной направленности английских междометий, используемых в речи американских мужчин и женщин.

Ключевые слова: английские междометия, гендерные особенности, функции междометий, эмотивная функция, конативная функция, фатическая функция, гезитационная функция.

Для цитирования: Панина, Н. В. (2023). Гендерные особенности функционирования английских междометий в современной американской лингвокультуре. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 67–86. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.06

Original article

UDC 811.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.06

**GENDER DIFFERENCES IN THE USE
OF ENGLISH INTERJECTIONS IN MODERN
AMERICAN LINGUISTIC CULTURE****Natalya V. Panina**Samara National Research University named after academician S. P. Korolev,
Samara, Russiasssp91@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5749-7244>

Abstract. The research regards the functions of English interjections in the speech of men and women belonging to the American linguistic culture. The study proves relevant due to the need of studying interjections as signals of emotions in the era of global emotionalization of the modern communicative space. The paper aims at identifying interjections used in the speech of American men and women and tackle the functions they perform. The study relies on the tenth season of the American sitcom «Friends». The principal linguistic method applied is the method of context analysis. The empirical data include 1575 interjections. The largest number of interjections in the speech of men and women corresponds to the emotive function, which is due to the nature of interjections. Even bigger number of emotive interjections in the speech of women indicates the unconscious verbalization of heteropolar emotions, which is typical of women, while in the speech of men there is a greater number of interjections corresponding with the conative function, responsible for expressing will and regulating the communication process. The paper reveals that all registered interjections in the conative, phatic, hesitation functions and some of the most frequent interjections in the emotive function are gender neutral, since their qualitative composition in the speech of men and women is identical. The findings contribute to systematizing the data on the functional orientation of English interjections used in the speech of American men and women.

Keywords: English interjections, gender differences, interjection functions, emotive function, conative function, phatic function, hesitation function.

For citation: Panina, N. V. (2023). Gender differences in the use of English interjections in modern American linguistic culture. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 67–86. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.06

Введение / Introduction

Непрекращающиеся дискуссии о проблемах равенства и неравенства полов продолжают стимулировать развитие гендерных исследований в разных областях науки. Трансформации, происходящие в англоязычном социолингвистическом контексте, привели к возникновению лингвистической гендерологии, оформившейся в конце XX века в самостоятельное научное

направление (Харьковская, 2018, с. 156), в связи с чем на рубеже XX–XXI веков происходит ревизия научных представлений о гендере (Кирилина, 2021, с. 112). Так, на протяжении долгого времени исследователей занимают вопросы, связанные с процессами гендерных аспектов эвфемизации английского языка (Баранова, Афанасьева, 2021); с изучением речевого поведения мужчин и женщин (Malyuga, 2011; Rahbar et al., 2012; Coates, 2014; Rustamov et al., 2021); исследуются вопросы гендерной маркированности разных видов дискурса (Леонович, 2015; Ухова, 2011); анализируются используемые представителями разных полов языковые единицы (Никитина, 2015; Зиновьева, 2017; Маллаева и Рамазанова, 2018; Харьковская, Вихляева, 2021; Боженко и др., 2022). Однако в эпоху глобальной эмоционализации современного коммуникативного пространства вопросу гендерной направленности английских междометий не уделяется должного внимания, что и предопределяет актуальность настоящего исследования, цель которого заключается в определении гендерных особенностей функционирования английских междометий в современной американской лингвокультуре. В задачи исследования входит выявление функциональной направленности междометий, используемых в речи американских мужчин и женщин; установление наиболее и наименее характерных для речи междометных единиц в зависимости от выполняемых ими функций.

Методология исследования / Methodology

Междометия, являясь средствами выражения эмоционального отношения коммуникантов к услышанному или к происходящим событиям, реализуют свой потенциал преимущественно в диалоге. В связи с этим в качестве материала исследования выбран 10-й сезон американского ситкома *Friends* (Television Sitcom, 2004), повествующего о жизни шестерых друзей: избалованной папенькиной дочери Рэйчел Грин; чистюли-повара Моники Геллер; хиппующей массажистки и певицы Фиби Буффе; комплексующего остряка, офисного работника Чендлера Бинга; простоватого, ждущего своей роли актера Джоуи Триббиани; разведенного палеонтолога Росса Геллера. Серии ситкома построены на живом общении в основном между тремя молодыми людьми и тремя девушками, принадлежащими к одной социальной группе и возрастной категории, что представляет благоприятную почву для анализа гендерных характеристик и свидетельствует о достоверности результатов исследования, которое проводилось в несколько этапов. При отборе языкового материала использовалась методика сплошной выборки, после чего проводился контекстный анализ, и зарегистрированные междометные единицы распределялись по группам в соответствии с выполняемыми ими функциями в речи американских мужчин и женщин.

Обработка эмпирического материала проводилась посредством комбинации современных общенаучных методов и методов лингвистического анализа.

Методологическая основа исследования строится на лингвистическом описании качественно-количественных и функционально-семантических характеристик эмпирического материала и систематизации элементов контекстного анализа применительно к междометным единицам английского языка. Функциональная направленность междометий находится в прямой зависимости от окружающего их контекста, что объясняется утверждением О. А. Сулеймановой, М. А. Фоминой и И. В. Тивьяевой о том, что лексическая единица как «знаковая сущность конкретизируется только в контексте (т. е. в определенной структуре и комбинаторике)» (Сулейманова и др., 2020, с. 95).

Общий объем выборки составляет 1575 междометий, из которых 903 междометия (57 %) зарегистрировано в речи женщин и 672 междометия (43 %) — в речи мужчин.

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Для проведения анализа эмпирического материала все зарегистрированные единицы распределены по группам в зависимости от выполняемых ими функций: междометия в эмотивной, конативной, фатической и хезитационной функциях. Подобные параметры классификации междометий на указанные функциональные группы приведены в исследовании Н. В. Паниной и О. О. Амерхановой (Panina, Amerkhanova, 2018, p. 89). Среди междометий, выполняющих эмотивную функцию, выделено две подгруппы: междометия, служащие для передачи положительных (+) и отрицательных (–) эмоций. Полученные количественные данные систематизированы в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Функции междометий в речи мужчин и женщин Functions of Interjections in the Speech of Men and Women

Участники коммуникации	Междометия, выполняющие эмотивную функцию		Междометия, выполняющие конативную функцию	Междометия, выполняющие фатическую функцию	Междометия, выполняющие хезитационную функцию
	+	–			
Женщины	57 %				
	35 %		3 %	2 %	17 %
	19 %	16 %			
Мужчины	43 %				
	20,5 %		8 %	0,5 %	14 %
	10,5 %	10 %			

Из сведений, представленных в таблице 1, следует, что наиболее частотными в речи американских мужчин и женщин являются междометия в эмотивной функции; при этом в речи женщин междометия, передающие положительные

эмоции, представлены в большем количестве, чем междометия, передающие отрицательные эмоции, в то время как в речи мужчин их количественные показатели практически идентичны (разницу составляет лишь 0,5 %).

Выделим по три наиболее частотных междометия в эмотивной функции в речи мужчин и женщин. Так, для передачи положительных эмоций для речи как мужчин, так и женщин характерны междометия *Oh* (6 и 12,5 %), *Oh my God* (1 и 1,5 %) и *Wow* (0,6 и 1,3 %). Обратимся к некоторым отрывкам диалогов, демонстрирующим употребление вышеуказанных междометий в речи представителей обоих полов:

- Chandler: **Wow!**¹

Monica: (in her Monica-excited-way... TOO LOUD!) **Oh my God**, I love how thin these walls are! (Friends. Season 10. Episode 1)²

- Ross: Hey, I brought the camera for Emma's video.

Rachel: **Oh**, good, good! We had this idea to make a birthday video for Emma and we'll give it to her when she is 18.

- Phoebe: **Oh**, COOL! **Wow**, it's like a time capsule! (Friends. Season 10. Episode 4)³

- Rachel: Aw, d'you like it?

Phoebe: **Oh my God**, it's all so elegant! (Friends. Season 10. Episode 11)⁴

Для передачи отрицательных эмоций в речи женщин распространено использование таких междометий, как *Oh* (8,3 %), *Oh my God* (2,8 %) и *Oh God* (1,1 %), в то время как в речи мужчин это междометия *Oh* (4,6 %), *Oh my God* (1,1 %) и *Damn it* (0,8 %). Рассмотрим некоторые примеры их употребления.

- Joey: **Oh my God**, it's Ross. What are we gonna do?

Rachel: **Oh**, ju-ju-just stay calm. Just be calm. For all he knows we're just hanging out together. Right? Just be nonchalant... (Friends. Season 10. Episode 1)⁵

- Joey (to Chandler): ...**Oh**, man, I'm two hours late for work! (he stands, ready to go). Look, here's a copy of my reels. It's got all the commercials that I've been in.

Chandler: Joe...

Joey: Just watch it, and if you don't like it, you don't pass it on to your bosses!

¹ Здесь и далее выделено нами. — Н. П.

² Чендлер: Вау!

Моника: Боже, как же я люблю эти тонкие стены! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 1). (Здесь и далее перевод примеров выполнен автором работы. — Н. П.).

³ Росс: Всем привет! Я принес камеру, чтобы снять Эмму на видео.

Рэйчел: Здорово! Мы решили снять день рождения Эммы на видео и подарить ей кассету на 18-летие.

Фиби: Круто! Вау, это как капсула времени! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 4)

⁴ Рэйчел: Тебе нравится?

Фиби: Господи, все так элегантно! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 11)

⁵ Джоуи: О Боже, это Росс. Что нам делать?

Рэйчел: Так... спокойней... спокойней. Может быть, он подумает, что мы просто разговаривали, хорошо? Так что веди себя как ни в чем не бывало. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 1)

Chandler: Fine!

Joey: Thank you. (he sits down)

Chandler: Work, Joe!

Joey: **Damn it!** (he leaves) (Friends. Season 10. Episode 6)⁶

• (They walk to the table, but Rachel suddenly gasps. Sitting there is Mr Zellner, her boss from her current job at Ralph Lauren.)

Rachel: **Oh my God!** That's my boss. You have to seat us somewhere else. (Friends. Season 10. Episode 14)⁷

Среди менее распространенных междометий, зарегистрированных в эмоциональной функции и передающих положительные эмоции в речи американских мужчин и женщин, выделены следующие: *Ah, Aw, God, Haha, Ooh, Yay, Whoo, Oh God*. Рассмотрим наиболее интересные примеры их употребления.

Междометие *Yay* используется представителями обоих полов для выражения радости, однако в речи женщин это междометие зафиксировано в 7 раз больше.

Так, в следующем примере Рэйчел сообщает Россу о том, что приняла предложение от начальника компании, из которой ее недавно уволили, и что она останется в Нью-Йорке и не поедет работать в Париж, куда ее приглашали незадолго до этого. Поскольку Росс совсем не хочет отпускать Рэйчел в Париж одну, он договорился с ее бывшим начальником, представившись Роном, чтобы ее вновь пригласили на работу с повышением заработной платы. Услышав новость о том, что Рэйчел приняла предложение, Росс выражает свои радостные эмоции, в чем Рэйчел его поддерживает, поскольку на подсознательном уровне она тоже не хочет от него уезжать. В видеоматериалах выкрикивание междометий *Yay* и *Who* сопровождается соответствующей интонацией, мимикой и жестами, в то время как в скрипте (Friends Script) к серии высокая степень эмоционального подъема выражается графически посредством заглавных букв.

• Rachel: Yeah. It was the weirdest thing. Zelner called me and he said we'll do everything we can to get you back. And that I should thank some Ron... I don't even know what department that guy's in.

Ross: So, what are you gonna do?

Rachel: Well, I took it.

⁶ Джоуи (Чендлеру): Боже, я уже на два часа опоздал на работу! (Все еще не двигается с места.) Вот кассета. На ней все ролики, в которых я снимался.

Чендлер: Джо...

Джоуи: Просто посмотри ее. Если тебе не понравится, начальству можешь не показывать!

Чендлер: Хорошо.

Джоуи: Спасибо. (Присаживается.)

Чендлер: Джо, работа!

Джоуи: Черт! (Уходит.) («Друзья». Сезон 10. Эпизод 6)

⁷ (Подходят к своему месту в ресторане. У Рэйчел внезапно перехватывает дыхание, когда она замечает за соседним столиком своего босса, мистера Зелнера, из компании «Ральф Лорен».)

Рэйчел: Господи! Здесь мой босс. Дайте нам другой столик. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 14)

Ross: That's great! So you're staying in New York!
Both: **YAY! WHOO! YAY!** (Friends. Season 10. Episode 15)⁸

Для выражения одобрения и умиления коммуниканты используют междометие *Aw*. В следующем примере Моника и Чендлер впервые появляются в своей квартире после рождения близняшек, мальчика и девочки, которым они дают имена в честь близких им людей, на что Рэйчел и Росс реагируют с умилением.

- Chandler: Her name is Erica.
Rachel: **Aw**.
Joey: Hey, that pregnant girl's name was Erica.
Chandler: Yeah. It's a shame you two didn't get to spend more time together.
Monica: Yeah, we named the boy Jack after dad.
Ross: **Aw**, he's gonna be so happy. (Friends. Season 10. Episode 17/18)⁹

Среди междометий, употребляемых в речи мужчин и женщин для передачи отрицательных эмоций, отмечены следующие: *God, Oh God, My God, Ooh, Ah, Wow, Ow, Ouch(y), Man, Huh, Damn it*.

Междометия *Huh* и *Ooh* в эмотивной функции используются для выражения порицания и неодобрения. Приведем пример с одним из них. Джоуи отправляется вместе с Моникой и Чендлером осматривать их новый загородный дом, куда они должны переехать. Поскольку Джоуи не хочет расставаться со своими друзьями, он намеренно ищет в нем недостатки, в качестве одного из которых он преувеличенно отмечает темноту комнаты, при этом усиливая свое утверждение междометием *Ooh*.

- Joey: Maybe. So this is the living room huh? **Ooh**, it's pretty dark. (starts feeling around him like he's in a completely dark room, touching Chandler, who backs out and hits him) (Friends. Season 10. Episode 14)¹⁰

⁸ Рэйчел: Да. Это уже совсем странно. Звонил Зелнер и сказал, что они готовы на все, лишь бы я вернулась, и что я должна поблагодарить какого-то Рона... А я даже не знаю, из какого он отдела.

Росс: И что ты собираешься делать?

Рэйчел: Я согласилась.

Росс: Это же великолепно! Значит, ты остаешься в Нью-Йорке!

Рэйчел и Росс (вместе): УРА! ЙУХУ! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 15)

⁹ Чендлер: Ее зовут Эрика.

Рэйчел: Это так мило!

Джоуи: Ту беременную девушку тоже звали Эрика.

Чендлер: Да. Жаль, что вы провели вместе так мало времени.

Моника: Да, а мальчика мы назвали Джеком, в честь дедушки.

Росс: Так здорово, он будет счастлив! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 17/18)

¹⁰ Джоуи: Может быть. Значит, это гостиная, да? Ну... темновата. (Начинает идти на ощупь, будто он находится в абсолютно темной комнате, и прикасается к Чендлеру, который отходит назад.) («Друзья». Сезон 10. Эпизод 14)

Междометия *Ouch* и *Ow* используются для выражения внезапной физической боли, что демонстрируется в следующих двух примерах:

- Monica: You know what? I don't care. I like it like this, and I'm gonna keep it. You're just jealous because your hair can't do this... (and she shakes her head more violently) **OUCH!**

Chandler: Hit yourself in the tooth?

Monica: And the eye! (Friends. Season 10. Episode 1)¹¹

- Ross: Ok! (he takes the camera and walks backwards to take a shot) See? Scared of swings, I bet you feel pretty silly (a swinging boy knocks him down) **Ow!** (Friends. Season 10. Episode 7)¹²

Помимо идентичных по качественному составу междометий, выделены группы междометий, отмеченные только в речи мужчин и женщин по отдельности.

Так, в качестве единиц, выражающих положительные эмоции, зарегистрированы следующие междометия: *Amen, God bless you, Goody, Oh my Gosh, Oh my goodness* — в речи женщин; *Heh, My God, Bravo, Man, Whoo-hoo* — в речи мужчин. Рассмотрим случаи употребления некоторых из них.

В следующем примере междометие *Oh my Gosh* с последующим *Wow* используется в речи Рэйчел для передачи восхищения новорожденными младенцами Моника и Чендлера.

- (Chandler and Monica carry Erica and Jack over to the crib and put them down carefully.)

Rachel: **Oh my gosh. Wow**, so beautiful. (Friends. Season 10. Episode 17/18)¹³

Междометие *Bravo*, служащее для передачи одобрения и похвалы, употребляется в речи Чендлера для подбадривания Джоуи, который мимикой демонстрирует разные состояния и хочет доказать, что он сможет подойти для роли профессора.

- Chandler: Oh... I don't know, I really don't think you're right for the part.

Joey: What do you mean? I can do anything, I'm a chameleon! Huh? (he mimes an old man with a beard) I'm old! (then he yawns) I'm tired! (then he mimes someone who's hot...) Hey, I'm hot (...and cold) I'm cold!! Huh?? Come on! What can't I do?

Chandler: First of all. **Bravo**. Uh, but I really don't think you're right for this. The part calls for a stuffy college professor. (Friends. Season 10. Episode 6)¹⁴

¹¹ Моника: Знаешь что? Мне все равно. Мне нравится, и я собираюсь их оставить. Ты просто завидуешь, потому что твои волосы так не могут... (Встряхивает головой по сильнее.) Ай! Чендлер: Попала себе по зубам?

Моника: И в глаз! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 1)

¹² Росс: Хорошо. (Берет фотоаппарат и отходит назад, чтобы сделать фотографию.) Видишь? Понимаешь, как это глупо бояться качелей? (Мальчик на соседних качелях сбивает его с ног.) Ау! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 7)

¹³ (Чендлер и Моника аккуратно укладывают Эрику и Джека в кровать.)

Рэйчел: Боже мой, какие же они милые! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 17/18)

¹⁴ Чендлер: Ну... я не знаю. Мне, правда, кажется, что тебе не подойдет эта роль.

Джоуи: О чем ты говоришь? Я могу все, я хамелеон! Смотри! (Изображает старого человека с бордой.) Вот я старик. (Затем зевает.) А сейчас я изображаю усталость! (Затем

Кроме этого, зарегистрированы междометия, выражающие отрицательные эмоции, которые в нашем материале отмечены только в речи женщин (*Good God, Oh Gosh, Ooy, Geez, Oh my, Shoot, Whoopsie, Ugh, Eww*) или в речи мужчин (*Argh, Gee, Hell, Duh, Gosh, Whoa, Boy, Man*). Рассмотрим примеры с некоторыми из них.

Междометия *Ugh* и *Ew* используются для передачи отвращения. В примере ниже Фиби рассказывает Монике о том, что в город приехала их знакомая, которую они не любят.

- Phoebe: **Ugh**, you won't believe who moved back to town.

Monica: I know, Amanda! Ah! She called me too! She's the worst! (Friends. Season 10. Episode 3)¹⁵

В следующем же примере Фиби использует междометие *Ew* при виде некрасивого соседа, появившегося в голом виде в окне напротив:

- Phoebe: (looking outside the window) **Eww**, look. Ugly Naked Guy lit a bunch of candles. (They all look at the window, gressed out, then flinch in pain. (Friends. Season 10. Episode 10)¹⁶

Досада может быть выражена вторичным междометием 'Boy', которое Джоуи произносит с ноткой иронии в нижеприведенном отрывке. После разговора с его агентом в телефоне высветилась надпись, что абонент находится вне зоны действия сети. Зная о том, что его агент умерла, Джоуи использует соответствие русскому междометию «да уж» в ответ на появившееся оповещение в телефоне. Являясь суеверным, он и не подозревал, что ему звонила Фиби от лица его агента.

- Joey: Thanks for everything Estelle. Bye. (Hangs up and reads the phone display «out of area». **Boy**, I'll say. (Friends. Season 10. Episode 15)¹⁷

Вторичное междометие *Man* в следующем примере используется для передачи сочувствия и разочарования Росса в самом себе, о чем свидетельствует и соответствующая авторская ремарка. В студенческие годы Росс нарушил

изображает, что ему жарко.) А теперь я изнемогаю от жары. (Затем изображает, что ему холодно.) А вот я замерз. Ну, что скажешь? И чего я не могу показать?

Чендлер: Во-первых, браво, но я все же думаю, ты не подойдешь. Понимаешь, нужно сыграть нудного профессора. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 6)

- ¹⁵ Фиби: Ты не поверишь, кто вернулся в город.

Моника: Как же, знаю, Аманда. Она мне тоже звонила. Терпеть ее не могу! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 3)

- ¹⁶ Фиби: (выглядывая из окна) Фу, смотрите, противный голый мужик зажег свечи. (Все с отвращением посмотрели в окно, сморщившись от увиденного.) («Друзья». Сезон 10. Эпизод 10)

- ¹⁷ Джоуи: Спасибо за все, Эстель. Пока. (Вешает трубку и читает полученное сообщение о том, что абонент находится вне зоны действия сети.) Да уж, надо думать. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 15)

обещание, данное Чендлеру, и поцеловал девушку, которая ему очень нравилась.

- Chandler: Well, I did and it hurt. (they walk towards the bar) That's when I wrote the song: «Betrayal In The Common Room».

Ross: (looks disappointed in himself) **Man...** I... I'm sorry. (Friends. Season 10. Episode 11)¹⁸

Междометие *Duh*, зарегистрированное в речи Росса, служит для выражения недоумения и саркастичного отношения к собеседнику и соответствует русской фразе *да ты что / да ладно*, когда речь идет о чем-то очевидном.

- Ross: Oh, not another one! Oh my G... And this is moisturiser. It's even harder to clean! Why? Why do bad things happen to good people?

Rachel: Wow! Well, clearly this is not a good time.

Ross: **Duh**, you think? (enters the kitchen) (Friends. Season 10. Episode 1)¹⁹

В примере ниже междометие *Whoa* используется для передачи сильного удивления и недоумения Джоуи от услышанной новости. Рэйчел не разделяет чувств Джоуи по поводу картины, сделанной Фиби, и с целью отговорить его оставить картину у себя она решает напугать его, сказав, что картина с привидением.

- Rachel: Joey, we're not keeping this!

Joey: But it's an original Buffay...

Rachel: Alright, fine. You can keep it. As long as you don't mind that she's haunted.

Joey: Hey? what? what? **whoa!** what? what!? (Friends. Season 10. Episode 6)²⁰

Как показывает материал, в эмотивной функции зарегистрировано большое количество вариаций междометий / междометных фраз, которые, по утверждению Н. В. Кравчук, исторически претерпели процесс конвертации из обращений к Богу во вторичные междометия (Кравчук, 2014, с. 327). К ним относятся как полные, так и сокращенные формы: *God, Oh God, Oh my God, Gosh, On my Gosh, God bless you, Oh my goodness, Oh my*, при этом в качественном плане разнообразие подобных междометий более характерно для женской речи.

При анализе эмпирического материала обнаружены амбивалентные междометия, которые, согласно Н. В. Кравчук, «способны передавать как положительные,

¹⁸ Чендлер: Ну, а я знал. И мне было больно. (Идут в направлении барной стойки.) Именно поэтому я написал песню «Предательство в комнате отдыха».

Росс: (разочаровавшись в себе) Прости меня. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 11)

¹⁹ Росс: О нет, еще один! О боже, это увлажняющий крем для тела. Его еще труднее отмыть. Ну почему? Почему плохие вещи происходят с хорошими людьми?

Рэйчел: Ух ты. Очевидно, сейчас не совсем подходящее время для беседы.

Росс: Да ладно? (Уходит на кухню.) («Друзья». Сезон 10. Эпизод 1)

²⁰ Рэйчел: Джоуи, мы не оставим ее у себя дома!

Джоуи: Но это же подлинная картина Буффе...

Рэйчел: Ну хорошо, забирай ее себе. Если, конечно, тебя не волнует, что она заколдована.

Джоуи: Эй, в смысле? Что? Как? («Друзья». Сезон 10. Эпизод 6)

так и отрицательные эмоции в зависимости от контекста» (Кравчук, 2015, с. 97). В нашем материале зафиксированы междометия *Ah, God, Oh, Oh God, Oh my God, Ooh, Wow*, которые являются своего рода универсальными эмотивными единицами, способными выражать широкий спектр разнополярных эмоций: от приятного удивления и радости до недоумения и негодования.

Более высокие показатели частотности междометий в эмотивной функции, зафиксированные в речи женщин, объясняются утверждением Е. Ю. Гетте о том, что для женского коммуникативного поведения характерно использование эмоциональных характеристик с целью самопрезентации, в то время как для мужского коммуникативного поведения данный признак не характерен (Гетте, 2010).

Второе место по частотности как в речи мужчин, так и женщин занимают междометия, выполняющие гезитационную функцию: 14 и 17 % соответственно. Междометия в гезитационной функции служат в качестве вспомогательных элементов для оформления высказывания. По качественному составу междометия данной группы полностью идентичны в речи американских мужчин и женщин. Это такие междометия, как *Um/Uhm, Uh, Well, Er*. В речи женщин наиболее популярным в этой функции является междометие *Well*, на втором месте находится междометие *Um*, и на третьем — *Uh*, междометие *Er* зафиксировано лишь 1 раз в нашем материале. В речи мужчин наиболее частотным также является междометие *Well*, далее следуют междометия *Uh* и *Um*. Междометие *Er* зафиксировано 3 раза в речи мужчин в нашем материале. Приведем примеры их употребления. Как правило, данные междометия употребляются в речи в тех случаях, когда человек испытывает неловкость или чувство вины. При формулировании мысли коммуниканты используют данные междометия в качестве связующих элементов, заполняющих паузы. Для гезитационных междометий нехарактерно обособленное функционирование. Так, в нашем материале они встречаются в рамках одной реплики неоднократно, либо в сочетании с другими междометиями данной группы. Проследим это на следующих примерах:

- Phoebe: The donation we made earlier, **Um, well**, we want it back.
Charity guy: Excuse me?

Phoebe: Yeah. See, that money was for a big wedding, that we thought we didn't want, but it turns out we do. (Friends. Season 10. Episode 7)²¹

- Phoebe: Yeah. **Well, uhm...** listen he was supposed to get a weekend furlough, so he'd come to the wedding tomorrow, but he just called and... **uhm... well**, apparently stabbing Iceman in the exercise yard just couldn't wait till Monday. (Friends. Season 10. Episode 12)²²

²¹ Фиби: Деньги, которые мы сегодня внесли на пожертвование для детей... Дело в том, что... Мы хотели бы забрать их обратно.

Сотрудник благотворительной организации: Простите?

Фиби: Понимаете, эти деньги мы планировали потратить на свадьбу, которую сначала не хотели устраивать, но потом передумали. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 7)

²² Фиби: Да, в общем... моего отчима должны были отпустить на побывку из тюрьмы, чтобы он смог попасть ко мне на свадьбу, но он только что позвонил и... оказывается...

- Joey: (looks at him suspiciously) But, **uh**... you watched the tape?

Chandler: (sounds nervous) Yeah! I... I... I liked it! (Joey continues to look at him suspiciously) But, **uh**... my bosses didn't go for it. Stupid sons of bitches! (Friends. Season 10. Episode 6)²³

Принимая во внимание вспомогательный характер данных междометий, одновременно стоит учесть и тот факт, что по количеству хезитационных междометий в речи можно судить о степени уверенности собеседника. В связи с тем, что мужчинам свойствен высокий уровень эмоциональной сдержанности, проявляющийся в молчании и удерживании пауз, чем в их заполнении, в их речи отмечается меньшее количество хезитационных междометий, чем в речи женщин.

Следующими по частотности являются междометия в конативной функции, которых в речи американских мужчин зафиксировано почти в три раза больше. В данную группу входят междометия, выражающие волеизъявление говорящего: это могут быть как собственно императивные междометия, призывающие собеседника к осуществлению определенного действия, так и междометия, с помощью которых коммуникант обращает на себя внимание и побуждает своего собеседника к ответу, тем самым осуществляя регуляцию процесса коммуникации.

Например, с помощью вторичного междометия *Shh*, представляющего редуцированную форму междометия *Shush*, образованного от глагола, адресанты сообщения способны побудить адресатов замолчать или говорить потише. Междометие *Shh* зарегистрировано в речи американских мужчин и женщин в небольшом количестве (0,2 и 0,3 %). Приведем примеры его употребления. Из примера ниже следует, что эффект от использования Россом междометия *Shh* достигнут, о чем свидетельствуют авторские ремарки в предыдущей (*screaming*) и последующей (*quietly*) репликах:

- Phoebe: (screaming) YAY!

Ross: **Shhh!**

Phoebe. (quietly) Yay! (Friends. Season 10. Episode 17/18)²⁴

В нашем эмпирическом материале представляется возможным проследить использование междометия *Shh* с многократным повторением графем *s* и *h* с целью передачи протяженности произнесения звука [ʃ] на письме:

уничтожение «ледяного человека» в тюремном дворе не может подождать до понедельника. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 12)

²³ Джоуи: (с подозрением) А ты смотрел кассету?

Чендлер: (обеспокоенно) Да... и... мне понравилось! (Джоуи продолжает подозрительно смотреть на Чендлера.) А вот... моему руководству нет. Мерзавцы! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 6)

²⁴ Фиби: (воскликнув) Ура!

Росс: Ш-ш-ш, не кричи!

Фиби: (шепотом) Ура! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 17/18)

- Rachel: But my... but my boss cannot see me. I'm interviewing for another job.
Maitre d': I know. With Gukki.
Rachel: **Sssshhhh!** (Friends. Season 10. Episode 14)²⁵

Междометие 'Whoa', изначально использовавшееся в качестве команды для лошади, призывающей ее остановиться, способно также выполнять конативную функцию, побуждая собеседника к прекращению действия. В следующем примере Моника просит Фиби успокоиться и для усиления эффекта использует данное междометие три раза:

- Monica: **Whoa-whoa-whoa**, Phoebe you gotta take her! Y'know, I-I-I said some really bad stuff about her, but y'know Rachel has some good qualities that make her a good roommate... (Friends. Season 10. Episode 10)²⁶

Противоположным по эффекту воздействия зарегистрировано вторичное междометие *Shoot*, также образованное от глагола, но, напротив, побуждающее собеседника к ответу:

- Rachel: Aaah... Ross, actually there's something that I really need to talk to you about.
Ross: (unpacking his bag) Okay, **shoot!**
Rachel: Okay, uhm... alright, here's the deal. (Friends. Season 10. Episode 1)²⁷

В конативной функции междометие *Shoot* зафиксировано лишь 1 раз в нашем материале. В отдельных случаях в речи женщин отмечено употребление формы *Shoot*, представляющей фонетически искаженный вариант междометия *Shit* (0,3 %), зарегистрированного в эмотивной функции. Аффектив *Shoot*, выступающий в виде эвфемизма вторичного междометия (т. е. производного междометия, образованного от знаменательной части речи), позволяет Рейчел передать чувства злости и раздражения:

- (Scene: The gate. Rachel is still searching for her boarding pass.)

Rachel: Oh! **Shoot!** Damn it! Where is it? Oh! Oh! I found it! I found it! (Friends. Season 10. Episode 17/18)²⁸

Однако наиболее распространенным конативным междометием в речи американских мужчин и женщин является междометие *Hey*, частотность

²⁵ Рэйчел: Но... мой босс не должен меня увидеть. У меня собеседование на другую работу. Метрдотель: Я знаю. У Гукки.

Рэйчел: Тише! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 14)

²⁶ Моника: Стоп-стоп, Фиби, ты должна ее взять к себе! Да, я... я наговорила много плохого про нее, но, пойми, у Рэйчел есть хорошие качества, которые характеризуют ее как хорошую соседку по комнате... («Друзья». Сезон 10. Эпизод 10)

²⁷ Рэйчел: Ну все... Росс, вообще-то мне надо с тобой поговорить.

Росс: (распаковывая свою сумку) Хорошо, давай!

Рэйчел: Ладно, хорошо... дело вот в чем. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 1)

²⁸ (Сцена: В зоне выхода на посадку в аэропорту. Рэйчел все еще ищет свой посадочный талон.)
Рэйчел: Черт! Проклятье! Где же он? Вот он, наконец-то! Нашла,шла! («Друзья». Сезон 10. Эпизод 17/18)

употребления которого в речи мужчин превышает показатели его частотности употребления в речи женщин в два раза.

Прежде чем перейти к примерам, стоит обозначить, что в нашем эмпирическом материале зарегистрированы только случаи использования собственно междометия *Hey*, а не слова-приветствия или, по мнению некоторых исследователей, этикетного междометия.

Мужчины используют междометие *Hey* намного чаще в своей речи. В их речи зарегистрировано однократное, двукратное, трехкратное и четырехкратное использование данного междометия. Приведем некоторые примеры:

- Chandler: Oh, **hey**, when she gets here, is it ok if I introduce you two as «my wife» and «the woman who's carrying my child»? (she's not amused) No? Divorce? (Friends. Season 10. Episode 13)²⁹

- Rachel: (she's sad) Ow. I don't want him to wake up alone! I should go to the hospital!

- Ross: What? No, no! **Hey, hey, hey** look...

- Rachel: What? (Friends. Season 10. Episode 13)³⁰

Междометие *Huh* является вторым по частотности конативным междометием, используемым в речи американских мужчин и женщин, однако в нашем материале в речи мужчин количество употреблений данного междометия в три раза выше. Как правило, междометие *Huh* стоит в конце предложения. Вышесказанное подтверждает умозаключение Е. Н. Малюги о том, что «в подавляющем большинстве случаев в американской мужской речи происходит замена краткого расчлененного вопроса различными междометиями (*huh, OK, hey, eh* и т. д.)» (Малюга, 2005, с. 37).

- Ross: You had a rough day, **huh?**

- Rachel: Yeah, just so weird seeing him like that, you know? I mean he is a doctor, you don't expect doctors to get sick! (Friends. Season 10. Episode 13)³¹

- Joey: Really? Think about it. Come on! You're a beautiful woman, smart, funny, we had a really good time, **huh?** If I had your number, why wouldn't I call you? (Friends. Season 10. Episode 7)³²

²⁹ Чендлер: Слушай, а когда она приедет, можно я представлю вас двоих в качестве «моей жены» и «женщины, которая ждет моего ребенка»? (Моника не в восторге от этой идеи.) Нет? Развод? («Друзья». Сезон 10. Эпизод 13)

³⁰ Рэйчел: (с грустным видом) Нет, я не хочу, чтобы он проснулся в одиночестве. Я поеду в больницу.

Росс: Что? Нет, нет. Погоди, послушай.

Рэйчел: Что? («Друзья». Сезон 10. Эпизод 13)

³¹ Росс: Тяжелый был день, да?

Рэйчел: Да, просто это так странно видеть его в таком состоянии. Ведь он врач. Почему-то кажется, врачи не должны болеть. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 13)

³² Джоуи: Да? Ну же, подумай сама. Ты красивая женщина, умная, веселая, мы прекрасно проводили время вместе, да ведь? Если бы у меня был твой номер, почему бы мне было не позвонить? («Друзья». Сезон 10. Эпизод 7)

Однако зарегистрированы и случаи обособленного употребления данного междометия:

- Rachel: I think I'm gonna take off. (pats Ross on his back, but he looks very surprised)
Ross: **Huh?** (Friends. Season 10. Episode 16)³³

По словам Е. С. Александровой и Н. А. Сытиной, высокая частотность употребления мужчинами реплик-вопросов и волеизъявлений обусловлена тем, что мужчины задают вопросы с целью получить нужную им информацию, направить диалог в нужное русло, занять доминирующую роль в разговоре (Александрова, Сытина, 2018, с. 50).

Наименее малочисленную группу составляют междометия в фатической функции, служащие для поддержания контакта во время беседы и свидетельствующие о том, что сообщение доставлено до адресата. Это такие междометия, как *Uh-huh* и *Uh-hm*:

- Phoebe (to Rachel): You doing ok?
Rachel: Well, I've been better.
Phoebe: **Uh-hmm.** (Friends. Season 10. Episode 16)³⁴

В речи американских женщин фатических междометий зарегистрировано в четыре раза больше, чем в речи мужчин. Использование реплик-реакций связано с коммуникативным самоконтролем, уровень которого в речи женщин ниже, тем самым женщинам свойственна демонстрация своей заинтересованности в разговоре, что способствует продолжению беседы.

Поскольку анализ проводился на материале американского варианта английского языка, то в блоке выборки содержится ряд междометий, имеющих соответствующую пометку (AmE) в словаре: *Boy, Gee, Man, Shoot* (Longman Exams Dictionary, 2007).

Интересным также представляется наличие у некоторых междометий диминутивных суффиксов *у* и *ie*: *Ouchy* (в речи Росса) и *Whoopsie* (в речи Фиби), каждое из которых зарегистрировано в единичном случае. Наличие этих суффиксов придает дополнительный смягчающий оттенок передаваемым эмоциям, свидетельствующий о том, что адресант чувствует неловкость и невольно извиняется за то, что совершил или сказал. Подобные случаи употребления междометий являются, скорее, окказиональными, поскольку в словарях подобные формы междометий не зафиксированы.

В ходе исследования наряду с амбивалентными междометиями (*Ah, God, Oh, Oh God, Oh my God, Ooh, Wow*) также выявлены полифункциональные междометия, которые в зависимости от осуществляемой ими роли

³³ Рэйчел: Ладно, мне нужно идти. (Похлопывает Росса по спине. Росс в недоумении.)
Росс: Что? И это все? («Друзья». Сезон 10. Эпизод 16)

³⁴ Фиби: Ну, как ты?
Рэйчел: Бывало и лучше.
Фиби: Ну да. («Друзья». Сезон 10. Эпизод 16)

способны выполнять разные функции. Так, анализ показал, что междометия *Huh* и *Whoa* участвуют в реализации как эмотивной, так и конативной функции.

Заключение / Conclusion

Таким образом, в результате исследования установлено, что в нашем эмпирическом материале все междометия в конативной (*Hey, Huh, Shh, Whoa*, кроме *Shoot*), фатической (*Uh-huh, Uh-hm*) и хезитационной (*Well, Uh, Uhm/Um, Er*) функциях идентичны по качественному составу в речи американских мужчин и женщин, следовательно, представляется возможным назвать их гендерно нейтральными. При этом к ним можно также отнести большую часть междометий в эмотивной функции (*Oh, Oh my God, Wow, Ah, Aw, Haha, Yay, Whoo, Oh God, God, My God, Ooh, Ow, Ouch(y), Man, Huh, Damn it*). Остальные междометия в эмотивной функции, зарегистрированные в речи американских мужчин и женщин по отдельности (в речи женщин: *Amen, God bless you, Goody, Oh my Gosh, Oh my goodness; Good God, Oh Gosh, Ooy, Geez, Oh my, Shit (Shoot), Whoopsie, Ugh, Eww*; в речи мужчин: *Heh, My God, Bravo, Man, Whoo-hoo; Argh, Gee, Hell, Duh, Gosh, Whoa, Boy, Man*), требуют дальнейшего изучения, так как их малочисленная репрезентативность в нашем материале не свидетельствует о том, что эти единицы вовсе не употребляются представителями противоположного пола в американской лингвокультуре.

Количественные же показатели подтверждают утверждения научного сообщества о том, что женщины более эмоциональны, чем мужчины. Для речи женщин характерна неосознанная вербализация разнополярных эмоций. При этом для обозначения одной и той же эмоции в некоторых случаях в речи американских женщин используется большее разнообразие междометий в эмотивной функции. В количественном плане в речи мужчин, принадлежащих к американскому сообществу, зарегистрировано меньшее число междометий в целом и в эмотивной функции в частности, поскольку мужчинам несвойственна гиперболизация при выражении чувств в процессе вербализации. Для мужчин более характерно выражение эмоций посредством паравербальных инструментов коммуникации, в связи с чем в речи американских мужчин зафиксировано заметно меньшее количество междометий в хезитационной и фатической функциях, чем в речи женщин. Превалирующее число междометий в речи мужчин зарегистрировано в конативной функции, отвечающей за проявление волеизъявления и регуляцию процесса коммуникации. Подобные различия в употреблении междометий зависят от особенностей эмоциональной сферы представителей американского лингвокультурного сообщества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харьковская, А. А. (2018). Feminism в эпоху глобализации: языковые и социокультурные аспекты. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко (Ред.). *Эволюция и трансформация дискурсов*, 150–158.
2. Кирилина, А. В. (2021). Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия. *Вопросы психолингвистики*, 3(49), 109–147. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147>
3. Баранова, К. М., & Афанасьева, О. В. (2021). Эвфемизация речи на современном этапе развития английского языка. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(41), 32–41. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2021.41.1.04>
4. Malyuga, E. N. (2011). Gender Factor in National Varieties of English. *International Journal of English Linguistics*, 1(1), 30–36.
5. Rahbar, B., Mahmoodi-Bakhtiari, B., & Karimi Khanlooi, G. (2012). The relationship between gender and speech interruption: A sociolinguistic study. *Journal of Language Related Research (Former Comparative Language and Literature Research)*, 3(4), 135–147. <http://lrr.modares.ac.ir/article-14-5431-en.html>.
6. Coates, J. (2014). *Women, men and language: A sociolinguistic account of gender differences in language*, Third Edition. Routledge, 264. <https://doi.org/10.4324/9781315835778>
7. Rustamov, D., Shakhbitdinova, S., Solijonov, S., Mattiyev, A., Begaliyev, S., & Fayziev, S. (2021). Research of peculiarities of speech of male and female on phonetic and lexical levels of language. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17(1), 421–430. <https://doi.org/10.52462/jlls.26>
8. Леонович, Л. М. (2015). Эволюция гендерных маркеров англоязычного драматургического дискурса в контексте национально-культурной специфики. *Наука и культура России*, 1, 245–247.
9. Ухова, Л. В. (2011). Гендерная маркированность рекламных текстов: к вопросу об эффективности коммуникации. *Вестник КГУ*, 5–6, 137–140. <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-markirovannost-reklamnyh-tekstov-k-voprosu-ob-effektivnosti-kommunikatsii>
10. Никитина, Ю. А. (2015). Замена гендерно маркированных имен существительных гендерно нейтральными в текстах англоязычных СМИ. *БГЖ*, 4(13), 37–39. <https://cyberleninka.ru/article/n/zamena-genderno-markirovannyh-imen-suschestvitelnyh-genderno-neutralnymi-v-tekstah-angloyazychnyh-smi>
11. Зиновьева, Е. С. (2017). Роль гендерно маркированных лексических единиц в конструировании маскулинности и феминности в дискурсе гендерно ориентированных глянцевого журналов (на материале английского и русского языков). *Univsum: филология и искусствоведение*, 2(46). <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-genderno-markirovannyh-leksicheskikh-edinit-v-konstruirovanii-maskulinnosti-i-feminnosti-v-diskurse-genderno-orientirovannyh>
12. Маллаева, З. М., & Рамазанова, З. М. (2018). Гендерно маркированные вокативы в дагестанских языках. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 5–2(83), 362–366. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.33>
13. Харьковская, А. А., & Вихляева, К. А. (2021). Гендерные маркеры комического в англоязычном драматургическом дискурсе. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко (Ред.). *Эволюция и трансформация дискурсов*, 110–119. Центр периодических изданий.

14. Боженко, Ю. С., Эм, Л. С., & Калиновская, Е. А. (2022). Языковые признаки гендерной нейтральности в английском и русском языках (на примере интернет-публикаций). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 5, 1543–1547. <https://doi.org/10.30853/phil20220260>
15. Television Sitcom. Friends. (2004). <https://puzzle-movies.com/friends-light>.
16. Сулейманова, О. А., Фомина, М. А., & Тивьяева, И. В. (2020). *Принципы и методы лингвистических исследований*. Языки Народов Мира.
17. Panina, N. V., & Amerkhanova, O. O. (2018). Interjections in the speech of British royal family members. *Training, Language and Culture*, 2(4), 84–96. <https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.4.6>
18. Friends Script. (2004). <http://www.livesinabox.com/friends/scripts.shtml>
19. Кравчук, Н. В. (2014). Эволюция междометной парадигмы в английском драматургическом дискурсе. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко (Ред.). *Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты* (325–332). Самарский государственный университет.
20. Кравчук, Н. В. (2015). Коммуникативная роль английских междометий в современных обучающих видеороликах: на материале видеокурса английского языка «Extr@ English». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11–2(53), 97–100. <https://www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/24.html>
21. Гетте, Е. Ю. (2010). Основные проблемы изучения гендерного коммуникативного поведения. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2, 34–37. <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2010/02/2010-02-09.pdf>
22. Малюга, Е. Н. (2005). Гендерные особенности речевого поведения в основных вариантах английского языка (на материале английских расчлененных вопросов). *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*, 7, 32–40. <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-rechevogo-povedeniya-v-osnovnyh-variantah-angliyskogo-yazyka-na-materiale-angliyskih-raschlenennyh-voprosov>
23. Александрова, Е. С., & Сытина, Н. А. (2018). Гендерные особенности актуализации речевых стратегий и тактик в диалогах с ожиданием ответной реплики инициатором диалога (на материале художественных произведений). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9–1(87), 49–52. <https://doi.org/10.30853/flnauki.2018-9-1.10>
24. *Longman Exams Dictionary*. (2007). Pearson Education Limited.

References

1. Kharkovskaya, A. A. (2018). Feminism and globalization: linguistic and socio-cultural aspects. S. I. Dubinin, V. D. Shevchenko (Ed.). *Evolyutsiya i transformatsiya diskursov*, 150–158. (In Russ.).
2. Kirilina, A. V. (2021). Gender and gender linguistics at the border of the third millennium. *Voprosy psikholingvistiki*, 3(49), 109–147. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-49-3-109-147> (In Russ.).
3. Baranova, K. M., & Afanasyeva, O. V. (2021). Speech euphemization at the modern level of the English language development. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(41), 32–41. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2021.41.1.04> (In Russ.).

4. Malyuga, E. N. (2011). Gender factor in national varieties of English. *International Journal of English Linguistics*, 1(1), 30–36. (In Russ.).
5. Rahbar, B., Mahmoodi-Bakhtiari, B., & Karimi Khanloo, G. (2012). The relationship between gender and speech interruption: A sociolinguistic study. *Journal of Language Related Research (Former Comparative Language and Literature Research)*, 3(4), 135–147. <http://lrr.modares.ac.ir/article-14-5431-en.html>
6. Coates, J. (2014). *Women, men and language: A sociolinguistic account of gender differences in language*, Third Edition. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315835778>
7. Rustamov, D., Shakhbitdinova, S., Solijonov, S., Mattiyev, A., Begaliyev, S., & Fayziev, S. (2021). Research of peculiarities of speech of male and female on phonetic and lexical levels of language. *Journal of Language and Linguistic Studies*, 17(1), 421–430. <https://doi.org/10.52462/jlls.26>
8. Leonovich, L. M. (2015). Evolution of gender markers in English dramatic discourse in the context of national and cultural specifics. *Nauka i kultura Rossii*, 1, 245–247. (In Russ.).
9. Ukhova, L. V. (2011). Gender marking of advertisements: on the question of effective communication. *Vestnik KGU*, 5–6, 137–140. <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-markirovannost-reklamnyh-tekstov-k-voprosu-ob-effektivnosti-kommunikatsii> (In Russ.).
10. Nikitina, Yu. A. (2015). The replacement of gender-marked nouns with gender-neutral nouns in the texts of English mass media. *BGZh*, 4(13), 37–39. <https://cyberleninka.ru/article/n/zamena-genderno-markirovannyh-imen-suschestvitelnyh-genderno-neytralnymi-v-tekstah-angloyazychnyh-smi> (In Russ.).
11. Zinovieva, E. S. (2017). The role of gender marked lexical units in the construction of masculinity and femininity in the discourse of gender oriented glossy magazines (on the material of the English and Russian languages). *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie*, 2(46). <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-genderno-markirovannyh-leksicheskikh-edinit-v-konstruirovanii-maskulinnosti-i-feminnosti-v-diskurse-genderno-orientirovannyh> (In Russ.).
12. Mallaeva, Z. M., & Ramazanova, Z. M. (2018). Gender-marked vocatives in Dagestani languages. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 5–2(83), 362–366. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-5-2.33> (In Russ.).
13. Kharkovskaya, A. A., & Vikhlyaeva, K. A. (2021). Gender markers of humour in English drama discourse. S. I. Dubinin, V. D. Shevchenko (Ed.). *Evolyuetsiya i transformatsiya diskursov*, 110–119. (In Russ.).
14. Bozhenko, Y. S., Em, L. S., & Kalinovskaya, E. A. (2022). Linguistic signs of gender neutrality in the English and Russian languages (by the example of the Internet publications). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 5, 1543–1547. <https://doi.org/10.30853/phil20220260> (In Russ.).
15. Television Sitcom. Friends. (2004). <https://puzzle-movies.com/friends-light>
16. Suleimanova, O. A., Fomina, M. A., & Tivyaeva, I. V. (2020). *Principles and methods of linguistic research*. Yaziki narodov mira. (In Russ.).
17. Panina, N. V., & Amerkhanova, O. O. (2018). Interjections in the speech of British royal family members. *Training, Language and Culture*, 2(4), 84–96. <https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.4.6>
18. Friends Script. (2004). <http://www.livesinbox.com/friends/scripts.shtml>
19. Kravchuk, N. V. (2014). Evolution of the interjection paradigm in English dramatic discourse. S. I. Dubinin, V. D. Shevchenko (Ed.). *Evolyuetsiya i transformatsiya diskursov*:

yazykovye, filologicheskie i socziokulturnye aspekty (325–332). Samara State University. (In Russ.).

20. Kravchuk, N. V. (2015). The communicative role of English interjections in modern educational videos: based on the video course of the English language «Extr@ English». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11–2(53), 97–100. <https://www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/24.html> (In Russ.).

21. Gette, E. J. (2010). The basic problems of studying of gender communicative behavior. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistsika*, 2, 34–37. <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2010/02/2010-02-09.pdf> (In Russ.).

22. Malyuga, E. N. (2005). Gender peculiarities of speech behaviour in main variants of English (English tag questions). *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*, 7, 32–40. <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-osobennosti-rechevogo-povedeniya-v-osnovnyh-variantah-angliyskogo-yazyka-na-materiale-angliyskih-raschlenennyh-voprosov> (In Russ.).

23. Aleksandrova, E. S., & Sytina, N. A. (2018). Gender peculiarities of speech strategies and tactics actualization in dialogues with response expectation by the dialogue initiator (by the material of literary works). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 9–1(87), 49–52. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.10> (In Russ.).

24. *Longman Exams Dictionary*. (2007). Pearson Education Limited.

Информация об авторе

Панина Наталья Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

Information about the author

Natalya V. Panina — PhD (Philology), associate professor of English Philology Department, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.111'373

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.07

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ
ТЕРМИНОВ ЦВЕТА НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО *RED*****Мичугина Светлана Викторовна**Московский городской педагогический университет,
Москва, РоссияMichuginaSV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1590-1966>

Аннотация. В статье впервые рассматривается семантическое содержание терминов цвета с позиции трансдисциплинарного подхода. Сложность природы цвета как объекта исследования предполагает обязательное привлечение к его рассмотрению целого ряда дисциплин со своими методами анализа. В рамках исследования представлена взаимосвязь таких научных парадигм знания, как физика, антропология, культурология, история, психология, литература и лингвистика. Только такое многогранное описание цвета позволяет выделить когнитивные основания порождения определенных значений терминов цвета как лингвистических единиц. На примере отдельных компонентов семантики термина *red* выстраивается доказательная база существования неразрывных когнитивных связей между концептуальным значением цвета *red* как определенной структуры знаний отдельной нелингвистической научной области и семантикой термина цвета *red* как языковой единицы, значения которой зафиксированы в различных лексикографических изданиях.

Ключевые слова: трансдисциплинарный подход, термины цвета, когнитивные основы семантики терминов цвета, психология восприятия цвета, лингвистика цвета.

Для цитирования: Мичугина, С. В. (2023). Трансдисциплинарный подход к изучению терминов цвета на примере английского *red*. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 87–95. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.07

Original article

UDC 811.111'373

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.07

**TRANSDISCIPLINARY APPROACH TO COLOUR TERM
STUDIES BASED ON ENGLISH *RED*****Svetlana V. Michugina**Moscow City University,
Moscow, RussiaMichuginaSV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1590-1966>

Abstract. The article is first to regard the problem of colour term studies from the transdisciplinary approach. The complexity of colour nature as an object of investigation demands

the necessity of including various sciences' research methods and their findings into its analysis. Within the taken research the deep interconnection of some scientific knowledge paradigms have been shown, namely, physics, anthropology, culture studies, history, psychology, literature, and linguistics. This versatile way of colour presentation is the only reasonable method which may offer a true cognitive basis of colour term meanings as language units. Some particular meanings of the colour term *red* are taken as the evidence for inseparable cognitive relations between the conceptual meaning of *red* as colour in different nonlinguistic knowledge structures and semantics of *red* as a language unit with its meanings registered in different lexicographic resources.

Keywords: transdisciplinary approach, colour terms, cognitive basis of colour term semantics, psychology of colour perception, colour linguistics.

For citation: Michugina, S. V. (2023). Transdisciplinary approach to colour term studies based on English *red*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 87–95. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.07

Введение / Introduction

Трансдисциплинарный подход, получивший особо широкое распространение в научных исследованиях за последнее десятилетие (Горбунова, 2017; Гутовская, 2021), дает уникальную возможность выделить универсальность семантического содержания терминов цвета в различных научных областях и установить его когнитивное основание в некоторых типах дискурса. Сложность природы цвета для полного и детального его изучения требует не только лингвистических данных (Сластникова, 2021), но и знания целого ряда фактов нелингвистических дисциплин, среди которых, прежде всего, следует обозначить: физику, позволяющую определить физическую природу цвета как результат преломления световой волны; биологию, раскрывающую особенности физиологии цветового восприятия и его механизмы; психологию, предоставляющую информацию о психологических особенностях реакции человека на определенные цветовые волны; живопись и колористику, устанавливающие свои закономерности использования цветовой гаммы и ее восприятия; культурологию и историю, позволяющие проследить развитие семантического содержания терминов цвета в определенной культурной парадигме в заданном временном отрезке; литературу, которая описывает все богатство цветовой палитры языковой картины мира. Безусловно, это не весь перечень дисциплин, предметом изучения которых является цвет. Однако суммарные результаты его изучения в нелингвистических парадигмах знания необходимо встраивать в лингвистическую систему значений терминов цвета в различных дискурсах. Только такое системное трансдисциплинарное рассмотрение семантики терминов цвета позволяет раскрывать смыслы, заложенные в глубинах когнитивных структур человеческого познания.

Методология исследования / Methodology

В настоящей статье ставится цель описать семантические универсалии, которые существуют в понимании терминов цвета с позиции трандисциплинарности, раскрывающей само существование таких универсалий и позволяющей прогнозировать лингвистическое значение термина в определенном типе дискурса.

Материалом исследования является семантическая структура языковой единицы *red*, зафиксированная в более 20 различных лексикографических изданиях, как академических толковых словарях, так и специальных профессиональных словарях определенных разделов науки. Анализу подвергаются лексикографические дефиниции прямого и переносного значения термина *red*, в словарных описаниях которого представлены концептуальные составляющие, непосредственно демонстрирующие смежные междисциплинарные области различных доменов. При исследовании лексикографических данных применялись общенаучные методы описания, анализа, обобщения, методы семантического и концептуального анализа в целом, а также на основе теории прототипов.

В статье также используются результаты сплошной выборки из трех лексикографических изданий и литературных произведений англоязычных авторов общим объемом более 6000 страниц, что позволило составить корпус из 80 единиц цветоименований, входящих в категорию *red*.

Результаты и дискуссия / Results and discussion

Исследуя сложную природу цвета, прежде всего, необходимо учитывать физические данные, а точнее, оптическую теорию И. Ньютона, в рамках которой цвет — это сложная световая волна, которая, преломляясь, делится на волны нескольких оттенков цвета. Понимание цвета как световой волны находим и в лингвистическом описании термина *red* в толковом словаре: «Red is also the *color of light* with longest ways that humans can see»¹ (курсив наш. — С. М.) (Oxford, 2022). Такое понимание природы цвета позволяет объяснить наличие самого понятия цветового континуума, которое также описывается в лингвистике как одна из ведущих характеристик семантического содержания всех терминов цвета. Каждая категория отдельного цветового оттенка не имеет четких границ и обладает переходной межкатегориальной зоной. Так, согласно результатам лексикографической выборки категория *red* имеет три переходные зоны смежные с категориями *blue*, *orange* и *brown*. В состав каждой смежной зоны входят единицы, семантика которых содержит оба цвета. Однако результаты дискурсивной выборки свидетельствуют о наличии семи подобных межкатегориальных переходов с категориями *black*, *orange*, *yellow*, *brown*, *white*, *blue*, *purple*, хотя смежная

¹ Красный также цвет самой длинной световой волны, которую видит человек.

зона *red-black* представлена лишь одной единицей *red-and-black*. Самой многочисленной смежной зоной является межкатегориальное пространство *red-brown*, в состав которого входит 20 единиц (Мичугина, 2005, с. 173). В подтверждение волновой природы цвета и размытости границ категории следует уточнить, что существуют языки, где переходные зоны между отдельными оттенками цвета составляют одну единую категорию. В языке Zulu термин *grue* используется для обозначения категории зеленого и синего цветов. Носители этого языка при возникновении необходимости обозначить один из оттенков используют сравнительные конструкции *grue like x*, где *x* цвет объекта для сравнения. *Grue like the sky* будет соответствовать синей части спектра (Taylor, 1989, с. 13).

Каждая концептуальная составляющая значения термина цвета имеет определенное отношение к механизму зрительного восприятия цвета человеком. Универсалии зрительного восприятия в рамках антропологического подхода в лингвистике также имеют свои традиции в трактовке значений терминов цвета. Антропологический подход определяет сам вектор формирования концептуального значения языковой единицы (Герасимова, 2011). Выделяя определенные прототипические объекты окружающего мира, человек идентифицирует и само значение цвета. Традиционно прототипическими объектами для дефиниции термина *red* служат такие референты, как огонь и кровь, согласно анализу лексикографических данных (Мичугина, 2014). Подобное лексикографическое описание получает сам термин в толковом словаре: *having the color of blood or fire*² (Oxford, 2022). Аналогичным образом строится и лексикографическое описание любого термина цвета, где обязательно будет присутствовать модель сравнения цвета с неким эталоном, в качестве которого и выступает прототипический объект определенной картины мира (Гринев, 1990). Для различных культур прототипом красного цвета, помимо вышеупомянутых, может быть и драгоценный камень рубин (Merriam-Webster, 2022).

С выделением цветовой характеристики объекта как его отдельного стабильного признака происходит перегруппировка состава категории цвета на сам цвет как таковой и цвет как признак. В результате мы имеем две лингвистические категории: категорию прилагательных цвета и категорию существительных цвета, что также фиксируется в лексикографических изданиях, где *red* может иметь помету *adj.* или *n.* Механизмы восприятия цвета действительно не позволяют нам физически наблюдать цвет независимо от обладающего им объекта или предмета. Однако именно в процессе мысленного отвлечения признака происходит формирование новой категории признака. Процесс создания категории признака заключается в вычленении ее из предметной категории. Другими словами, категории развиваются из уже сложившихся в языке категорий. Каждое категориальное изменение осуществляется с опорой на один из обязательных признаков, включенный в состав самой категории, т. е. происходит расчленение целостности на ее составляющие. В процессе

² имеющий цвет крови или пламени (здесь и далее перевод наш. — С. М.).

визуального восприятия какого-либо предмета первичная категоризация заключается в формировании и группировке ощущений из разных ментальных сущностей в единый гештальт, а также в определении идентичности полученных гештальтов по некоторым показателям. Признак становится таким показателем, который позволяет определить сам предмет или явление, т. е. он становится его когнитивным маркером. Процесс определения качества объекта и объекта через его качество является взаимообратным. В жизни мы легко устанавливаем цвета предметов и, наоборот, определяем сам предмет по его цветовым признакам, иногда восстанавливая целые ситуации или явления, которым свойственны данные цвета. Так, в семантической структуре термина *red* зафиксирован результат такого когнитивного перехода в виде значения *red* как красного вина: *red wine*. e.g. *Would you prefer red or white?*³ (Oxford, 2022).

Немаловажную роль в изучении и анализе семантики терминов цвета играют сложные процессы, происходящие в мировой истории и культуре. Культурологическая составляющая значения терминов цвета позволяет устанавливать связи между древними традициями определенных народов и языковыми структурами знаний. Красный в китайской традиции будет всегда ассоциироваться с богатством и достатком, в русскоязычной культуре красный — красивый, праздничный, нарядный. В советский период красный цвет обладал особыми ассоциативными связями с революционными процессами, происходившими в стране, и символизировал все лучшее, вызывающее чувство гордости. В области высшего и среднего образования дипломы с отличием издавались в обложках красного цвета, за что они и получили название «красные». В английском языке в семантической структуре термина *red* фиксируются значения, которые скорее связаны с социально-политической жизнью Соединенных Штатов Америки: *red* — (*of an area in the US*) *having more people who vote for the Republican candidate than the Democratic one*⁴ (Oxford, 2022). Те штаты, где преобладают голоса за кандидатов от республиканской партии, традиционно раскрашены в красный цвет на карте предвыборной кампании. В исторической традиции мировой культуры красный цвет ассоциируется с коммунистическим движением. В лексикографических источниках в семантической структуре термина *red* находим значение *communist or socialist*⁵ (Merriam-Webster, 2022) или *having very left-wing political opinions*⁶ (Oxford, 2022). В некоторых словарях фиксируется и метонимическое значение *of or relating to a communist country and especially to the former Soviet Union*⁷ (Merriam-Webster, 2022). Подобно тому как красный цвет в колористике отличается от розового по линии

³ красное вино. Вы предпочитаете красное или белое (вино)?

⁴ красный — (о районе в США) насчитывающий большее количество людей, голосующих за кандидата от республиканцев, чем за кандидата от демократов

⁵ коммунист или социалист

⁶ имеющих очень левые политические взгляды

⁷ принадлежащий или относящийся к коммунистической стране или особенно к бывшему Советскому Союзу

насыщенности как одной из трех характеристик цвета наряду с тоном и насыщенностью, так же и в лингвистике словари фиксируют оппозицию *red – pink* как противопоставление *having very left-wing political opinions*⁸ и *having or showing slightly left-wing political views*⁹ (Oxford, 2022) по степени насыщенности левых взглядов у представителей этого политического лагеря.

Определяя круг дисциплин, которые имеют особое значение для понимания семантики терминов цвета, необходимо также учитывать результаты исследований психологии как науки, изучающей символику цвета, влияние цвета на различные когнитивные процессы (Фетисова, 2013). В когнитивной традиции практически невозможно разорвать связь между когнитивной психологией и когнитивной лингвистикой, так как психология восприятия, в нашем случае — цвета, объясняет возникновение и развитие целого ряда значений терминов цвета в языке. Большинство метафоричных вторичных значений находят свое объяснение при использовании результатов психологических экспериментов, связанных с цветом. Составляются целые списки ассоциативных реакций человека при восприятии того или иного оттенка. Красный цвет, в отличие от некоторых других, даже выстраивает оппозицию ассоциативных значений. Положительными среди них являются группировки *excitement and energy; passion and desire; power*, а отрицательными — *danger and warning, aggression, dominance* (Cherry, 2020). В семантической структуре слова в толковом словаре находим созвучные значения с положительными ассоциациями *red – ruddy, florid // a healthy child with red cheeks*¹⁰ (Merriam-Webster, 2022), зафиксированы и значения, связанные с отрицательными коннотациями: *flushed especially with anger and embarrassment // Her red face made clear that his remark was cruel*¹¹ (Merriam-Webster, 2022).

Метафорические ассоциативные значения являются особым предметом изучения и в литературе. Описанию подвергаются как отдельные цвета, которые используют авторы произведения, так и категория цвета в целом. В основе лингвистических символических значений также реализуются знания психологии восприятия того или иного цвета, его ассоциативного ряда и символики как в мировой культуре и истории, так и в традициях отдельной страны. В литературе, как и в психологии, красный является доминантным цветом, который имеет возбуждающий и стимулирующий эффект. В зависимости от своего замысла писатели обращаются к нему для того, чтобы вызвать позитивные и негативные эмоции у читателя. К ним обычно относятся страсть, возбуждение, агрессия. Красный как цвет огня и крови может символизировать энергию, опасность, силу, решительность, страсть и любовь (Olesen, 2013). Красный часто применяется для создания портретной характеристики

⁸ имеющий **очень** левые политические взгляды (здесь и далее выделено нами. — С. М.).

⁹ имеющий или демонстрирующий **слегка** левые политические взгляды

¹⁰ красный — румяный, цветущий // здоровый ребенок с румяными щеками

¹¹ покрасневшийся особенно от злости или смущения // Ее покрасневшее лицо ясно давало понять, что его замечание было жестоким.

отрицательных героев: *The devil with its fiery eyes emerged from the dark pit, its evil eyes and terrifying red horns enough to scare the living lights of the viewer*¹² (Olesen, 2013). Безусловно, в литературных произведениях встречаются не только символические, но и прямые значения, входящие в семантическую структуру термина *red*, равно как и всех остальных терминов цвета.

Заключение / Conclusion

Проведенный анализ семантической структуры термина *red* показал наличие трансдисциплинарных универсалий по линии понимания световой природы цвета, представления категории цвета как континуума с межкатегориальными переходами, что отражено в лексикографическом описании и подтверждается дискурсивными данными. Концептуальное единство вторичных языковых значений термина *red*, основанных на универсальности осмысления физического и психологического восприятия красного цвета, также отражено в словарных дефинициях и демонстрирует междисциплинарные связи между целым рядом наук и лингвистикой. Трансдисциплинарный подход не только позволяет констатировать наличие определенных значений в семантической структуре языковой единицы, но и объясняет причины существования таких значений. В целом анализ семантики терминов цвета способствует построению универсальных векторов анализа, которые формируют новый научный подход к изучению языковых единиц вообще и их семантики в частности (Сулейманова, 2018). Эти универсальные векторы собирают разрозненные структуры знания, как будто проникая сквозь границы совершенно, как казалось, несмежных дисциплин, и позволяют дать когнитивные основания понимания сложившейся семантической структуры, зафиксированной в языке.

Трансдисциплинарный подход к изучению любой единицы языка способствует созданию системной научной картины мира, отдельные фрагменты которой складываются в один понятийный гештальт. Трансдисциплинарность выстраивает такую парадигму научного исследования, которая выходит за границы отдельных дисциплин или наук, что в итоге позволяет преодолеть существующую обособленность научных структур знания и прийти к построению интегрирующего содержательного смыслового единства систем и научных лингвистических универсалий.

Список источников

1. Герасимова, С. А. (2011). Антропоцентрический подход к языку. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(8), 96–100.

¹² Дьявол с горящими глазами появился из темноты, было достаточно увидеть его злобные глаза и ужасающие красные рога, чтобы испугать все живое в наблюдающем за ним человеке.

2. Горбунова, Н. Н. (2017). К вопросу об изучении трансдисциплинарности некоторых терминосистем. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 5, 20–39.
3. Гринева, С. В. (1990). *Основы лексикографического описания терминосистем* [Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва].
4. *Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации*. (2021). Тез. докл. Междунар. науч. конф., приуроч. к 90-летию со дня рождения проф. В. Н. Телия и 100-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–24 окт. 2021 г. Белорус. гос. ун-т, Ин-т языкознания РАН, Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.
5. *Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе: коллективная монография*. (2018). Флинта.
6. Мичугина, С. В. (2005). *Денотативное пространство прилагательных цвета в английском языке* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва].
7. Мичугина, С. В. (2014). Когнитивное варьирование при формировании категории цвета и ее прототипов. *Когнитивные исследования языка*, 19, 294–302.
8. Сланикина, Т. В., & Черкашина, Е. И. (2021). *Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. Языки Народов Мира*.
9. Фетисова, А. А. (2013). Все цвета радуги, или Влияние цвета на усвоение иноязычного материала. *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 3, 170–175.
10. *Oxford Learner's Dictionaries*. (2022). Oxford University Press. https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/red_1?q=red
11. Johnson, M. L. (2004). *Old English*. The portal to the language of the Anglo-Saxons. <https://old-engli.sh/dictionary.php>
12. Cherry, K. (2020). The color psychology of red. *Cognitive Psychology*. <https://www.verywellmind.com/the-color-psychology-of-red-2795821>
13. Braam, H. van. (2021). *Meaning of Red: Psychology, Symbolism & Red Personality Type*. <https://www.colorpsychology.org/red/>
14. Taylor, J. R. (1989). *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. Clarendon Press.
15. *Merriam-Webster Dictionary*. (2022). Merriam-Webster, Incorporated. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/red>
16. Olesen, J. (2013). *Color Symbolism in Literature: What Do Colors Mean in Literature and Poetry?* — Color Meanings. <https://www.color-meanings.com/color-symbolism-in-literature-what-do-colors-mean-in-literature-and-poetry/>
17. IDM. *The Cambridge Learner's Dictionary*. (2021). Cambridge University Press. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/red>
18. *Академик*. Онлайн-ресурс словарей. <https://translate.academic.ru/red/en/ru/>

References

1. Gerasimova, S. A. (2011). Anthropocentric approach to language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(8), 96–100. (In Russ.).
2. Gorbunova, N. N. (2017). To the question of studying transdisciplinary of some term systems. *Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 5, 20–39.
3. Grineva, S. V. (1990). *Fundamentals of Term System Lexicographical Description* [Dissertation of the Doctor of Philology: 10.02.04. Moscow]. (In Russ.).

4. *Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations: thesis of international scientific conference.* (2021). Belarus State Uni. (In Russ.).
5. *Methodology of Modern Semantic Research in development and perspective: collective monograph.* (2018). Flinta. (In Russ.).
6. Michugina, S. V. (2005). *Denotative Field of Colour Adjectives in English* [Dissertation for PhD (Philology): 10.02.04. Moscow]. (In Russ.).
7. Michugina, S. V. (2014). Cognitive Variation in Colour Categorization and its Prototypes. *Cognitive studies of language. Series, 19*, 294–302. (In Russ.).
8. Slastnikova, T. V., & Cherkashina, E. I. (2021) *Colour and colour names in linguistic research.* Languages of Peoples in the World. (In Russ.).
9. Fetisova, A. A. (2013). All rainbow colours, or The colour influence on studying foreign language. *Vestnik of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, 3*, 170–175. (In Russ.).
10. *Oxford Learner's Dictionaries.* (2022). Oxford University Press. https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/red_1?q=red
11. Johnson, M. L. (2004). *Old English.* The portal to the language of the Anglo-Saxons. <https://old-engli.sh/dictionary.php>
12. Cherry, K. (2020). *The color psychology of red.* Cognitive Psychology. <https://www.verywellmind.com/the-color-psychology-of-red-2795821>.
13. Braam, H. van. (2021). *Meaning of Red: Psychology, Symbolism & Red Personality Type.* <https://www.colorpsychology.org/red/>
14. Taylor, J. R. (1989). *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory.* Clarendon Press.
15. *Merriam-Webster Dictionary.* (2022). Merriam-Webster, Incorporated. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/red>
16. Olesen, J. (2013). *Color Symbolism in Literature: What Do Colors Mean in Literature and Poetry?* — Color Meanings. <https://www.color-meanings.com/color-symbolism-in-literature-what-do-colors-mean-in-literature-and-poetry/>
17. IDM. *The Cambridge Learner's Dictionary.* (2021). Cambridge University Press. <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/red>
18. *Academic.* On-line dictionary resource. <https://translate.academic.ru/red/en/ru/>

Информация об авторе

Мичугина Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Svetlana V. Michugina — PhD (Philology), docent, associate professor of the Department of methods of teaching English and business communication, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КАК ФАКТОР ПАРАТОПИИ РЕФЛЕКСИВНОГО ДИСКУРСА

Райскина Валерия Александровна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

rayskinav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации семиотических элементов как конструкторов ренессансного рефлексивного дискурса. Актуальность проведенного исследования связана с необходимостью комплексного анализа форм конструирования рефлексивного дискурса, который представляет собой средство реализации когнитивной деятельности с учетом культурного универсума и аксиологической системы субъекта. Исследование соотносится с актуальными представлениями о дискурсивной, когнитивной и аксиологической доминантах языковых практик. В связи с этим целью данной статьи стало выявление функций особых, культурно и исторически обусловленных, языковых знаков — рукописных цитат на потолочных балках библиотеки ренессансного философа Мишеля Монтеня. Ведущим **методом** в исследовании данного объекта являлся метод концептуально-аксиологического анализа, который позволил описать когнитивно-коммуникативный опыт философа с опорой на рекуррентные концептуальные и ценностные единства рефлексивного дискурса. В статье обоснован подход к изучаемым семиотическим элементам как к диахроническим прецедентным текстам, которые играют в топосе личной библиотеки ключевую роль конструирования рефлексивного дискурса философа и трансляции его ценностной картины мира. Материал исследования включал 64 рукописные цитаты на латинском и греческом языках, представленные в филактерах на потолочных балках библиотеки М. Монтеня.

© Райскина В. А., 2023

Данные материалы позволяют сделать вывод о том, что лаконичность и лапидарность характеризуют прецедентные тексты на балках в связи с тем, что микротекст служит мнемическим знаком. Обосновано, что текстовый след М. Монтеня следует считать центром конструирования рефлексивного дискурса Возрождения. В результате анализа семиотических знаков-цитат раскрыто тематическое и оценочное содержание прецедентных текстов на балках: описаны концептосферы *мудрость, знание, жизнь, смерть, Бог, человек*. Выявлены ключевые аксиологические категории монтеневского дискурса: *отречение от суждения, умеренность, самодостаточность, принятие естественного хода событий, антропоцентризм*. Разработанная модель анализа рефлексивного дискурса способствует дополнению исследований в рамках дискурсивно-когнитивной парадигмы и может быть экстраполирована на изучение концептуальных и ценностных элементов картины мира других исторических личностей.

Ключевые слова: оценка, лингвоаксиология, рефлексивный дискурс, паратопия, прецедентное высказывание, интертекстуальность, Мишель Монтень.

Для цитирования: Райскина, В. А. (2023). Семиотические элементы как фактор паратопии рефлексивного дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 96–110. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08

Original article

UDC 81-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08

SEMIOTIC ELEMENTS AS A PARATOPY FACTOR IN REFLEXIVE DISCOURSE

Valeriya A. Rayskina

Moscow City University,
Moscow, Russia

rayskinav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0610-6458>

Abstract. The paper presents the study of semiotic elements seen as constituents of the Renaissance reflexive discourse. The relevance of the research relates to the necessity of a complex analysis of the reflexive discourse construction. This type of discourse is defined as a means to verbalize someone's cognition including cultural and axiological subjective systems. The study correlates with up-to-date conceptions of discursive, cognitive, and axiological bases of language practices. In this regard, the aim is to identify functions of specific linguistic signs — handwritten quotations left by Michel Montaigne on his private library joists. The leading research method is the conceptual-axiological analysis that allows to rebuild cognitive and communicative experience of the philosopher on the basis of recurrent concepts and values presented in his reflexive discourse. The author justifies that semiotic elements are diachronic precedent texts, that represent the library's topos and play a key role in constructing reflexive discourse as well as in translating values. The material of the study includes 64 Latin and Greek handwritings, left on Montaigne's library joists. It is substantiated that conciseness and lapidarity emerge as categories

of precedent texts on joists because microtexts serve as mnemonic signs. Montaigne's text trace is crucial for the Renaissance reflexive discourse. As the result of conceptual-axiological analysis of semiotic signs the author reveals core concepts and values of precedent texts: *wisdom, knowledge, life, death, God, human*. Major axiological categories of Montaigne's discourse are *renunciation of judgment, moderation, self-sufficiency, natural course of events, anthropocentrism*. The developed model of reflexive discourse's analysis contributes to discursive-cognitive studies and may be extrapolated on exploring other historical persons as well as conceptual and axiological elements building up their worldviews.

Keywords: evaluation, linguaxiology, reflexive discourse, paratopy factor, precedent text, intertext, Michel Montaigne.

For citation: Rayskina, V. A. (2023). Semiotic elements as a paratopy factor in the reflexive discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 96–110. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.08

Введение

Феномен рефлексующего субъекта речевой деятельности соотносится с актуальными представлениями дискурсивной и когнитивной лингвистики об установках человека говорящего, которые состоят в реализации и вербализации познавательной деятельности посредством языковых практик. Рассматривая речевую деятельность с позиции ее рефлексивно-дискурсивной доминанты, подчеркнем взаимосвязь языка и культуры через познание (рефлексию), которое реализует функции осмысления, медиации, оценки, внутреннего монолога (*речь для себя*, по Л. С. Выготскому). Понятия *дискурс* и *рефлексия* неразделимы в силу того, что когнитивный процесс связан с речепроизводством, результатом которого является порожденный текст (Сулейманова, Фомина и Тивьяева, 2020, с. 47).

Предпринятое исследование особенностей ренессансного рефлексивного дискурса Мишеля Монтеня направлено на изучение конструирующих фактор паратопии семиотических знаков, которые представляют собой рукописные цитаты из античных и христианских произведений, оставленные философом при жизни на потолочных балках собственной библиотеки. Концептуально-аксиологический анализ оригинальных надписей, представляющих прецедентные тексты, позволяет очертить круг моделирующих картину мира элементов, проследить когнитивно-коммуникативный опыт ренессансного философа и реконструировать субъективную аксиологическую систему.

Методология и материал исследования

Рефлексия является комплексным вопросом изучения в областях философии, психологии, педагогики и лингвистики (Кудинова, 2015, с. 481). Диахронический вектор понимания данного термина (Лефевр, 2003) включает в себя

такие константы, как мышление, внутренняя деятельность, направленность на себя, оценка и опыт мышления, коммуникативный акт.

Диахрония обращения к понятию *рефлексия* берет свое начало в античной философии (Аристотель), а затем получает значительное развитие в рамках *философии* и *гносеологии* Нового времени и Просвещения (Р. Декарт, Д. Локк, Гегель, Э. Кант), а также в рамках отечественной *философии* и *теории познания* (А. П. Огурцов, В. Г. Богин). Рефлексивный дискурс является ключевым термином в отечественных исследованиях в области *лингводидактики* и *межкультурной коммуникации* (Т. В. Морозкина, Э. Н. Маллямова, Я. Русинякова, Э. В. Суслова, Н. А. Кудинова, К. А. Врыганова); *лингвистической семантики* (А. В. Канафьева, С. Н. Бредихин); *дискурсивной* и *когнитивной лингвистики* (Т. В. Морозкина, Н. Н. Герасимов).

Если *рефлексия* — это высшая когнитивная способность, то *рефлексивный дискурс* следует определить как речевой акт (внутренний или вербализованный), необходимый для реализации когнитивной деятельности. *Рефлексивное Я* выступает субъектом, порождающим текст, являющийся результатом длительной когнитивной деятельности в совокупности с экстралингвистическими условиями построения культурного универсума и аксиологической системы субъекта. В условиях рефлексивного акта субъект конструирует «собственную коммуникативную программу», порождая внутреннего собеседника, активизируя процессы сознания, интерпретации и оценивания результатов когнитивной деятельности (Морозкина, Врыганова, 2017, с. 89).

В связи с этим рефлексивный дискурс транслирует индивидуальные способности проживания, познания и оценки импульсов окружающей действительности. В концепции когнитивной деятельности человека рефлексивный акт представляет собой некоторую остановку сознания, необходимую для осознания, мыслеречевой обработки информации (Морозкина, 2014, с. 97). Представим модель рефлексивного дискурса: *рефлексивное Я* (субъект) > *рефлексия* (смыслопоисковая автокоммуникация) > *актуализация рефлексии* (текст). Исследования нехудожественных текстов, созданных литераторами, свидетельствуют о наличии коммуникативно-прагматических особенностей, а также указывают на проблему определения объекта и субъекта данного типа текстов (Дубнякова, Кашина, 2017, с. 42). Уточним, что текст в данной модели выступает в широком значении как стимул и как результат смыслопоискового общения. Содержащиеся в нем высказывания имеют рефлексивный, оценочный и самооценочный потенциал (Канафьева, 2020, с. 138–139). Таким образом, *рефлексивный дискурс* направлен на генерацию, трансформацию и оценивание смысловых конструктов (идей).

Специфичность ренессансного рефлексивного дискурса определяется, с одной стороны, возникновением феномена *дискурс* в эпоху Возрождения (Касавин, 2006, с. 3). С другой стороны, доминанцией в картине мира *нового человека* являлось «стремление объять необъятное благодаря синкретизму ренессансного мировоззрения» (Михайлова, 2017, с. 346); высшими ценностями были эрудиция, образование, философствование, размышление и познание. Центром

конструирования рефлексивного дискурса Возрождения является наследие автора «Опытов» (*Essais*), европейского писателя, философа, эрудита и политика Мишеля Монтеня (*Michel Eyquem de Montaigne*, 1533–1592), выступающего в роли креатора собственного и общекультурного универсума понимания картины мира и аксиологической системы эпохи. Обратим внимание на то, что феномены субъективного порядка невозможно отделить от их аксиологического основания (Vikulova et al., 2020, p. 169), выражающегося в оценочном потенциале используемых языковых средств.

Одним из ключевых элементов монтеневского рефлексивного дискурса является пространство личной библиотеки (*librairie*), которая играет роль когнитивного пространства авторской деятельности. Уникальность данного топоса состоит в том, что при жизни Монтень собственноручно увековечил цитаты из значимых для него трудов латинских и греческих авторов на потолочных балках личной библиотеки. Рефлексивный дискурс М. Монтеня, физически воплощенный в личной библиотеке, во всей полноте отражает ключевые категории дискурса, выделяемые современной лингвистикой: процессуальность, интерактивность, связь с реальностью (Дискурс..., 2018, с. 15). Реконструкция надписей методом ультрафиолетового излучения, предпринятая в рамках проекта *MonLoe (MONtaigne à L'Œuvre)*, позволила восстановить 64 надписи (MONLOE).

Круг чтения М. Монтеня находит отражение в пространстве библиотеки, наполненной прецедентными текстами: цитатами, афоризмами и максимами из Священного Писания и трудов античных философов в стихах и в прозе на латинском и греческом языках. Семиотические рукописные знаки пространственно разделены на восемь надписей, оформленных в филактеры (идеографические знаки-выноски), на двух несущих балках (*poutres maitresses*), а также на 56 изречений на поперечных балках в трех пролетах (*travées*).

Результаты исследования

Расположение рукописных семиотических элементов на поперечных и несущих потолочных балках свидетельствует об авторской прагматической установке: создать ориентирующие знаки для посетителей, запечатлеть человеческое знание, оформить лабораторию для «Опытов» (Legros, 2003). Подвижность и динамичность архитектуры семиотических элементов создается благодаря ориентации надписей: каждая вторая строка написана в противоположном направлении, что организует ощущение движения, «прогулки по мыслям и воспоминаниям» автора вместе с ним.

Семиотическая наполненность знаками ренессансной и античной культур свидетельствует о валидности рассмотрения монтеневской библиотеки как *паратопии* — «прагматически и социокультурно значимого коммуникативного пространства» (Maingueneau, 1993, p. 28). При этом учитывается «фактор паратопии» XVI в. (Михайлова, 2011, с. 112), так как библиотека выступает

открытым локальным небольшим пространством, значение которого раскрывается в полной мере непосредственно для его креатора и для адресата, стремящегося разделить его знания, оценки и взгляды (Борботько, Короленко, 2016, с. 98).

Библиотека как фактор паратопии выстраивает континуум рефлексивного дискурса. Прагматическая наполненность данного пространства формулируется М. Монтенем на входной церемониальной надписи. Философ описывает себя как уставшего от политической карьеры изгнанника, который отныне посвящает себя *libertas, tranquillitas, otium* (свобода, умиротворение, праздность). Оформление топоса библиотеки рукописными цитатами транслирует полиадресованность, культурную маркированность и диалогичность рефлексивного дискурса М. Монтеня (Викулова, 2012, с. 35), так как фактор паратопии реализует дискурсивную стратегию философа по созданию коммуникативного канала автор → адресат (Викулова, 2005, с. 12). Проявляется «социодискурсивная роль» автора, манифестирующая себя в создании условий направленности текста на потенциального адресата (Викулова, 2012, с. 65). Создается паратопическая ситуация (*la situation paratopique*), через которую автор определяет себя и конструирует элементы собственного рефлексивного дискурса (Jakubczuk, 2021, р. 38). Автор надписей на балках указывает на необходимость не только опираться на знания и суждения древних мыслителей, но и присвоить их себе, сделать собственными (книга I, глава XXV) — *nous prenons en garde les opinions et le sçavoir d'autrui, et puis c'est tout. Il les faut faire nostres*¹ (The Montaigne Project).

Литературные вкусы играли социально маркирующую роль, отражая общественное положение личности (Викулова, 2012, с. 270). В XVI в. отражением культурной интуиции писателя являлся круг чтения: состав личной библиотеки, оперирование выученными наизусть высказываниями и использование в разговорной речи любимых цитат и афоризмов на иностранных языках. Отметим, что в отношении собственной памяти автор «Опытов» высказывался критично (*la trahison de ma memoire et son default*²) и указывал на привычку завершать чтение книги заметкой (*notes, annotations*) с указанием даты чтения и общих суждений о книге и ее авторе (книга II, глава X) — *le temps auquel j'ay achevé de le lire et le jugement que j'en ay retiré en gros, afin que cela me represente au moins l'air et Idée generale que j'avois conceu de l'auteur en le lisant*³ (The Montaigne Project).

Следует отметить лаконичность (краткость и сжатость) и лапидарность (ясность и доходчивость) как категории прецедентных текстов, использованных для надписей на балках. Креатора рефлексии как дискурсивного образования

¹ Мы берем на хранение чужие мысли и знания, только и всего. Нужно, однако, сделать их собственными (здесь и далее перевод наш. — В. Р.).

² Память изменяет и имеет недостатки.

³ Дату, когда я закончил ее читать, и в общих чертах суждение, которое я о ней вынес, чтобы иметь возможность на основании этого по крайней мере припомнить общее представление, которое я составил себе о данном авторе, читая его.

следует отнести к «мыслительному» типу человека говорящего, поскольку в рамках когнитивной и речевой деятельности М. Монтень использовал прием *дробления* действительности (Черкашина, 2009, с. 82), создав в результате уникальный жанр *essai*, а также оставив фрагментированное знание прошлого. Малоформатный текст надписей обусловлен объективными причинами отсутствия большого пространства. В то же время краткий, сжатый стиль изложения в микротексте позволяет М. Монтеню наметить вектор собственной мысли, создать таким образом мнемические знаки, которые выступают инструментом вербализации памяти и ее процессов (Тивьяева, 2020, с. 304).

Цитаты на балках включают в себя от 2 до 17 языковых элементов, а средняя длина прецедентного микротекста составляет 8,2 языковых знака. Обращаясь к дискурсивной категории *интертекстуальности*, прецедентный текст следует определить как связующее звено «между значимостью языкового выражения и культурно-языковым опытом личности говорящего» (Чупрына, 2014, с. 71). Прецедентные тексты, становясь культураносными знаками, позволяют аккумулировать и транслировать знание прошлого, поскольку являются эффективным средством «раскрытия содержания концепта» (Чупрына, Баранова и Меркулова, 2018, с. 120).

Фактор паратопии ярко реализуется благодаря первой надписи на несущей балке, *встречающей* входящего в библиотеку: *ivdicio alternante (le jugement allant et venant)*. Данное изречение имеет значения *судить одно исходя из другого, уравновешивающее суждение, чередование суждения* и соотносится с монтеневской философской установкой об относительности знаний и о переменчивости мнений.

Примечательно, что шесть надписей на главных балках из восьми являются максимами греческого философа Секста Эмпирика (*Sextus Empiricus*, II в. н. э.), который разработал и уточнил скептическую доктрину, послужившую основой всей философской мысли М. Монтеня. Среди основных положений философа, нашедших прямое отражение в «Опытах», отметим идею о равной достоверности противоположных суждений, отказ от догматизма. Скептические идеи зафиксированы М. Монтенем на главных балках:

- воздержание от суждения и определения (*ακαταληπτω — je ne sais pas; ου καταλαμβανω — je ne conçois pas*);
- равнозначность противоположных взглядов (*ουδεν μαλλον — à égalité; αρρεπωσ — sans pencher*);
- необходимость эмпирического, т. е. опытного познания (*επεχω — j'attends; σκεπτομαι — j'examine*).

Представим результаты частотного анализа источников прецедентных текстов на поперечных балках (рис. 1).

Рефлексивный дискурс философа свидетельствует о том, что М. Монтень всегда прислушивался сквозь время к великим деятелям истории, которые были непостоянными и переменчивыми, как и сам философ (Gagnebin, 2009, p. 237). Наиболее цитируемым автором у М. Монтеня является византийский историк, издатель и писатель Стобей (*Stobée*, V в. н. э.), известный своей антологией

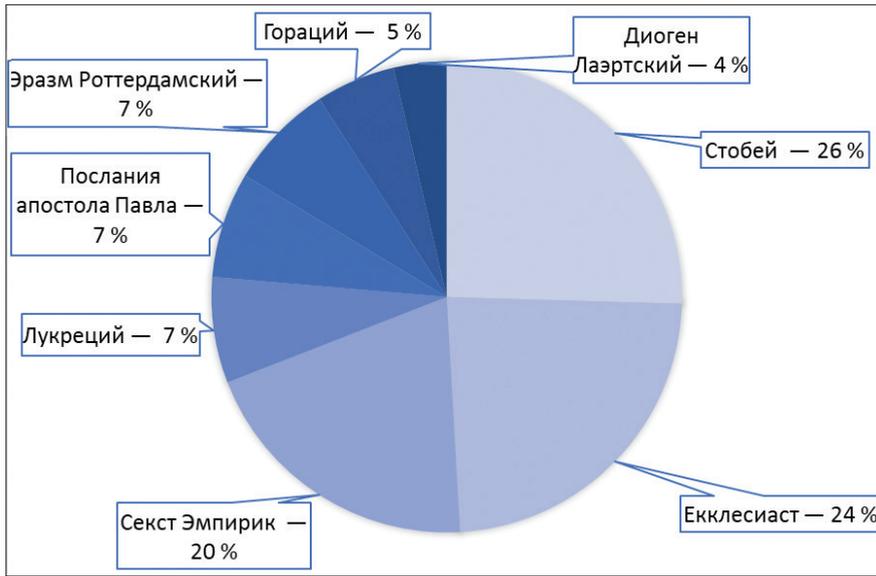

Рис. 1. Частотность авторов надписей на балках
 Fig. 1. Frequency of authors of joist writings

древнегреческих трудов. Таким образом, издания Стобея становятся для М. Монтеня вторичным текстом-источником античной философии. По Стобею писатель цитирует Менандра, Сократа, Эврипида, Софокла, Эпиктета и Геродота.

Ветхозаветная книга Екклесиаста также служит рекуррентным источником прецедентных текстов, конструирующих вневременную паратописческую ситуацию. Книга жизненной мудрости, по преданию, составленная библейским царем Соломоном, цитируется М. Монтенем в латинском варианте. Избранные философом прецедентные высказывания тематически группируются вокруг ядерных концептов: Бог (*deus*), человек (*homo*) и знание (*scientia, cognoscendi*). В отношении человеческого познания М. Монтень, будучи убежденным скептиком, принимает позицию, согласно которой данная Богом тяга к познанию обрекает человека на тревоги и переживания: *Cognoscendi stvdium homini dedit deus eius torqvendi gratia — Soif de savoir: donnée par dieu à l'homme pour le mettre sur le gri*⁴. Когнитивные способности человека ограничены, поэтому он не может приблизиться к истинному познанию внешнего мира: *Res omnes svnt difficiliiores qvam vt eas possit homo consequi — Toujours le réel par sa complexité dépasse les mots de l'homme*⁵; *Homini cognitvm qvam venti vestigvm — L'homme ne sait rien de plus que de l'empreinte du vent*⁶. Вместе с тем человек сравнивается с другими созданиями и приравняется к ним: *opera dei, dei operibus, earvm rervm quas deus tam mvltas fecit*⁷.

⁴ Жажда знания: она дана Богом человеку для того, чтобы испытать его.

⁵ Своей сложностью реальность всегда превосходит возможности человеческого языка.

⁶ Человек знает не более, чем дуновение ветра.

⁷ Все бесчисленные создания Божьи, большие и малые, едины по природе.

Ввиду того что доктрина Секста Эмпирика формирует монтеневскую философскую позицию, афоризмы его авторства записаны на балках как свод законов мышления и правил познания. Выполняя мненомическую и ориентирующую функции, высказывания греческого философа транслируют процесс становления, развития и укрепления взглядов М. Монтеня, которые основываются на ключевых положениях скептицизма и эмпиризма:

- *Ἐνδέχεται καὶ οὐκ ἐνδέχεται* — *C'est possible et ce n'est pas possible*⁸;
- *Ἀγαθὸν ἀγαστὸν* — *Le bon attire*⁹;
- *Πάντι λόγῳ λόγος ἴσος ἀντίκειται* — *Contre chaque argument un argument égal*¹⁰.

Предпринятый семантический анализ тематики прецедентных текстов на балках показал, что наибольшее количество цитат обращено к концептосфере *знание*, вербализуемой через лексемы именной (*la science, le savoir, sage, la vérité, le vrai*) и вербальной (*savoir; penser*) групп. Через высказывания других, выступающих медиатором философской рефлексии, М. Монтень формулирует положения гносеологии. Апеллируя к Екклесиасту, философ указывает на то, что вершиной человеческого знания является принятие естественного хода жизни:

- *Extrema homini scientia vt res svnt boni consvlere cætera secvrvm* — *Le sommet de la science humaine, c'est prendre les choses comme elles sont*¹¹.

Лингвистическая мысль М. Монтеня обращена к поиску семантического значения лексемы *savoir* (знание, знать). Продолжая размышление в духе скептицизма, абсолютная истина представляется недостижимой для человека в силу того, что слепой разум не может различить правды (*nec cæca potest mens cernere verum* — *aveugle il ne peut voir le vrai*¹²). Философ использует библейское прецедентное высказывание, которое представляет античную, христианскую и ренессансную точки зрения относительно невозможности постичь истину по причине того, что для человека недоступным является само понятие *знание*:

- *Si quis existimat se aliquid scire nondvm cognovit qvomodo oporteat illvd scire* — *Si quelqu'un estime savoir quelque chose, il ne sait pas encore quel est le sens du mot «savoir»*¹³.

Концепт *мудрость* представлен цитатами, наполненными негативными коннотациями. Например, мудрость сопоставляется с глупостью (*sapias | obstypescas*) и безумием (*sapientem | insipientes*). Три цитаты имеют синонимичное значение, которое следует свести к гносеологическому императиву М. Монтеня — «Не считай себя мудрым»:

- *Nolite esse prvdenles apvd vosmetipsos* — *Ne vous prenez pas vous-mêmes pour des sages*¹⁴;

⁸ Это возможно, и это невозможно.

⁹ Добро притягивает.

¹⁰ Каждому аргументу равное опровержение.

¹¹ Высшее достижение человеческой науки — это воспринимать вещи такими, какие они есть.

¹² Слепец не может увидеть истину.

¹³ Если кто-то полагает, что он что-то знает, то он не понимает самого значения слова «знание».

¹⁴ Не считайте себя мудрецами.

- *Ne plvs sapite qvam oportet sed sapite ad sobrietatem — Ne soyez pas plus sages qu'il ne faut, ne vous enivrez pas de sagesse*¹⁵;
- *Vae qvi sapientes estis in ocvlis vestris — Malheur à vous qui êtes sages à vos yeux*¹⁶.

Наряду с цитатами, которые оказали значительное влияние на философскую картину мира, М. Монтень наполнил библиотечный топос выражениями других, формулирующими его собственные правила жизни. Философская ретроспекция позволяет автору в XVI веке жить в соответствии с правилами Лукреция, Марциала, Горация. Начертанные изречения дают возможность современнику узнать личные жизненные, психологические и аксиологические установки философа эпохи Возрождения, среди которых представлены следующие ключевые идеи:

1. Все удовольствия и блаженства уже познаны:
  - *Nec nova vivendo procvditvr vlla volvptas — On a beau vivre, aucun plaisir ne naît qu'on ne connaisse déjà*¹⁷.

2. Жизнь и смерть неподвластны человеку, поэтому следует наслаждаться настоящим, ничего не боясь и не ожидая от будущего:

- *Svmmvm nec metvam diem nec optem — Ni craindre ni souhaiter mon dernier jour*¹⁸;
- *Frvere ivcvnde præsenti bvs cætera extra te — Jouis du présent, le reste est hors de toi*¹⁹.

3. Счастье заключается в абсолютной *автаркии* (*автаркеи* — автономность, самодостаточность, независимость и адаптивность). Важность репликации М. Монтенем древнегреческой субстантивной лексики определяется тем, что данные единицы сыграли определяющую роль в развитии античной онтологии и гносеологии (Янзина, Корнеев, 2015, с. 1034):

- *Αυταρκεια προσ πασιν ηδωνη δικαια — Parfaite autonomie: le plaisir véritable*²⁰;
- *Qvo me cvnqve rapit tempestas deferor hospes — Partout où m'emporte le vent, je me pose un moment*²¹.

4. Необходимо воздержаться от суждения и сохранять умеренность:

- *Servare modvm finemqve tenere — Garder mesure et observer limite*²²;
- *Ουδεν οριζω — Je ne décide rien*²³.

Важной составляющей паратопии является антропоцентрическая концепция М. Монтеня. Антропоцентрический фокус монтеневского дискурса

¹⁵ Не становитесь более мудрыми, чем необходимо, не опьяняйтесь мудростью.

¹⁶ Несчастен тот, кто считает себя мудрым.

¹⁷ Напрасно мы пытаемся жить, ведь нет такого удовольствия, которое мы бы уже не познали.

¹⁸ Ни бояться, ни ждать своего последнего дня.

¹⁹ Наслаждайся днем сегодняшним, остальное вне твоей власти.

²⁰ Абсолютная самостоятельность: настоящее блаженство.

²¹ Куда ни приведет меня ветер, везде я задержусь на мгновение.

²² Сохранять умеренность и видеть границы.

²³ Я ничего не решаю.

формируется гуманистической философией и антропологией, признающими человека основным предметом познания (Герасимова, 2011, с. 96). Человеко-ориентированность и субъективность восприятия являются опорными аксиологическими категориями рефлексивного дискурса философа. Вместе с этим репрезентация человека отмечена рекуррентностью пейоративных, отрицательных ценностных элементов характера и сущности. Используя древнегреческую и латинскую лексику, М. Монтень высвечивает и обличает людские пороки: *οἴησις* (тщеславие, самодовольство, высокомерие), *vanitas* (гордыня, самолюбие), *miserivus* (убогость, бедственность), *svperbivus* (гордыня, надменность), *pectora caeca* (душевная слепота, неразумность).

Рефлексия, направленная на определение сущности человека, сопровождается рядом стилистических фигур, которые позволяют выявить особенности его природы. Несколько цитат содержат метафорический перенос человек > божественное творение: *dei operibus, deus fecit*. Сравнения человека с тенью (*vmbræ*) и темнотой (*tenebris*) подчеркивают быстротечность, эфемерность жизни, а также несмышленность и возведенное в абсолют незнание. Важным для рефлексивного дискурса М. Монтеня является определение человека как союза тела и души: *anima conivngatvr corpori*.

Антропологическая доктрина М. Монтеня опирается, с одной стороны, на положение о том, что сущностной характеристикой человека служит многообразие, субъективность, разнообразие мнений и вкусов (*αλλοισιν μελει*). С другой стороны, все люди представляются Божественным творением наряду со всем живущим. В соответствии с этим любой человек обладает одинаковыми шансами (*fortvna*) и подчиняется общим законам природы (*lex*). Выражение Теренция *hvmani a me nihil alienvm pvto* (ничто человеческое мне не чуждо) представляет собой базовый элемент монтеневского субъективизма.

Некоторые цитаты на балках выступают также и интертекстовыми элементами *Essais*, служат инципитом или завершением к главам и формируют, таким образом, постоянное движение (*un va-et-vient*) монтеневской рефлексии (Legros, 2003). В частности, цитаты Лукреция и Горация на балках использованы в качестве интертекстуальных элементов в главе XII книги II *Essais*. Высказывание Теренция, запечатленное на балке в классической латинской форме, подвергается орфографической адаптации и грамматической редукции в главе II книги II: *homo svm hvmani a me nihil alienvm pvto* > *humani a se nihil alienum putet* (я человек, и ничто человеческое мне не чуждо). Прецедентное высказывание на балке Эразма выступает в роли эпилога в главе XLII книги I. Наконец, цитата из Плиния, представленная на потолочной балке, органически вводится в текст главы XIV книги II *Essais* через вводную конструкцию с оценочной коннотацией и также играет роль эпилога: *quelque argument pour secourir ce mot hardy de Pline* — некоторые замечания в пользу смелого утверждения Плиния.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного концептуально-аксиологического анализа семиотических знаков-цитат установлено, что они являются элементами, конструирующими подвижный рефлексивный дискурс ренессансного философа и писателя Мишеля Монтеня. Личная библиотека выступает как фактор паратопии, обрамляющий рефлексивный дискурс посредством семиотических знаков, которые представляют собой прецедентные тексты и культуросносные знаки. Потолочные цитаты позволяют философу не только сохранить для себя знания деятелей прошлого, но и сконструировать собственное рефлексивное Я.

Предпринятый семантический анализ тематики прецедентных текстов на балках показал, что наибольшее количество цитат обращено к концептосферам *мудрость, знание, жизнь, смерть, Бог, человек*. Значительную роль играют древнегреческие и библейские прецедентные высказывания, передающие процесс становления М. Монтеня как философа и речедеятеля. Наполнив библиотечный топос когнитивно обработанными высказываниями древних мыслителей, философ формулирует субъективные онтологические, психологические и аксиологические установки: *отречение от суждения, умеренность, самодостаточность, принятие естественного хода событий, антропоцентризм*.

Список источников

1. Сулейманова, О. А., Фомина, М. А., & Тивьяева, И. В. (2020). *Принципы и методы лингвистических исследований*. Языки Народов Мира.
2. Кудинова, Н. А. (2015). Рефлексивный дискурс как один из способов развития мышления. *Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков*. Н. М. Мекеко (Отв. ред.). РУДН, 478–486.
3. Лефевр, В. А. (2003). *Рефлексия*. Когито-Центр.
4. Морозкина, Т. В., & Врыганова, К. А. (2017). К вопросу о рефлексии в межкультурной коммуникации. *Право и образование*, 9, 86–91.
5. Морозкина, Т. В. (2014). От понимания текста к интерпретации в рефлексивно-дискурсивном измерении. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 8–2(38), 96–99.
6. Дубнякова, О. А., & Кашина, Т. А. (2017). Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника. *Вестник МГПУ. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(25), 42–49.
7. Канафьева, А. В. (2020). Структурно-семантическая организация риторических высказываний в речевом акте субъективного размышления. *Русский язык в славянской межкультурной коммуникации*: сб. науч. трудов. Диона, 137–143.
8. Касавин, И. Т. (2006). Дискурс и хаос. Проблема титулярного советника Голядкина. *Психология*, 1, 3–18.
9. Михайлова, Е. Н. (2017). Ренессансная система знаний о языке: от диалога культур к культуре диалога. *Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социо-гуманитарные ценности*. НЕОЛИТ, 345–367.

10. Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., & Rayskina, V. A. (2020). Retrospective semiometrics of the sign Valeur. *XLinguae*, 13(1), 169–183. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.01.13>
11. *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия*. (2018). О. А. Сулейманова (Отв. ред.). URSS: Ленанд.
12. *MONLOE: MONtaigne à L'Œuvre*. Programme ANR CORPUS 2012 (ANR-12-CORP-0003-01). <https://montaigne.univ-tours.fr/>
13. Legros, A. (2003). *Peintures et inscriptions chez Montaigne*. Klincksieck.
14. Михайлова, С. В. (2011). Литературный салон XVII века как фактор паратопии. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(7), 108–113.
15. Maingueneau, D. (1993). *Le contexte de l'oeuvre litteraire. Enonciation, ecrivain, societe*. Dunod.
16. Борботько, Л. А., & Короленко, О. И. (2016). Коммуникативная норма официального научного общения: торжественная речь в академическом дискурсе XVII–XVIII вв. *Научный вестник ВГАСУ. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, 3(31), 95–103.
17. Викулова, Л. Г. (2012). К проблеме культурной миграции французской литературной сказки XVII века: устное бытование — салонное развлечение. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*, 4, 34–39.
18. Викулова, Л. Г. (2005). Роль писателя в культурной миграции литературных жанров: литературная сказка XVII в. *Психосистематика в России и за рубежом (Памяти Л. М. Скрелиной)*: материалы Междунар. научн. конф. РГПУ, 10–12.
19. Викулова, Л. Г. (2012). Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель». *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2s(18), 63–69.
20. Jakubczuk, R. (2021). Étude retrotopique d'un texte théâtral. *Le cas de la dramaturgie de Wajdi Mouawad*, 37–47.
21. *The Montaigne Project*. <https://www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne>
22. Викулова, Л. Г. (2016). Французский литератор XVII века: энциклопедическая доминанция, лингвистическая компетенция, коммуникативное лидерство. *Древняя и Новая Романия*, 17, 266–278.
23. Черкашина, Е. И. (2009). Преподаватель иностранного языка в неязыковом вузе: особенности профессионального становления. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(4), 81–87.
24. Тивьяева, И. В. (2020). Структурная организация мнемического нарратива. *Сибирский филологический журнал*, 1, 303–315. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/70/24>
25. Чупрына, О. Г. (2014). Прецедентные явления в британской литературе о подростках (лингвокультурологический подход). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(15), 71–79.
26. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3(56), 120–125. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-3-120-125>
27. Gagnebin, C. (2009). La figure de Socrate dans les essais de Montaigne. *Revue de theologie et de philosophie*, 141, 237–242.
28. Янзина, Э. В., & Корнеев, О. В. (2015). К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 19, 1034–1050.

29. Герасимова, С. А. (2011). Антропоцентрический подход к языку. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(8), 96–100.

References

1. Sulejmanova, O. A., Fomina, M. A., & Tiv'jaeva, I. V. (2020). *Principles and methods of linguistic research*. Jazyki Narodov Mira. (In Russ.).
2. Kudinova, N. A. (2015). Reflexive discourse as a way of development of thinking. *Innovation and multi-competency in teaching and learning foreign languages*. N. M. Mekeko. (General eds.) RUDN, 478–486. (In Russ.).
3. Lefevr, V. A. (2003). *Reflexion*. Kogito-center. (In Russ.).
4. Morozkina, T. V. (2014). From text understanding to interpretation in reflexive-discursive dimension. *Philological sciences. Issues of theory and practice*, 8–2(38), 96–99. (In Russ.).
5. Morozkina, T. V., & Vryganova, K. A. (2014). To the question of reflection in intercultural communication. *Low and education*, 9, 86–91. (In Russ.).
6. Dubnyakova, O. A., & Kashina, T. A. (2017). Communicative and pragmatic particularities of personal diary. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(25), 42–49. (In Russ.).
7. Kanafeva, A. V. (2020). Structural and semantic organization of rhetorical statements in the speech act of subjective reflection. *Russian in Slavic Intercultural Communication: collection of scientific papers*. Diona, 137–143. (In Russ.).
8. Kasavin, I. T. (2006). Discourse and chaos: the problem of the titular councillor Golyadkin. *Psychology*, 1, 3–18. (In Russ.).
9. Mihajlova, E. N. (2017). Renaissance system of linguistic knowledge: from dialogue of cultures to culture of dialogue. *Dialogue of cultures. Culture of dialogue: human and new socio-humanistic values*. L. G. Vikulova, E. G. Tareva (General eds.) NEOLIT, 345–367. (In Russ.).
10. Vikulova, L. G., Tareva, E. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., & Rayskina, V. A. (2020). Retrospective semiometrics of the sign Valeur. *XLinguae*, 13(1), 169–183. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2020.13.01.13>
11. *Discourse as a universal matrix of verbal interaction*. (2018). O. A. Sulejmanova (General eds.) URSS: Lenand. (In Russ.).
12. *MONLOE: MONTaigne à L'Œuvre*. Programme ANR CORPUS 2012 (ANR-12-CORP-0003-01). <https://montaigne.univ-tours.fr/>
13. Legros, A. (2003). *Peintures et inscriptions chez Montaigne*. Klincksieck.
14. Mihajlova, S. V. (2011). The XVII century literature salon as a paratopie factor. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(7), 108–113. (In Russ.).
15. Maingueneau, D. (1993). Le contexte de l'oeuvre litteraire. *Enonciation, ecrivain, societe*. Dunod.
16. Borbotko, L. A., & Korolenko, O. I. (2016). Communicative norms of formal scientific communication: oration in the academic discourse of the XVII–XVIII centuries. *Scientific Newsletter Modern linguistic and methodical-and-didactic research*, 3(31), 95–103. (In Russ.).
17. Vikulova, L. G. (2012). The problem of cultural migration of the XVIIth century French literature fairy tale: from oral being to salon entertainment. *Bulletin of Krasnojarsk State Pedagogical University*, 4, 34–39. (In Russ.).
18. Vikulova, L. G. (2005). The role of the writer in the cultural migration of literary genres: a literary tale of the XVIIth century. *Psychosystematics in Russia and abroad (to the Memory of L. M. Skrelina)*. RSPU, 10–12. (In Russ.).

19. Vikulova, L. G. (2012). The publishing discourse in communication system «author – publisher – reader». *Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2s(18), 63–69. (In Russ.).
20. Jakubczuk, R. (2021). Étude retrotopique d'un texte théâtral. *Le cas de la dramaturgie de Wajdi Mouawad*, 37–47.
21. *The Montaigne Project*. <https://www.lib.uchicago.edu/efts/ARTFL/projects/montaigne>
22. Vikulova, L. G. (2016). The writer in the French society of the 17th century: encyclopedic domination, language competence, communicative leadership. *Ancient and Modern Romania*, 17, 266–278. (In Russ.).
23. Tcherkashina, Ye. I. (2009). The teacher of a foreign language in a non-philological university. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(4), 81–87. (In Russ.).
24. Tivyaeva, I. V. (2020). Structural organization of memory narrative. *Siberian Philological Journal*, 1, 303–315. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/70/24> (In Russ.).
25. Chupryna, O. G. (2014). Culture references in British teen books (linguocultural approach). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(15), 71–79. (In Russ.).
26. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merculova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Questions of cognitive linguistics*, 3(56), 120–125. DOI: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-3-120-125> (In Russ.).
27. Gagnebin, C. (2009). La figure de Socrate dans les essais de Montaigne. *Revue de théologie et de philosophie*, 141, 237–242.
28. Yanzina, E. V., & Korneev, O. V. (2015). Some comments on the role of grammar in creation of the language of ancient Greek philosophy. *Indo-European linguistics and classical philology*, 19, 1034–1050. (In Russ.).
29. Gerasimova, S. A. (2011). An anthropocentric approach to language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(8), 96–100. (In Russ.).

Информация об авторе

Валерия Александровна Райскина — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Valeriya A. Rayskina — PhD (Philology), Docent, Associate professor of Roman Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.581

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.09

ОБ ОБОЗНАЧЕНИИ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫХ ЧИСЕЛ В ВЭНЬЯНЕ

Банкова Людмила Львовна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

BankovaLL@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6021-0331>

Аннотация. Актуальность настоящего диахронического исследования обусловлена, во-первых, наличием одинаковых моделей обозначения приблизительных, дробных и кратных чисел в вэньяне; во-вторых, отличием их записи от современных способов; в-третьих, отсутствием работ, в которых бы исследовалось обозначение приблизительных чисел во всех периодах развития китайского языка. В статье рассматриваются два вида приблизительных числительных, посредством которых происходила вербализация приблизительных чисел в вэньяне. Первый из них представляет собой соположение количественных числительных (概数), а второй состоит из сочетания числительного и аппроксимативного показателя (约数). В исследовании прослеживается траектория развития и особенности выражения приблизительных чисел посредством указанных видов числительных в древнекитайском, среднекитайском и новокитайском периодах (согласно периодизации Ван Ли). Выявлено, что среди аппроксимативных показателей существуют как встречающиеся во всех периодах развития китайского языка, так и те, которые характерны для какого-либо одного конкретного периода. Также замечена семантическая обусловленность положения аппроксимативного показателя относительно числительного: при указании на недостаток количества, указываемого числительным, первый располагается в препозиции, а если речь идет о превышении количества — то в постпозиции. Кроме того, аппроксимативные показатели могут формировать логические пары. Что касается способа выражения приблизительности посредством соположения числительных, то в древнекитайском языке они могли быть расположены как от большего к меньшему, так и наоборот. В среднекитайском периоде типичным было нахождение на первом месте большего числа, а в новокитайском эта тенденция изменилась, и порядок соположения принял вид от меньшего к большему.

Ключевые слова: китайский язык, вэньянь, приблизительные числа.

Для цитирования: Банкова, Л. Л. (2023). Об обозначении приблизительных чисел в вэньяне. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 111–119. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.09

Original article

UDC 811.581

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.09

**DENOMINATING APPROXIMATE NUMBERS
IN CLASSICAL CHINESE (WENYAN)****Liudmila L. Bankova**Moscow City University,
Moscow, RussiaBankovaLL@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6021-0331>

Abstract. The study proves relevant due to three things: firstly, the fact that Wenyān uses identical models to denominate approximate, fractional and multiple numbers; secondly, the fact that the aforesaid models are different from the contemporary ones; thirdly, the fact that there is a gap in studying the denomination of approximate numbers throughout all stages of Chinese language historical development. The article considers two kinds of approximate numerals that used to verbalize approximate numbers in wenyān. Numerals of the first kind represent a set of cardinal numerals (概数), whereas the second group numerals include a numeral combined with an approximating marker (约数). The study tracks down the development pathway and how approximate numbers were denominated with the help of the abovementioned kinds of numerals throughout Ancient Chinese, Middle Chinese and Modern Chinese (as Wang Li's claims). It has been determined that among approximation markers there are some that may be observed at all stages of Chinese language historical development, others are typical of a certain period only. It has also been figured out that the position of the approximation marker regarding the numeral is semantically determined: when emphasizing the insufficient number stated by the numeral the marker is placed in the anteposition, if it points at an excess it is placed in the postposition. Moreover, approximation markers may form logical pairs. As to denominating the approximate nature by juxtaposing the numerals, Ancient Chinese featured numerals placed both in the ascending and descending manner. Middle Chinese in turn revealed the typical pattern with the descending one, however in Modern Chinese this tendency changed for the ascending one.

Keywords: the Chinese language, classical Chinese (Wenyān), approximate numbers.

For citation: Bankova, L. L. (2023). Denominating approximate numbers in Classical Chinese (Wenyān). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 111–119. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.09

Введение

В древнекитайском языке кратные, дробные и приблизительные числа могли обозначаться одинаково, затем в процессе развития математической мысли способы их обозначения диверсифицировались. В связи с этим фактом интерпретация текстов на вэньяне требует особой аккуратности. Кроме того, способы записи некоторых видов чисел (в том числе и объекта исследования настоящей работы — приблизительных числительных как языковой формы выражения приблизительных чисел) современного

китайского языка значительно отличаются от древнекитайских, поэтому их анализ и сравнение вносят вклад в изучение вэньяня и способствуют пониманию древних классических текстов. Вышесказанное делает настоящую работу актуальной на фоне неугасающего интереса к диахроническим и сравнительно-историческим исследованиям (Бирюкова, Попова, 2015; Чупрына, 2000).

Данное диахроническое исследование проводится в рамках периодизации, предложенной проф. Ван Ли, согласно которой развитие китайского языка условно делится на четыре периода: древнекитайский период (нижняя граница не определена — до III в. н. э.); среднекитайский период (IV–XII вв.); новокитайский период (XIII–XIX вв.); современный период (с начала XX в. по настоящее время) (Ван Ли, 1980, с. 35). В нашей работе внимание сфокусировано на первых трех периодах, в течение которых вэньянь был в повсеместном обиходе.

Что касается используемой в нашем исследовании терминологии, то в трудах китайских авторов встречаются несколько терминов, употребляемых для обозначения приблизительного числа (или числительного как формы его языковой репрезентации): 不定数 ‘неопределенное число’, 约量 ‘условная мера’, 大概的数目 ‘примерное, приблизительное число’, 概数 ‘приблизительное число’, 约数 ‘приблизительное число’. Данное терминологическое разнообразие влечет за собой номинативную путаницу, требующую разъяснения.

В действительности термин 不定数词 ‘неопределенное число’ является гиперонимом терминов 概数 ‘приблизительное число’ и 约数 ‘приблизительное число’. В свою очередь, термин 概数 ‘приблизительное число’ является сокращенным вариантом 大概的数目 ‘примерное, приблизительное число’. Термин 约数 Ма Цзяньцян определяет следующим образом: «Приблизительное число, как это видно из названия, как раз и указывает на приблизительную оценку количества, <...> однако охватываемая им область обычно является четко определенной» (Ма Цзяньцян, 2009). Что касается термина 约量 ‘условная мера’, то он, скорее, относится к сочетаниям числительного и счетного слова и его употребление неуместно применительно к приблизительному числу.

В итоге в работе мы будем оперировать такими обозначениями понятия «приблизительное число» в китайском языке, как 概数 ‘приблизительное число’ и 约数 ‘приблизительное число’. Разница между 概数 ‘приблизительное число’ и 约数 ‘приблизительное число’ заключается в том, что первые представляют собой результат соположения соседних в числовом ряду чисел (七八 ‘семь–восемь’), в то время как вторые состоят из числа и аппроксимативного показателя (约十 ‘около десяти’)¹.

Связанные с приблизительными числительными вопросы включены в общую языковую парадигму и в той или иной мере освещены в рамках трудов по общей грамматике древнекитайского языка или других периодов его развития. Первой книгой, в которой говорится о приблизительных

¹ Государственный стандарт КНР «GB/T 15835-1995 Положение об использовании цифр в печатных изданиях и публикациях» («GB/T 15835-1995 出版物上数字用法的规定»).

числительных, является «Объяснение правил письменного языка господина Ма» (《馬氏文通》) (Ма Цзяньцян, 2009). Также интересующей нас теме посвящены работы, описывающие непосредственно числительные в различные периоды развития китайского языка («Способы обозначения древних китайских числительных» 《古代汉语数词的表数方法》 Цзян Юйжун (Цзян Юйжун, 2001); «Практическое применение способов выражения цифр в вэньяне» 《数字表示法在文言中的应用》 У Чжэнчжи (У Чжэнчжи, 2009); «Предварительный анализ происхождения грамматики среднекитайского языка и ее исторической позиции» “*A Tentative Analysis of the Origin of Middle Chinese Grammar and Its Historical Position*” Лю Шичжэнь и Цзи Юнься (Liu Shizhen, Ji Yunxia, 2007); «Способы обозначения числительных в новокитайском языке» 《近代汉语数词表示法》 Тянь Ючэна и Цзэн Лупина (Тянь Ючэн, Цзэн Лупин, 2000)). Есть и труды, специально посвященные проблеме эволюции китайских приблизительных чисел (Ло Сяопин, 1996; Го Пань, 2001). Также в исследование заявленной проблематики вносят вклад работы, рассматривающие способы выражения приблизительных чисел в отдельных произведениях.

Настоящее исследование базируется на вышеперечисленных достижениях китайских лингвистов, однако отличается от них тем, что оба вида китайских приблизительных числительных (概数和约数) рассматриваются во всех выделяемых периодах вэньяня, что позволяет провести наблюдение за траекторией их эволюционного развития от древности до современности.

Ход исследования

В древнекитайском языке зафиксированы оба вида обозначения приблизительных чисел. Первый из них — 概数 — имеет следующую особенность: соположение чисел первого десятка происходит как от меньшего к большему, так и наоборот. Во всех остальных случаях порядок следования чисел в вариативной части числительного — от меньшего к большему. Проиллюстрируем вышесказанное примерами (здесь и далее источником примеров послужил Сбалансированный корпус китайского языка / 语料库在傳²):

淮南王有子四人，皆七八歲。《史記·淮南厲王傳》 У правителя княжества Хуайнань было четверо детей, всем по семь–восемь лет. «Шицзи»

且諸君獨以身從我，多者三兩人。《漢書·蕭何傳》 И благородные мужи следуют за мною, некоторые по одному, многие по два–три человека. «Ханьшу»

...不過十五六萬，<...>不過七八萬，<...>有二十三萬。《水經註疏》
...не превышает ста пятидесяти – ста шестидесяти, <...> не превышает семидесяти–восемидесяти, <...> имеется двести тридцать – двести сорок тысяч. «Комментарий к канону водных путей»

² www.cncorpus.org

Второй способ выражения приблизительного числа — *约数* — состоял в совместном употреблении с числительным аппроксимативного показателя. Последний, в свою очередь, по отношению к числительному мог находиться:

- **в препозиции:** 将 (將)³ ‘около, почти’, 几 (幾) ‘несколько, с чем-нибудь’, 近 ‘близкий к..., приблизительный’, 约 (幾) ‘приблизительно, около’, 可 ‘примерно’, 且 ‘почти, около’, 盖 (蓋) ‘примерно, около’. При этом слова 将 (將) ‘около, почти’, 几 (幾) ‘несколько, с чем-нибудь’, 且 ‘почти, около’ обозначали округленное, смежное число, а 可 ‘примерно’ — примерное число: 将五十 ‘около пятидесяти’, 且萬人 ‘почти десять тысяч человек’; 可百 ‘примерно сотня’ (Цзян Юйжун, 2001, с. 3; У Чжэнчжи, с. 41; Ван Минь, 2000, с. 8);

- **в постпозиции:** 许 (許) ‘более’, 所 ‘с лишним’, 余 (餘) ‘с лишним, более’, 数 (數) ‘несколько’, 多 ‘более’, 寡 ‘менее’, 厚 ‘более’ (У Чжэнчжи, с. 41; Чжан Шоуцзюнь, с. 80): 三百餘里 ‘три сотни с лишним ли’; 三千所兵 ‘солдат тысячи три’. При этом 余 (餘) являлся одним из наиболее распространенных аппроксимативных показателей. Иногда перед ним использовался 有 (有餘) с тем же значением (Дун Чжицяо, Ван Дун, 2002, с. 4): 小縣有市者卅有餘。《戰國縱橫家書》 Маленький уезд имел около тридцати городов. «Чжаньго цзунхэнцзя шу»

В среднекитайский период развития китайского языка происходит дальнейшее (и, по-нашему мнению, довольно интенсивное) развитие приблизительных числительных. Поэтому мы не согласны со словами Дун Чжицяо и Ван Дуна (董志翹, 王东) о том, что в обозначении приблизительных чисел не произошло кардинальных изменений (Дун Чжицяо, Ван Дун, 2002, с. 157).

Лю Шичжэнь и Цзи Юнься (Liu Shizhen, Ji Yunxia) пишут, что для обозначения приблизительного числа (*概数*) в среднекитайском языке появилось много новых форм, в том числе состоящих из соположенных числительных (например, 十八九 со значением ‘около десяти’). Также наблюдается модель с редупликацией (ААББ: 十五五 ‘около десяти’). При этом характерной чертой является нахождение на первом месте большего числа (Liu Shizhen, Ji Yunxia, 2007, с. 154).

Данная особенность среднекитайского периода раскрывается в статье Лю Сюпина «Краткое исследование происхождения и развития способа выражения приблизительного числа по принципу “Большое число превосходит маленькое”» (《“大数冠小数”约数表示方法源流略考》). Автор системно описывает примат большего числа над меньшим при обозначении приблизительных чисел. Он приводит несколько моделей, где А — числительное, выражающее большее число, а Б — меньшее (при этом X и Y — прочие слова): АБ (五三 ‘три-пять’), АХБХ (三年二年 ‘два-три года’), ААББ (三三两两 ‘два-три’), АХБУ (五申三令 ‘буков. пять докладов, три приказа’). И хотя способ выражения приблизительных чисел посредством соположения числительных встречается во всех периодах развития

³ Здесь и далее в скобках приводится традиционный вариант написания иероглифа, если таковой имеется.

китайского языка, но в период Шести династий, по утверждению Ло Сяопина, он используется особенно часто (Ло Сяопин, 1996, с. 49).

Для современного китайского языка, наоборот, характерны такие сочетания числительных, в которых первым идет то, которое обозначает меньшее число. Данное языковое явление хорошо поддается наблюдению на материале фразеологии современного китайского языка, где среди соответствующих чэньюев преобладает модель АХБУ (по Ло Сяопину) с сохранением исходного значения: 三令五申 ‘букв. три приказа, пять докладов’.

Помимо этого, в среднекитайский период развития языка пополнился ряд аппроксимативных показателей для образования приблизительных чисел (约数). Перед числительными располагаются 垂 ‘около’, 減 (減) ‘менее’, 向 ‘около, примерно’, а в постпозиции к ним находится 强 (強) ‘больше, с лишним’ (不到山東向一年 ‘Уж скоро год, как не был я в Шаньдуне’; 百分之二十強 ‘более двадцати процентов’).

В **новокитайский** период развития языка для обозначения приблизительно-го числа по-прежнему применяются два способа: соположение количественных числительных (概数) и употребление количественных числительных с аппроксимативными показателями (约数). В связи с тем, что в новокитайском языке соположение количественных числительных утратило функцию обозначения дробей и кратных чисел, исчезла двусмысленность трактовки приблизительных чисел вида 概数 (Тянь Ючэн, Цзэн Лупин, 2000, с. 100). Приведем примеры вербализации приблизительных чисел путем соположения числительных в новокитайский период, в которых показано, что соположение происходило не только по порядку (но обязательно с возрастающей тенденцией):

...大省不過十人。小省不過三四人。《清實錄順治朝實錄》 В большом приказе было не более десяти человек. А в маленьком — не более трех–четырех. «Правдивые записи о всех правителях династии Великая Цин. Правдивые записи о правителе Шуньчжи»

...脹而不痛。過三五日。《古今醫案按》... [живот] вспучился, но не болел. Прошло три–пять дней. «Комментарии к древним и современным историям болезни»

Из аппроксимативных показателей в новокитайском языке наблюдаются 余 (餘) ‘с лишним, более’, 许 (許) ‘более’, 可 ‘примерно’, 多 ‘более’, 超 ‘превышать, более’, 约 (約) ‘приблизительно, около’, 近 ‘близкий к..., приблизительный’, 远 (遠) ‘примерно’, 数 (數) ‘несколько’, (以)上 ‘более’, 早 ‘менее’, (以)下 ‘менее’, 少 ‘менее’, 逾 ‘более, превышать’, 大概 ‘приблизительно’, 越 ‘более, сверх’. Проиллюстрируем их употребление следующими примерами:

太醫，選舉三十以上... 《新元史》 В придворные лекари назначали после тридцати... «Новая история династии Юань»

今人登第，大概三四十歲... 《明儒學案》 Современные люди выдерживают экзамен примерно в возрасте трех–четырех десятков лет... «Отчет об обучении конфуцианцев эпохи Мин».

Выводы

Замечена взаимосвязь семантики аппроксимативного показателя и его дистрибуции. Тенденция такова, что если аппроксимативный показатель имеет значение недостатка количества, указываемого числительным, то он, как правило, находится относительно него в препозиции. Соответственно, аппроксимативный показатель со значением превышения количества расположен в постпозиции относительно числительного.

Во всех периодах развития китайского языка, начиная с древнего и вплоть до современного, неизменным являлось употребление таких аппроксимативных показателей, как 余 (餘) ‘с лишним, более’, 许 (許) ‘более’, 可 ‘примерно’, 多 ‘более’, 约 (約) ‘приблизительно, около’, 近 ‘близкий к..., приблизительный’. Помимо них, для каждого периода развития китайского языка характерно наличие своих особых аппроксимативных показателей, не встречающихся в других периодах. Например, в древнекитайском это 寡 ‘менее’ и 厚 ‘более’, в среднекитайском — 垂 ‘около’, 减 (減) ‘менее’, 向 ‘около, примерно’ и 强 (強) ‘больше, с лишним’, в новокитайском — 超 ‘превышать, более’, 远 (遠) ‘примерно, приблизительно’, 早 ‘менее’, 逾 ‘более, превышать’, 大概 ‘приблизительно, примерно’, 越 ‘более, сверх’.

Аппроксимативные показатели могут представлять собой логические пары: сверху – снизу (以上 ‘сверху, более, с лишним’ — 以下 ‘снизу, менее’), близко – далеко (近 ‘близкий к..., приблизительный’ — 远 (遠) ‘далеко, примерно’), толще – тоньше (厚 ‘толстый, крепкий, более’ — 寡 ‘тонкий, мало, не хватать, менее’).

Что касается приблизительных чисел, обозначаемых посредством соположения количественных числительных, то в древнекитайском периоде они могли располагаться как от меньшего к большему, так и наоборот. В среднекитайском периоде проявилась тенденция ставить на первое место большее число. В новокитайском периоде на первый план вышел порядок соположения от меньшего к большему.

Список источников

1. Бирюкова, Е. В., & Попова, Л. Г. (2015). О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11(53), Ч. III, 40–43.
2. Чупрына, О. Г. (2000). *Представления о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка)*. Прометей.
3. 王力. (1980). *汉语史稿 (上册)*. 北京: 中华书局; 页数: 714. / Ван Ли. (1980). *Ханьюй шигао (шанцэ)*. Бэйцзин: Чжунхуашуцзюй. Ешу, 714. / Wang Li. (1980). *Hanyu shigao (shangce)*. Beijing: Zhonghua shuju. Yeshu, 714.
4. 马建强. (2009). *汉语约数词“数、余、所、许”的历史考察*. / Ма Цзяньцян. (2009). *Ханьюй юэшуци “шу”, “юй”, “со”, “сюй” дэ лishi каоча*. / Ma Jianqiang. (2009). *Hanyu yueshuci “shu”, “yu”, “suo”, “xu” de lishi kaocha* (Ноябрь 11, 2021). <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/34f2sd9vswS.html>.

5. 姜育荣. (2001). 古代汉语数词的表数方法. 中学语文(教师版). (01): 60–61. / Цзян Юйжун. (2001). Гудай ханьюй шуцы дэ бяошу фанфа. *Чжунсюэ юйвэнь (цзяоши бань)*, 01, 60–61. / Jiang Yurong. (2001). Gudai hanyu shuci de biaoshu fangfa. *Zhongxue yuwen (jiaoshi ban)*, 01, 60–61.
6. 吴正芝. (2009). 数字表示法在文言文中的应用. 读写算(中考版), 01, 39–42. / У Чжэнчжи. (2009). Шуцзы бяошифа цзай вэньянь вэнь чжун дэ инъюн. *Ду се суань (чжункао бань)*, 01, 39–42. / Wu Zhengzhi. (2009). Shuzi biaoshifa zai wenyan wen zhong de yingyong. *Du xie suan (zhongkao ban)*, 01, 39–42.
7. Liu, Shizhen, Ji, Yunxia. (2007). A Tentative Analysis of the Origin of Middle Chinese Grammar and Its Historical Position. *Macrolinguistics*, 1, 141–156.
8. 田有成, 曾鹿平. (2000). 近代汉语数词表示法. 延安大学学报(社会科学版), 22(03), 99–101. / Тянь Ючэн, Цзэн Лупин. (2000). Цзиньдай ханьюй шуцы бяошифа. *Янань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань)*, 22(03), 99–101. / Tian Youcheng, Zeng Luping. (2000). Jindai hanyu shuci biaoshifa. *Yan'an daxue xuebao (shehui xuebao)*, 22(03), 99–101.
9. 骆晓平. (1966). “大数冠小数”约数表示法源流略考. 中国语文, 05, 369–376. / Ло Сяопин. (1966). “Да шу гуань сяо шу” юэшу бяошифа юаньлю люэкао. *Чжунго юйвэнь*, 05, 369–376. / Luo Xiaoping. (1966). “Da shu guan xiao shu” yueshu biaoshifa yuanliu luekao. *Zhongguo yuwen*, 05, 369–376.
10. 郭攀. (2001). 论概数义的表达形式. 南阳师范高等专科学校学报, 05, 43–46. / Го Пань. (2001). Лунь гайшу и дэ бяоши синши. *Юньян шифан гаодэн чжунанькэсюэсюэ сюэбао*, 05, 43–46. / Guo Pan. (2001). Lun gaishu yi de biaoshi xingshi. *Yunyang shifan gaodeng zhuankehuxue xiebao*, 05, 43–46.
11. 王敏. (2000). 古汉语数词及数量表示法探津. 内蒙古电大学刊, 39(05), 8–9. / Ван Минь. (2000). Гу ханьюй шуцы цзи шулян бяошифа таньцзинь. *Нэй мэngu дянэ дасюэ кань*, 39(05), 8–9. / Wang Min. (2000). Gu hanyu shuci ji shuliang biaoshifa tanjin. *Nei Menggu dian daxue kan*, 39(05), 8–9.
12. 张守军. (1997). 古代汉语数量词使用方法. 辽宁广播电视大学学报, 02, 77–81. / Чжан Шоуцзюнь. (1997). Гудай ханьюй шулянцы шиюн фанфа. *Ляонин гуанбо дяньши дасюэ сюэбао*, 02, 77–81. / Zhang Shoujun. (1997). Gudai hanyu shuliangci shiyong fangfa. *Liaoning guangbo dianshi daxue xuebao*, 02, 77–81.
13. 于春梅. (2008). 古汉语概数词研究述论. 硕士学位论文. 吉林大学. 页数: 61. / Юй Чуньмэй. (2008). Гу ханью гайшуцы яньцзю шулунь. Шоши сюэвэй луньвэнь. Цзилинь дасюэ. Ешу: 61. / Yu Chunmei. (2008). Gu hanyu gaishuci yanjiu shulun. Shuoshi xuewei lunwen. Jilin daxue. Yesu: 61.
14. 董志翘, 王东. (2002). 中古汉语语法研究概述. 南京师范大学文学院报. (02): 148–162. / Дун Чжицяо, Ван Дун. (2002). Чжунгу ханьюй юйфа яньцзю гайшу. *Наньцзин шифань дасюэ вэньсюэ сюэбао*, 02, 148–162. / Dong Zhiqiao, Wang Dong. (2002). Zhongguo hanyu yufa yanjiu gaishu. *Nanjing shifan daxue wenxue xuebao*, 1, 148–162.

References

1. Biryukova, E. V., & Popova, L. G. (2015). On development trends of modern comparative-historical, typological and contrastive linguistics. *Philology. Theory and Practice*. Vol. III, 11(53), 40–43. (In Russ.).
2. Chupryna, O. G. (2000). *Ideas about time in the ancient language and consciousness (based on the material of the Old English language)*. Prometej. (In Russ.).
3. 王力. (1980). 汉语史稿(上册). 北京: 中华书局; 1980. 页数: 714. / Wang Li. (1980). A Draft about the History of the Chinese Language. Vol. 1. Zhonghua Book Company. (In Chinese).

4. 马建强. (2009). 汉语约数词“数、余、所、许”的历史考察. / Ma Jianqiang. (2009). Historical Research on Chinese Approximate Numerals “Shu”, “Yu”, “Suo”, “Xu” (November 11, 2021). <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/34f2sd9vswS.html>. (In Chinese).
5. 姜育荣. (2001). 古代汉语数词的表数方法. 中学语文(教师版), 01, 60–61. / Jiang Yurong. (2001). The Way of Expressing Numerals in Ancient Chinese. *Middle School Chinese: Teacher Edition*, 01, 60–61. (In Chinese).
6. 吴正芝. (2009). 数字表示法在文言文中的应用. 读写算(中考版). (01): 39–42. / Wu Zhengzhi. (2009). The Application of Number Representation in Classical Chinese. *Read, Write, Count (Zhongkao edition)*, 01, 39–42. (In Chinese).
7. Liu, Shizhen, Ji, Yunxia. (2007). A Tentative Analysis of the Origin of Middle Chinese Grammar and Its Historical Position. *Macrolinguistics*, 1, 141–156.
8. 田有成, 曾鹿平. (2000). 近代汉语数词表示法. 延安大学学报(社会科学版). 22(03): 99–101. / Tian Youcheng, Zeng Luping. (2000). The Numeral Expressions of Modern Chinese. *Journal of Yanan University (Social Science)*, 22(03), 99–101. (In Chinese).
9. 骆晓平. (1996). “大数冠小数”约数表示法源流略考. 中国语文, 05, 369–376. / Luo Xiaoping. (1996). A Brief Study on the Origin and Evolution of the Means of Expressing Approximate Numbers Using the “Big-Number-over-Small-Number” Principle. *Chinese Philology*, 05, 369–376.
10. 郭攀. (2001). 论概数义的表达形式. 南阳师范高等专科学校学报, 05, 43–46. / Guo Pan. (2001). On the Expressions of Chinese General Numbers. *Journal of Yunyang Teachers College*, 05, 43–46. (In Chinese).
11. 王敏. (2000). 古汉语数词及数量表示法探津. 内蒙古电大学刊. 39(05): 8–9. / Wang Min. (2000). Ancient Chinese Numerals and Methods of Analysis to Study Quantity Representation. *Journal of Inner Mongolia Radio & TV University*, 39(05), 8–9. (In Chinese).
12. 张守军. (1997). 古代汉语数量词使用方法. 辽宁广播电视大学学报, 02, 77–81. / Zhang Shoujun. The Use of Ancient Chinese Numerals and Quantifiers. *Journal of Liaoning Radio and Television University*, 02, 77–81. (In Chinese).
13. 于春梅. (2008). 古汉语概数词研究述论. 硕士学位论文. 吉林大学; 页数: 61. / Yu Chunmei. (2008). A Review Study on Approximate Number in Ancient Chinese. Master Thesis. Jilin University. (In Chinese).
14. 董志翘, 王东. (2002). 中古汉语语法研究概述. 南京师范大学文学院学报. 2002; (02): 148–162. / Dong Zhiqiao, Wang Dong. (2002). Summary on Middle Chinese Grammar Studies. *Journal of School of Chinese Language*, 02, 148–162. (In Chinese).

Информация об авторе

Людмила Львовна Банкова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Liudmila L. Bankova — PhD (Philology), docent, assistant professor of Chinese language Department, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.111-26

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.10

БУКТРЕЙЛЕР КАК ЖАНР ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДИСКУРСА

Зоидзе Элла Амирановна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Zoidzeea@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0290-986X>

Аннотация. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена появлением нового жанра в рекламе и продвижении книги, который еще не получил лингвистического описания. Проблема согласуется с исследованиями, ведущимися в русле анализа институциональных дискурсов, издательского дискурса в частности. Цель статьи — определить особенности вербальной составляющей буктрейлеров, представленных издательством Random House; обозначить пути для дальнейшего лингвистического, лингвопрагматического и паралингвистического анализа буктрейлеров, а также проанализировать примеры роликов, в которых наблюдается пересечение позиций издателя и автора. К основным методам исследования относятся анализ (в том числе лингвистический, стилистический и семиотический), синтез (обобщение данных и формулировка определения буктрейлера), сравнение (внутритекстовое и сравнение с другими текстами). Выборка текстов включала 10 буктрейлеров издательства Random House за 2021 и 2022 годы, размещенные на официальном канале издательства в YouTube. В ходе исследования предложено определение буктрейлера, проанализированы примеры роликов, демонстрирующие новую тенденцию — интеграцию авторского паратекста в продвигающий книгу издательский жанр, предложены параметры для дальнейшего описания и анализа буктрейлера как нового жанра и как поликодового текста. Выявлены как вербальные, так и невербальные особенности буктрейлеров, к ним, в частности, относится использование ключевых слов, концептуализирующих содержание книги, прямого или косвенного призыва к покупке книги, графических стилистических средств, а также тесное взаимодействие всех семиотических систем, обеспечивающее связность и целостность поликодового текста.

Ключевые слова: буктрейлер, издательский дискурс, издательская аннотация, поликодовый текст, паратекст.

Для цитирования: Зоидзе, Э. А. (2023). Буктрейлер как жанр издательского дискурса. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 120–132. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.10

Original article

UDC 811.111-26

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.10

**BOOK TRAILER AS A GENRE
OF PUBLISHING DISCOURSE****Ella A. Zoidze**Moscow City University,
Moscow, RussiaZoidzeea@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0290-986X>

Abstract. The issue under study grows relevant with the emergence of a new genre used to advertise and promote books — a book trailer which has not received substantial attention of linguists yet. The topic lies in the field of research of institutional discourse practices, publishing discourse in particular. The aim of the paper is to describe the verbal part of book trailers created by Random House for books of different authors and of different genres; to outline some perspectives for linguistic, linguopragmatic and paralinguistic analysis of book trailers as well as to analyse examples with the publisher's and the author's points of view overlapping. The main methods applied are analysis (including linguistic, stylistic, and semiotic analysis), synthesis (generalizing information about book trailers and compiling a definition of the term), comparison (intertextual and cross textual comparison involving other publisher's texts). The selection of texts included 10 book trailers made by Random House in 2021 and 2022 and found on their official YouTube channel. The paper provides a definition of a book trailer, presents the analysis of book trailers that demonstrate a new tendency — integration of an author's paratext into the publisher's book promotion genre. There are several criteria suggested for further analysis of book trailers as a new genre and a polycode text. Linguistic and extralinguistic features of book trailers are revealed. They include the use of key words that conceptualise the content of the book, the use of direct or indirect appeal for buying a book, the use of graphical stylistic means and a close correlation between all semiotic systems that provides coherence and the unity of a polycode text.

Keywords: book trailer, publishing discourse, blurb, polycode text, paratext.

For citation: Zoidze, E. A. (2023). Book trailer as a genre of publishing discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 120–132. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.10

Введение / Introduction

Современная лингвистика проявляет интерес к проблемам, связанным с текстом и дискурсом, в том числе институциональным, а изучение жанров дискурса является одной из важнейших составляющих дискурс-анализа (Дискурс..., 2018, с. 161–162; Викулова, 2012, с. 67). Рассмотрение различных аспектов издательского дискурса (ИД) представляет интерес как с лингвистической, так и с институциональной точки зрения, так как деятельность издательства неотделима от вопросов книжной культуры;

она сопряжена не только с получением выгоды, но и с определенной просветительской работой.

Коммуникация издательств с аудиторией читателей происходит еще до покупки и чтения книги. Появление видеохостингов позволило издателям усилить свое присутствие в Интернете, расширив тем самым каналы влияния на *digitally enabled youth* / молодежь, живущую в окружении цифровых технологий, (Davilla, 2010, p. 33) и усовершенствовав технологии продвижения книги, издаваемых авторов и собственного бренда.

Исследования ИД в России и за рубежом в основном касаются паратекстов, которые служат *аппаратом ориентировки* читателя (в терминологии С. В. Васильева, 2010). К таким паратекстам относится издательская аннотация, размещаемая на четвертой странице обложки (или в сети Интернет при описании книги на сайте издательства или книжного магазина). Под паратекстом понимается текстовая периферия, включающая в себя «совокупность дискурсивных проявлений, сопровождающих текст или книгу» (Викулова, 2001, с. 131). По словам Ж. Женетта, паратекст включает в себя перитекстовые и эпитекстовые произведения (Genette, 1987). В начале 2000-х годов инвентарь продвигающих текстов (Маркетинговая лингвистика. Закономерности..., 2019, с. 49) ИД пополнился новым жанром — *буктрейлером*, который, находясь на периферии и за пределами книги, соотносится с эпитекстом, мы будем использовать в дальнейшем термин-гипероним — паратекст.

Авторы, обращавшиеся к анализу буктрейлера, отмечают его сходство с издательской аннотацией (Шевцова, 2012, 2014; Моисеева, 2016; Рахматуллина, 2021). Как и издательская аннотация на четвертой странице обложки, буктрейлер — это способ продвижения книги и одновременно общения издателя с читателем. Этот новый коммуникативный жанр, продвигаемый через такой канал, как сайт, не только реализует рекламную функцию, но и обеспечивает взаимодействие между участниками институционального издательского дискурса (Водолазская, 2015, с. 76).

В статьях, посвященных буктрейлерам в рекламе и продвижении книги, авторы часто определяют данный жанр через его сходство с аннотацией. Так, буктрейлер определяется как визуальная аннотация к книге (Рахматуллина, 2021, с. 116), видеопрезентация художественного текста (Щербинина, 2012, с. 146), видеоаннотация (Моисеева, 2016, с. 40). Буктрейлер рассматривается наравне с другими паратекстами и именуется анимированной обложкой в работе Р. Грона, что демонстрирует интегративный характер буктрейлера, в котором могут соединяться такие паратекстовые элементы обложки, как рецензия, издательская аннотация, указание жанровой принадлежности текста, фотографии автора и информация о нем и т. д. (Grøn, 2014, p. 99–103).

В наиболее известных онлайн-версиях словарей английского языка, таких как Oxford English Dictionary, Cambridge English Dictionary, Collins Dictionary, Meriam-Webster Dictionary, словарная статья для данного термина отсутствует.

Термин «трейлер» (англ. trailer) в значении *preview of a coming movie* / анонс нового фильма, согласно этимологическому словарю, впервые был зафиксирован в 1928 году (Online Etymology Dictionary). Все определения (кино) трейлера в англоязычных словарях указывают на его рекламную составляющую, а также на структуру, включающую фрагменты из нового фильма, готовящегося выйти на большой экран. Если рекламная составляющая, по мнению лингвистов, обращавшихся к буктрейлеру как к объекту исследования, также свойственна видеороликам, продвигающим книгу, то их структура отличается вследствие характера претекста. В буктрейлере опора на видеофрагменты невозможна. Отличие между (кино) трейлером и буктрейлером можно определить как «перекодирование вербального в визуальное» (Щербинина, 2012, с. 148), этот переход несвойственен (кино) трейлеру. Несмотря на значимое место визуальной информации в буктрейлере, его вербальное измерение также нуждается в рассмотрении.

При отсутствии системного описания феномена «буктрейлер» в лингвистике анализ имеющихся публикаций тем не менее позволяет выделить ряд проблем, в свете которых рассматривается данный поликодовый текст: 1) классификация буктрейлеров; 2) история возникновения и распространения буктрейлеров в книгоиздании и книгораспространении; 3) отношения между (кино) трейлером, тизером и буктрейлером (сходства и отличия); 4) влияние буктрейлера на восприятие первоисточника; 5) связь буктрейлера с претекстом; 6) поликодовость буктрейлера; 7) буктрейлер как продвигающий жанр; 8) буктрейлер и смежные понятия (*vidlit*; *booktalk*); 9) буктрейлер как паратекст.

Разнообразие проблем все же позволяет выделить общие направления и точки зрения на буктрейлер, например его трактовку как самостоятельного жанра в ИД, его поликодовость и паратекстуальность. На основании анализа публикаций, посвященных проблеме буктрейлера, нами было сформулировано определение, согласно которому под буктрейлером понимается *продвигающий жанр издательского дискурса, родственный по функции и вербальному содержанию информации на обложке книги (в том числе издательской аннотации), представленный в виде рекламного (продвигающего) видеоролика небольшого хронометража, создаваемый издателями в коммерческих целях или читателями в учебных или иных целях.*

Методология исследования / Methodology

Для проведения данного исследования применялись такие методы, как анализ и синтез (при работе над определением буктрейлера); сравнение и сопоставление (при рассмотрении поликодовых текстов буктрейлеров и информации о рекламируемых в них книгах на сайте издательства), лингвистический, стилистический и семиотический анализ текстов буктрейлеров.

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Results and discussion

Учитывая, что коммуникативно-прагматический потенциал издательского аппарата издания, представленного различными жанрами, относится Л. Г. Викуловой к числу малоизученных проблем издательского дискурса (Викулова, 2014, с. 6), то, полагаем, что это в полной мере касается и буктрейлера. Несмотря на синсемантизм нескольких семиотических систем (Рахматуллина, 2021, с. 116), изучение вербальной части текста может способствовать усовершенствованию данного жанра, основная цель которого — продвижение чтения и книги. Анализ лингвистической составляющей буктрейлера важен также потому, что одной из основных задач данного жанра является привлечение внимания к книге той аудитории современных читателей, для которой визуальный компонент привычнее, чем вербальный. При этом надо понимать, что в отличие от (кино) трейлера адресат столкнется с преимущественно вербальным текстом книги, смысловые нюансы которой определяются в трейлере с помощью видеоряда и изображений (Рахматуллина, 2021, с. 117). Происходит «суперсемиотический перевод» (*англ.* supersemiotic translation) (Vollans, 2016, p. 5). Таким образом, буктрейлер решает важную задачу — обеспечивает валоризацию книжных новинок и классических произведений для современного поколения читателей в понятной для них форме (Викулова, 2020, с. 143), т. е. в сжатом и легко воспринимаемом видеоформате (Varga, 2020, p. 950).

Буктрейлер обеспечивает связь и взаимопроникновение нескольких дискурсов (издательского, маркетингового и интернет-дискурса). Буктрейлер — это гибридный дискурсивный жанр, которому свойственна интердискурсивность (Щепилова и др., 2017, с. 70). Выделяют следующие признаки буктрейлера: клиповое представление содержания, концептуализация содержания с акцентом на архетипы, информативность, целостность, диалогичность, модальность (Рахматуллина, 2021, с. 117).

Анализ буктрейлеров, размещенных на канале издательства Random House, позволил сделать некоторые наблюдения и сформулировать общие черты и особенности вербальной текстовой составляющей, а также отметить некоторые значимые, на наш взгляд, паралингвистические особенности. Начать следует с того, что среди рассмотренных роликов были буктрейлеры на произведения художественной литературы, в том числе литературной классики, а также на книги в жанре нон-фикшен, представлен также трейлер на графический роман. Рассмотрим обозначенные ранее признаки буктрейлера.

Концептуализация содержания за счет вербального текста (звучащего или печатного) осуществляется во всех буктрейлерах с помощью выделения признаков и категорий, таких как *fears/страхи, the passion/страсть, the heartbreak/разочарование, challenges/испытания; childhood trauma/детская травма, light and dark/свет и тьма, lost and found/потерянный и найденный, gossip/сплетни, forbidden love/запретная любовь.*

Информативность буктрейлеров складывается из обязательного упоминания названия книги, имени автора, литературного жанра, ключевых проблем, затрагиваемых в книге, главных героев и наиболее ярких моментов сюжета. К этому можно добавить используемые в некоторых роликах упоминания о других работах автора, его премиях, отзывах экспертов о книге.

Модальность в буктрейлерах проявляется при использовании местоимения первого лица множественного числа, модальных наречий-интенсификаторов (*only/только, utterly/крайне*). Оценочная и эмоциональная модальность характерна для включаемых в каждый трейлер цитат-выдержек из рецензий на книгу (*masterfully probes / мастерски исследует; exquisitely written / изящно написанный*).

К проявлениям *диалогичности* относятся формы императива (*rediscover the wonder of The Great Gatsby / вновь откройте чудесный мир романа «Великий Гэтсби»; welcome to my journey / добро пожаловать в мое путешествие*), непрямые призывы к покупке или заказу книги (*available everywhere / доступно повсеместно; available for pre-order / доступно для предзаказа*). В ролике к роману *When the Stars Go Dark* автор также прибегает к средствам диалогизации (риторический вопрос — *What do I know about writing suspense novels? / Что я знаю о создании приключенческих романов?*; местоимения *we, us, you*).

Анализ материала показал, что буктрейлер — это не только жанр, продвигающий книгу, но и инструмент позиционирования и продвижения (в том числе самопрезентации) автора. В этом жанре встречаются голоса издателя и автора, данный факт позволяет пересмотреть утверждение о том, что издательские жанры объединены внеположенностью по отношению к позиции автора, т. е. транслируют только позицию издателя (Викулова, 2012, с. 68). В двух из десяти проанализированных роликах присутствует сам автор, как в форме закадрового голоса (мемуары Г. Монтесанти *Brace for Impact*), так и в форме говорящего субъекта в кадре (роман П. Маклейн *When the Stars Go Dark*). Адресат-зритель не только слышит голос автора (что само по себе заслуживает рассмотрения с позиций семиотической интерпретации тембра голоса), но и узнает из первых рук об источнике вдохновения, о предыстории написания книги, об отношении автора к ее героям и т. д.

В рамках данной работы мы подробно остановимся на одном буктрейлере, в котором присутствует автор как говорящий субъект. Рассмотрим ролик к роману Пола Маклейн *When the Stars Go Dark*, в котором чередуется рассказ о книге и ее героях от первого лица и выдержки-цитаты из отзывов коллег-писателей. Трейлер делится на три основные части: о том, как пришла идея создания романа, о чем роман, о главной героине романа. Цитаты экспертов, отделяющие одну часть от другой, подобраны по смыслу. Например, если вначале Пола Маклейн делится сомнениями, посетавшими ее по причине отсутствия опыта в создании приключенческих и исторических романов, авторами которых она в итоге стала (*What do I know about writing suspense novels <...> I had never really read or thought about writing historical fiction and yet it became*

one of the most transformative experiences of my life / Что я знаю о создании приключенческих романов <...> Я никогда не читала и не думала о написании исторических романов, и тем не менее этот опыт изменил мою жизнь), то цитата американской писательницы Кристины Б. Кляйн констатирует, что Маклейн под силу все («*MacLein proves she can do anything <...> When the Stars Go Dark is a tour de force of literary suspense*» / Маклейн доказывает, что она может все <...> «*Когда звезды гаснут*» — это мастерски написанный приключенческий роман). Сочетание неуверенности автора в своей компетентности и признания ее таланта коллегами-писателями создает объективную картину, способствует установлению доверительных отношений между автором и потенциальным адресатом-читателем.

В звучащей речи автора встречается множество местоимений первого лица, а также местоимение третьего лица, используемое по отношению к главной героине романа Анне Харт. Через использование местоимений первого лица множественного числа, в том числе инклюзивной формы *we*, автор ассоциирует себя и всех читателей с основными проблемами, затрагиваемыми в романе (*One of through lines of my work is a driving fascination with resilience. What it is and where it comes from. And how we get though when life gives us way too much to carry. Essentially, how we survive unsurvivable things and somehow become ourselves along the way / Через все произведение сквозной линией проходит восхищение человеческой стойкостью. Что это и откуда она берется. И как мы справляемся, когда жизнь дает нам слишком тяжелую ношу, как мы переносим непереносимое и каким-то образом по пути становимся самими собой*) (подчеркивание и выделение наши. — Э. 3.).

За авторским описанием проблематики романа следуют слова американской писательницы, отзывающейся о книге П. Маклейн, которые перекликаются с монологом автора за счет ключевых слов (*An unflinching look at the long shadow cast by trauma and the resilience it takes to survive, this is a novel of both great sadness and great beauty / Уверенный взгляд на тень, брошенную травмой родом из детства, и стойкость, которая требуется, чтобы пережить это, это роман о великом горе и о великой красоте*) (подчеркивание наше. — Э. 3.). Таким образом, мы видим, как издатель умело соединяет разные тексты, обеспечивая связность и целостность итогового поликодового текста. Присутствие позиции коллективного издателя, точки зрения автора книги и комментариев экспертов создают полифонию ИД.

Начиная рассказ о героине, автор определяет целевую аудиторию, делая это не напрямую, а через личную оценку главного героя. Описание типажа главной героини и высказанная автором оценка могут способствовать привлечению той аудитории читателей, для которой такой персонаж также интересен (*Anna Hart <...> is my favourite kind of characters to read about / Анна Харт <...> мой любимый тип героя, о котором я люблю читать*). Перечисление проблем, затрагиваемых в романе, также может служить ориентиром

для потенциального читателя (*She is flawed. She struggles with the things we all do. How to make sense of her life, make peace with the past. How to reconcile her mistakes, her regrets. How to forgive herself when she believes she's long passed forgiving. She is a mix of light and dark, lost and found, courage and fear / У нее есть недостатки. Она борется с теми же вещами, что и мы все. Как обрести смысл жизни, как примириться с прошлым, со своими ошибками и сожалениями. Как простить себя, когда она уверена, что время для прощения давно прошло. Она — это свет и тьма, потерянная и найденная, смелость и страх*). Более того, автор использует фразу *She is us* / Она — это мы (с акцентом на местоимении *us*), которая указывает на универсальный характер проблем героини, на ее собирательный образ. Она неидеальна, она противоречива и сталкивается с теми же проблемами, что и все люди. В приведенных примерах наблюдаем лексические и синтаксические средства, способствующие восприятию текста на слух, — единоначалия, параллельные конструкции; слова, противоположные по смыслу, сгруппированные попарно; присутствует эллипсис глагольной части сказуемого, свойственный разговорной речи.

Далее личное отношение автора к героине раскрывается подробнее (*Another reason I'm obsessed with Anna as a character is the way she has given me an opportunity as a writer to get to the bottom of things that have long been on my mind. As a survivor of childhood trauma, I'm always seeking to know if it's possible to truly heal from traumatic events, to learn to trust again. To not just heal but grow / Еще одна причина, по которой я без ума от персонажа Анны, состоит в том, что она дала мне возможность как писателю добраться до сути вещей, о которых я давно думала. Пережив детскую травму, я всегда пыталась понять, возможно ли полностью излечиться от травмирующих событий и научиться вновь верить. Не просто излечиться, а вырасти над собой*). Издатели позиционируют роман как самую личную работу автора (*Paula MacLain brings you her most personal novel yet / Пола Маклейн предлагает вам самый личный из написанных ею романов*), что в полной мере отражается в трейлере и не делается в аннотации к книге на сайте издательства.

В заключительной части автор не столько представляет нам главную героиню (факты о ней довольно подробно приведены в аннотации на сайте издательства), сколько стремится обратиться ко всем читателям, описывая распространенные жизненные вызовы (*I want to believe that it is sometimes our greatest and most difficult pain that leads us to our life's purpose / Я хочу верить, что именно самая большая и самая серьезная наша боль ведет нас к цели всей жизни*). Завершает речь автора обращение к читателю, в котором прослеживается и просьба прочитать книгу, и вновь делается акцент на волнении и неуверенности писателя (*This is the most intimate, personal book I've ever written. I've written **eight books** now and yet in a way this feels like my **debut** and that I'm **just getting started**. I'm so **excited for you to read it** / Это самая личная книга, которую я когда-либо писала. Я уже написала восемь книг, и все равно есть чувство,*

что это мой дебют, и что я только начинаю. Я очень взволнованно жду, когда вы ее прочтете) (выделение наше. — Э. 3.).

По сравнению с информацией о книге на сайте издательства, данный буктрейлер сосредоточен на раскрытии психологических аспектов создания романа, на демонстрации личности автора, ее переживаниях и сомнениях, что способствует привлечению аудитории. Прием включения личности и голоса автора, используемый издателями, отличает данный трейлер от множества других шаблонных работ, построенных на чередовании изображений или фото и текста небольшого объема, более коротких, но менее глубоких и интригующих.

Наблюдаемое в буктрейлерах слияние точек зрения издательства, критиков и самого автора свидетельствует о проникновении пиар-технологий в рекламу и продвижение книги. Приглашая авторов к участию в создании буктрейлера, издатели продвигают собственный бренд, книгу и способствуют узнаваемости и продвижению ее автора. Сочетание и взаимодополнение позиций участников процесса книгораспространения в жанре буктрейлера позволяет предположить, что в нем одновременно присутствуют издательский и авторский паратексты. При этом содержание авторского паратекста может быть представлено только в данном жанре и отсутствовать в околотекстовом пространстве книги, например в аннотации.

Опираясь на имеющийся опыт описания буктрейлеров, предлагаем следующие параметры, которые могут учитываться при анализе данных поликодовых текстов: тип (по способу визуального воплощения, по содержанию, по типу адресанта); семиотические коды; упоминание имени автора и наличие дополнительных сведений о нем; упоминание названия книги, жанра издания, читательского адреса; описание сюжета; представление главного героя (героев).

Для анализа вербальной части буктрейлера предлагаем учитывать такие параметры, как тип текста (звучащий или печатный), особенности лексики и синтаксиса, использование средств выразительности и аттрактивности (фонетических, графических, лексических и синтаксических), средств реализации диалогичности, наличие или отсутствие вербального призыва к покупке или выполнению иного действия (табл. 1). Для демонстрации примера описания буктрейлера по предложенным аспектам обратимся к одному из роликов, посвященному новому изданию романа *The Great Gatsby* (Modern Library Edition). Переиздание классики должно учитывать социокультурные ценности современного читателя. Задача издателя — осовременить позицию автора, обеспечить совместимость переиздаваемой книги с проблемами и интересами языкового и культурного сообщества (Викулова, 2012, с. 64–68). Идея ролика построена на движении из прошлого (1925 год) в настоящее (2021 год), реализованном при помощи цитат из рецензий на книгу Ф. С. Фитцджеральда. Группы цитат выделены подзаголовками *An icon of the past / символ прошлого* и *A beacon for the present / путеводная звезда для настоящего*. Завершается трейлер императивной конструкцией *Rediscover the wonder of The Great Gatsby*. Заключительная фраза — это также и читательский адрес (издание для тех, кто уже знаком с романом Ф. С. Фитцджеральда).

Таблица 1 / Table 1

Языковые особенности буктрейлера к роману The Great Gatsby
Linguistic peculiarities of the book trailer for the novel The Great Gatsby

Тип текста в буктрейлере	Печатный
Лексика	<i>Прецедентные имена</i> (The New York Times, T. S. Elliot, Henry James); <i>преобладание оценочных и эмоционально окрашенных прилагательных</i> (a mystical glamorous story, a mood of chastened wonder, ideal voice, hypnotic mystery, a curious book); <i>антонимы</i> (past – present)
Синтаксис	<i>Номинативные предложения, сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным</i> (The first step that American fiction has taken since Henry James; A fable of the 1920s that has survived...)
Стилистические средства и маркеры аттрактивности	<i>Метафоры для описания романа</i> (an icon, a beacon, a fable, a legend); <i>параллелизм</i> (An icon of the past...; A beacon for the present...)
Диалогичность	<i>Местоимения</i> (I, us); <i>вставные конструкции</i> (It is, I would venture to say, ...)
Призыв к покупке/ чтению	<i>Императив</i> (Rediscover the wonder of The Great Gatsby)

Анализ вербальной составляющей буктрейлера показывает, что единицы всех языковых уровней в сочетании с паравербальными средствами образуют жанроспецифические модели, которые в дальнейшем могут стать объектом отдельного исследования. Так, перспективным представляется анализ когезии поликодового текста буктрейлера, который покажет связь и взаимодействие между произнесенным и печатным словом, а также между языковыми единицами и единицами других семиотических кодов (Hoffmann, 2021; Schubert, 2021).

Заключение / Conclusion

Буктрейлер — сравнительно новое явление в продвижении книжной продукции. Большинство лингвистов рассматривают его как рекламный жанр, паратекст, поликодовый текст. Как показал анализ практического материала, структура и содержание буктрейлера варьируются даже в рамках одного издательства. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают буктрейлеры, которые включают в себя как издательский, так и авторский паратекст, вводя личность писателя в кадр, давая ему возможность самому представить свою работу.

Возможности интернет-среды в сочетании с языковыми средствами, используемыми создателями роликов, позволяют отнести поликодовый текст буктрейлера к диалогическим. Роль личных местоимений и других средств

диалогизации возрастает, если ролик содержит текст от первого лица (от лица автора).

Буктрейлер обладает аттрактивностью благодаря не только визуальной (графика), но и лингвистической (прецедентные тексты, метафоры, синтаксический параллелизм, повторы, эпитеты) составляющей. Все каналы передачи информации (изображение, музыка, звучащий или печатный текст) взаимодополняют друг друга, обеспечивая целостность и связность поликодового текста.

Сравнение содержания буктрейлеров с информацией о книгах на сайте издательства показало, что ролики не копируют ее, что, на наш взгляд, является положительной тенденцией. Издательская аннотация, размещаемая на четвертой странице обложки и на сайте издательства, и буктрейлер не дублируют друг друга, однако буктрейлер не обходится без использования обложки, (в нашей выборке роликов использовались анимированные элементы книжных обложек и сами обложки книг), цитат из рецензий, информации об авторе. Таким образом, считаем возможным признать буктрейлер и издательскую аннотацию родственными жанрами. Буктрейлер позволяет расширить и усилить аффективную составляющую аннотации за счет привлечения дополнительных каналов передачи информации. В целом буктрейлер с его разнообразными каналами информации обладает большим рекламным потенциалом, чем аннотация.

Список источников

1. *Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия*. (2018). Ленанд.
2. Викулова, Л. Г. Издательский дискурс в системе общения «автор – издатель – читатель». (2012). *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 2s(18), 63–69.
3. Davila, D. (2010). Not So Innocent: Book Trailers as Promotional Text and Anticipatory Stories. *The Alan Review*, 38(1), 32–42.
4. Васильев, С. Л. (2010). *Удобочитаемость газеты и журнала*. Кварта.
5. Викулова, Л. Г. (2001). *Волишебная французская литературная сказка конца XVII – начала XVIII века: прагматический аспект*. ИГЛУ.
6. Genette, G. (1987). *Seuils*. Seuil.
7. *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста*. (2019). Флинта.
8. Шевцова, Н. В. (2012). Коммуникативная функция буктрейлеров к произведениям классической литературы. *Челябинский гуманитарий*, 3(20), 68–74.
9. Шевцова, Н. В. (2014). Проблема заданности контента в буктрейлерах к произведениям литературы pop fiction. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 1(13), 90–93.
10. Моисеева, О. А. (2016). Буктрейлер как способ интернет-продвижения. *Актуальные проблемы гуманитарных и правовых знаний в контексте инновационных практик*, 40–44.
11. Рахматуллина, Д. Р. (2021). Буктрейлер как форма поликодового текста. *Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур*, 116–119.
12. Водолазская, С. (2015). Буктрейлер как способ визуальной коммуникации через видеохостинги. *Инновации в науке*, 46, 75–79.

13. Щербинина, Ю. В. Смотреть нельзя читать. Буктрейлерство как издательская стратегия в современной России. (2012). *Вопросы литературы*, 3, 146–165.
14. Grøn, R. (2014). Literary experience and the book trailer as intermedial paratext. *SoundEffects – An Interdisciplinary Journal of Sound and Sound Experience*, 4(1), 90–107. <https://doi.org/10.7146/se.v4i1.20330>
15. Online Etymology Dictionary. (2022, 30 августа). https://www.etymonline.com/word/trailer#etymonline_v_24816
16. Викулова, Л. Г., & Иванова, Н. С. (2014). Лингвопрагматические особенности прикнижной аннотации во французском издательском дискурсе. *Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit*, 2, 6–16.
17. Vollans, E. Think of It as a Trailer... for a Book. (2016). *Publications*, 4(4), no. 32. <https://doi.org/10.3390/publications4040032>
18. Викулова, Л. Г. Как понять иную систему ценностей: валоризация классики в издательском дискурсе. (2020). *Филология в контексте коммуникации и современной культуры*. Т. 1, 142–149.
19. Varga, E. (2020). How does the Internet Influences the Readers' Behavior. *Procedia Manufacturing*, 46, 949–956. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.05.013>
20. Щепилова, А. В., Сулейманова О. А., Фомина, М. А., & Водяницкая, А. А. (2017). Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(27), 68–82.
21. Hoffmann, C. R. (2021). Cut to the chase – How multimodal cohesion secures narrative orientation in film trailers. *Discourse, Context & Media*, 44. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100539>
22. Schubert, C. (2021). Multimodal cohesion in persuasive discourse: A case study of televised campaign advertisements in the 2020 US presidential election. *Discourse, Context & Media*, 43. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100537>

References

1. *Discourse as a universal matrix of verbal interaction*. (2018). Lenand.
2. Vikulova, L. G. Publishing discourse in the system of communication «author – publisher – reader». (2012). *The ISLU Philological Review*, 2s(18), 63–69.
3. Davila, D. (2010). Not So Innocent: Book Trailers as Promotional Text and Anticipatory Stories. *The Alan Review*, 38(1), 32–42.
4. Wasiliew, S. L. (2010). *Readability of newspapers and magazines*. Kvarita.
5. Vikulova, L. G. (2001). *Magic French literary fairytale of the end of the 17th – early 18th centuries: pragmalinguistic aspect*. IGLU.
6. Genette, G. (1987). *Seuils*. Seuil.
7. Marketing linguistics. (2019). *Regular patterns of a promotional text*. Flinta.
8. Shevtsova, N. V. (2012). Communicative function of book trailers for classical literature. *The Chelyabinsk Humanitarian Journal*, 3(20), 68–74.
9. Shevtsova, N. V. (2014). Problem of content in booktrailers for non fiction literature. *The Sign: the problem field of media education*, 1(13), 90–93.
10. Moiseeva, O. A. (2021). Book trailer as a means of internet-promotion. *Problems of humanitarian and legal knowledge in the context of innovative practices*, 40–44.
11. Rakhmatullina, D. R. (2021). Bok trailer as a form of polycode text. *Problems of modern philology in the context of interaction of languages and cultures*, 116–119.

12. Vodolazka, S. (2015). Buktreyler as a way of visual communication through video sharing. *Innovations in science*, 46, 75–79.
13. Shcherbinina, Y. V. (2012). To watch not to read. Book trailer production as a publishers' strategy in modern Russia. *Russian Studies in Literature*, 3, 146–165.
14. Grøn, R. (2014). Literary experience and the book trailer as intermedial paratext. *SoundEffects – An Interdisciplinary Journal of Sound and Sound Experience*, 4(1), 90–107. <https://doi.org/10.7146/se.v4i1.20330>
15. Online Etymology Dictionary. (2022, August 30). https://www.etymonline.com/word/trailer#etymonline_v_24816
16. Vikulova, L. G., & Ivanova, N. S. (2014). Linguo-pragmatic features of the annotation in the French publishing discourse. *Magister Dixit*, 2, 6–16.
17. Vollans, E. (2016). Think of It as a Trailer... for a Book. *Publications*, 4(4), no. 32. <https://doi.org/10.3390/publications4040032>
18. Vikulova, L. G. (2020). How to understand the value system of another: classics valorization in publishing discourse. *Philology in the context of communication and modern culture*. V. 1, 142–149.
19. Varga, E. (2020). How does the Internet Influences the Readers' Behavior. *Procedia Manufacturing*, 46, 949–956. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2020.05.013>
20. Schepilova, A. V., Suleimanova, O. A., Fomina, M. A., & Vodyanitskaya, A. A. (2017). Target Audience in Contemporary Educational Discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(27), 68–82.
21. Hoffmann, C. R. (2021). Cut to the chase — How multimodal cohesion secures narrative orientation in film trailers. *Discourse, Context & Media*, 44. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100539>
22. Schubert, C. (2021). Multimodal cohesion in persuasive discourse: A case study of televised campaign advertisements in the 2020 US presidential election. *Discourse, Context & Media*, 43. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2021.100537>

Информация об авторе

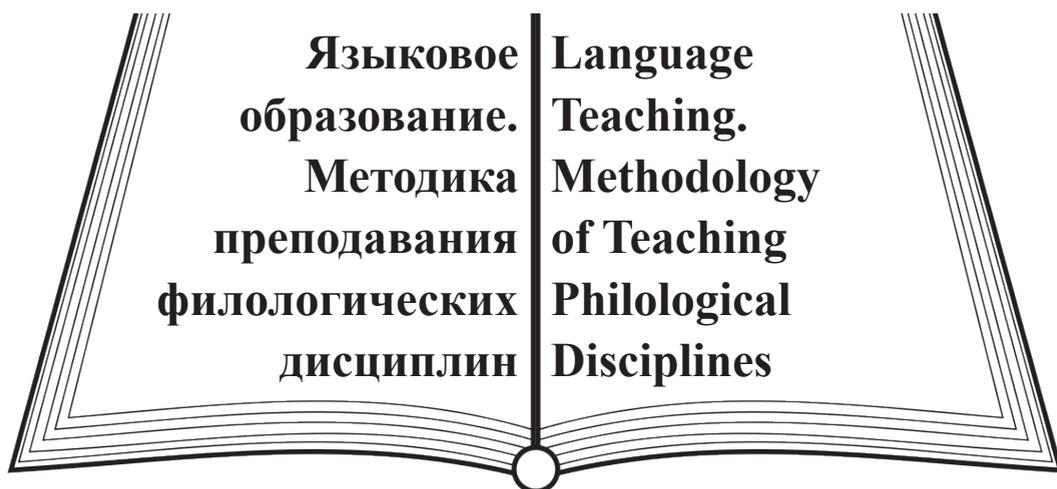
Элла Амирановна Зойдзе — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Ella A. Zoidze — PhD (Philology), Docent, Associate professor of Anglistics and Cross cultural Communication Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 372.881.1; 378

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.11

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ ПО ВЫБОРУ «ОБУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ» В РАМКАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МАГИСТРАТУРЫ

Колесников Андрей Александрович

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

kolesnikov@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1417>

Аннотация. Статья посвящена обоснованию методической концепции и задач дисциплины по выбору «Обучение межкультурной коммуникации в контексте глобального образования», проектируемой в рамках лингвистической магистратуры. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения лингвистического и лингводидактического кругозора магистранта и формирования его способности использовать развиваемые компетенции в смежных профессиональных областях (в частности, в языковом образовании), что позволит достигнуть уровня высокой профессиональной универсальности. Ведущим методом в исследовании выступил метод проектирования, а также апробация разработанной дисциплины. Статья описывает особенности проектирования дисциплины, обосновывает структуру и специфику отбора содержания. В соответствии с содержательными приоритетами обоснованы четыре блока: вводный, основной лингводидактический, основной методический, практический. Представленные в статье результаты (включая обратную связь от обучающихся) позволяют сделать вывод об эффективности созданной концепции

и программы дисциплины, готовящей магистрантов-лингвистов к организации глобально ориентированного обучения межкультурному иноязычному общению.

Ключевые слова: иностранный язык, межкультурная коммуникация, глобальное образование.

Для цитирования: Колесников, А. А. (2023). Проектирование дисциплины по выбору «Обучение межкультурной коммуникации в контексте глобального образования» в рамках лингвистической магистратуры. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 133–141. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.11

Original article

UDC 372.881.1; 378

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.11

DESIGNING AN ELECTIVE DISCIPLINE «TEACHING INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL EDUCATION» WITHIN THE LINGUISTIC MASTER'S PROGRAMME

Andrei A. Kolesnikov

Moscow City University,
Moscow, Russia

kolesnikov@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1417>

Abstract. The article features the methodological concept and learning outcomes of the elective discipline «Teaching intercultural communication in the context of global education», designed within the framework of the linguistic Master's programme. The study proves relevant due to the need to expand the linguistic and linguodidactic competencies of master students and to form their ability to use the competencies developed in application to the related professional areas (language education, in particular). That allows them to achieve a level of high professional universality. The principal research method is the syllabus design, as well as the approbation of the developed discipline. The article describes the features of the discipline design, reveals the structure and specific features of the content selection. In accordance with the content-related priorities, the discipline syllabus focuses on four learning blocks: introductory, basic linguodidactic, basic didactic training, practical. The results presented in the article (including feedback from students) allow us to conclude that the created concept and programme of the discipline are effective in training master students majoring in linguistics to organize classes in intercultural foreign language communication to be of global nature.

Keywords: foreign language, intercultural communication, global education.

For citation: Kolesnikov, A. A. (2023). Designing an elective discipline «Teaching Intercultural Communication in the Context of Global Education» within the Linguistic Master's Programme. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 133–141. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.11

Введение

Профессиональное образование магистрантов по направлению подготовки 45.04.02 «Лингвистика» должно охватывать достаточно широкие сферы актуализации лингвистической науки в ее фундаментальных и прикладных проявлениях. Необходимо, чтобы лингвистический кругозор магистранта и его способность использовать лингвистические компетенции в смежных профессиональных областях позволяли ему достигать уровня высокой профессиональной универсальности. Это откроет возможность формирования многоуровневого профессионального тезауруса (ср. (Абдулмянова, 2010)), а также элементов профессиональных компетенций широкого спектра, связанных с языковой/исследовательской, преподавательской, речевой и коммуникативной деятельностью. Среди них особое место занимает лингводидактическая компетенция, компоненты которой нашли отражение в ряде профессиональных и общепрофессиональных компетенций в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования (ФГОС ВО) по рассматриваемому направлению подготовки. Анализ стандарта и учебных планов лингвистической магистратуры Института иностранных языков МГПУ позволяет сделать вывод, что магистранты, помимо прочего, должны иметь представление о составляющих образовательной и методической деятельности учителя и преподавателя (то есть обладать рядом знаний и умений, соотносимых с методической компетенцией (Языкова, Макеева, 2015)), в частности о функциях педагогического общения, профессионально-методических умениях в обучающей и научно-методической/исследовательской деятельности (Бердичевский и др., 2021).

Учитывая сказанное, кафедра германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ приняла решение усилить прикладную направленность реализуемой магистерской программы по лингвистике. На кафедре уже долгое время проводятся исследования в области маркетинговой лингвистики (Маркетинговая лингвистика, 2019). Также усилилась значимость лингводидактических исследований в рамках научной школы «Межкультурное многоязычное образование как фактор социальных трансформаций» (руководитель — профессор Е. Г. Тарева). В этой связи, помимо прикладных лингвистических дисциплин, в модуль «Основы теоретической и прикладной лингвистики» было решено добавить дисциплину по выбору интегративного характера «*Обучение межкультурной коммуникации в контексте глобального образования*».

Методы и этапы исследования

Проведенное исследование имеет теоретико-эмпирический характер. На первом этапе были проанализированы компетенции ФГОС направления подготовки 45.04.02 «Лингвистика» и определены те, чье содержание (в области лингвистических, лингвопрагматических и межкультурных знаний и умений)

может быть продуктивно реализовано в области языкового образования (на этапах старшей профильной школы и бакалавриата языкового вуза) с учетом его актуальных тенденций. На втором этапе была спроектирована программа дисциплины интегративного характера, позволяющая актуализировать лингводидактический потенциал данных компетенций. На третьем этапе разработанная программа была апробирована в течение учебного семестра (2021/22 учебный год).

Результаты исследования

Рассмотрим более подробно концепцию и задачи дисциплины по выбору «Обучение межкультурной коммуникации в контексте глобального образования», особенности ее проектирования, структуру и специфику отбора содержания.

Опорными компетенциями для разрабатываемой дисциплины выступили следующие:

«УК-4. Способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия».

«УК-5. Способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия».

«ОПК-1. Способен применять систему теоретических и эмпирических знаний о функционировании системы изучаемого иностранного языка и тенденциях ее развития, учитывать ценности и представления, присущие культуре стран изучаемого иностранного языка».

«ОПК-3. Способен применять в профессиональной деятельности обще-дидактические принципы обучения и воспитания, использовать современные методики и технологии организации образовательного процесса».

«ПК-3.1. Способен творчески использовать и переосмысливать понятийный аппарат теоретической и прикладной лингвистики, лингводидактики, переводоведения и дидактики перевода, теории межкультурной коммуникации, литературоведения в ходе решения научно-исследовательских задач».

«ПК-4.1. Способен разрабатывать и реализовывать содержание учебных дисциплин, адаптировать и применять современные подходы и методы обучения (в том числе с применением цифровых технологий), образовательные технологии, обеспечивающие развитие языковых, интеллектуальных и познавательных способностей, ценностных ориентаций обучающихся, готовность к участию в диалоге культур, дальнейшее самообразование посредством изучаемых языков»¹.

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — магистратура по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика. Утвержден Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, приказ от 12 августа 2020 г. № 992. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-45-04-02-lingvistika-992>

В качестве планируемых результатов обучения по данной дисциплине выступает лингводидактическая ориентация содержания первых двух компетенций (УК-4 и УК-5), которая актуализируется в аналитической и проектно-методической деятельности магистрантов. Компоненты других компетенций выступают в качестве опорных знаний и умений, способствующих достижению результатов обучения.

Таким образом, разрабатываемая дисциплина имеет целью развитие у магистрантов-лингвистов смежных лингводидактических компетенций, позволяющих им:

а) ориентироваться в образовательных концепциях, созданных в русле когнитивно-коммуникативного и межкультурного подходов, формирующих представление об особой специфике обучения иностранным языкам в профильной школе и языковом вузе (в частности, в концепции глобального образования (Колкер и др., 2005));

б) использовать имеющийся задел лингвистических знаний для более глубокого понимания методически релевантных аспектов теории межкультурной коммуникации и возможностей их использования в контексте глобально ориентированных уроков (занятий) по иностранному языку;

в) анализировать учебные материалы и разрабатывать собственные планы-конспекты глобально ориентированных уроков для 10–11-х профильных классов и начальных курсов бакалавриата языкового вуза.

Обратимся к описанию общей методической концепции курса.

По содержательным приоритетам описываемую дисциплину можно условно разделить на четыре блока: вводный, основной лингводидактический, основной методический, практический. *Вводный блок* посвящен ознакомлению с базовыми теориями межкультурной коммуникации (Э. Холл, Г. Хофстеде, Г. Малетцке и др.), которые помогают осознать модель культуры как сложного многоуровневого феномена. Для наглядности использована так называемая антропологическая модель айсберга британского исследователя Э. Холла (Фаст, 1997). Верхушка айсберга представляет собой видимые проявления культуры (язык, еда, одежда, праздники, инфраструктура и пр.), а его нижняя скрытая часть (90 %) служит ценностным основанием культуры (традиции, менталитет, убеждения, идеи, отношения и пр.), позволяет осознать имплицитный характер многих культурных аспектов. Столкновение неподготовленного человека с чужой культурой сравнивается с катастрофой «Титаника», команда которого не учла истинных размеров невидимой (скрытой) части айсберга.

Систематизация «подводной» основы происходит с помощью анализа культурных универсалий (или, в терминах Г. Малетцке, «структурных признаков культур»). К ним причисляют, например, отношение ко времени, пространству, правила дистанции, черты базовой личности (культурообусловленное отношение к конфликту, компромиссу, гармонии, изменениям и пр.) (Maletzke, 2013). Эти универсалии служат мостиком для перехода к *лингводидактическому блоку* курса, где они представлены в виде дидактических «метаконцептов»

(см. (Колкер и др., 2005)), обуславливающих образовательную цель и глобально ориентированное содержание обучения иностранному языку в профильной школе и языковом вузе. На этом этапе магистранты знакомятся с философией и методологией глобального образования. Последнее понимается как образовательная концепция, ориентированная на формирование целостной картины мира учащегося, основанная на сочетании системного, когнитивно-коммуникативного и холистического подходов и определяющая в качестве цели развитие личности обучающегося, которая:

- обладает многомерным/многоплановым и многосторонним видением мира как комплексного единства, состоящего из независимых факторов, феноменов и процессов;
- применяет критическое и креативное мышление в повседневной жизни;
- обладает готовностью и необходимыми умениями для непрерывного и автономного образования;
- обладает способностью к самопознанию, самокоррекции;
- готова проявлять эмпатию, толерантность и ценить разнообразие точек зрения, убеждений и обычаев;
- подготовлена к борьбе с шовинизмом во всех его формах;
- обладает чувством гражданской ответственности, которое начинается в локальном сообществе (районе, городе, стране) и расширяется до границ всего мира;
- готова принимать решения и действовать с учетом долгосрочных последствий (Колкер и др., 2005).

В контексте глобального образования каждый метаконцепт проходит не только традиционный путь — от языкового к коммуникативному уровню, но и включается в две образовательные перспективы: вертикальную и горизонтальную. В *вертикальной* перспективе используются два приема, взятых из кинематографа: переход от крупного к общему плану и наоборот. Это значит, что метаконцепт рассматривается на уровне отдельного индивида, семьи, ближайшего окружения, родного города, родной страны и культуры, взаимодействия нескольких культур и, наконец, на уровне планеты / всего человечества. Завершающим и обязательным этапом такой образовательной технологии является рефлексия, включающая осмысленные выводы обучающегося: какую роль данная универсалия должна играть в его жизни, как должна измениться его деятельность / его поведение с учетом осмысления глобального значения обсуждаемой универсалии на всех названных культурных уровнях (пластах). Тем самым реализуется принцип R. Hanvey «Think globally, act locally»² в рамках «концентрической» логики организации учебного процесса. В *горизонтальной* перспективе тот же метаконцепт рассматривается с позиции взаимосвязи разных культурных сфер: повседневной культуры, профессиональной/деловой культуры, искусства, науки — и, наконец,

² Думай глобально, действуй локально.

его отражение в личной/индивидуальной культуре самого субъекта. Тем самым достигается основной результат: самоопределение обучающегося в контексте множества взаимодействующих аспектов и уровней культуры, развитие личности, которая обладает многомерным и многосторонним видением мира как комплексного единства, состоящего из взаимосвязанных факторов, феноменов и процессов.

Основной методический блок курса обеспечивает формирование знаний и умений магистрантов в области организации учебного процесса: основные закономерности проектирования системы упражнений, структурирование глобально ориентированного урока (в том числе полилингвального характера) и др. Магистранты оснащаются необходимым методическим инструментарием, который позволяет внедрять решения основных задач глобального образования в практику учебного процесса.

Практический блок курса включает в себя практические занятия, на которых магистранты осуществляют анализ и дают подробную методическую интерпретацию глобально ориентированных уроков на этапе среднего общего образования (групповая работа), глобально ориентированных занятий на этапе высшего образования в языковом вузе (групповая работа), осуществляют проектирование авторских уроков/занятий, их презентацию и моделирование (разыгрывание) отдельных фрагментов (индивидуальная или парная работа). Оценивание работы магистрантов осуществляется на основе результатов выполнения практических заданий.

Дисциплина рассчитана на 70 часов контактной работы, которые расширяются 74 часами самостоятельной работы. Представим разделы дисциплины и их содержание.

1. Межкультурная коммуникация как объект изучения.

Основные понятия и области межкультурной коммуникации. Личность, культура, ценности. Проблема идентичности и культурной дистанции. Аккультурация, культурный шок. Модели культуры. «Структурные признаки» культур: национальный характер, восприятие времени и пространства, язык, невербальная коммуникация и др. Межкультурные представления, стереотипы, предрассудки. Лингводидактическая значимость межкультурной коммуникации.

2. Глобальное образование и обучение иностранным языкам.

Философия и методология глобального образования. Глобальный потенциал предмета «Иностранный язык». Компетентностный подход и реализация целей глобального образования при обучении иностранным языкам в межкультурной перспективе. Принципы межкультурного обучения иностранным языкам в перспективе глобального образования. Интеграция и ее виды. Проектирование глобально ориентированного содержания обучения иностранным языкам. Глобально ориентированный подход к системе упражнений. Традиционные и глобально ориентированные задания. Проектирование глобального и глобально ориентированного (globally-infused) урока межкультурной направленности. Технологии обучения.

3. Полилингвальное/поликультурное образование.

Новые ориентиры в языковом образовании: CEFR-2020, плюрилингвальная/плюрикультурная компетенция, ее соотношение с глобальной компетенцией. Способы формирования полилингвальной и поликультурной компетенции на примере языкового и речевого аспектов. Подготовительно-ориентирующие, ознакомительные, контекстные, проблемные задания. Учащийся как социальный агент.

4. Практикум.

Анализ элементов глобального образования в рамках курса по выбору для профильной школы и практического курса иностранного языка в языковом вузе: межкультурная презентация лексики, развитие речевых умений в контексте глобально ориентированной межкультурной тематики, способы развития универсальных мыслительных операций и формирование глобально мышления (построение гипотез, межкультурные обобщения, формулировка объективных суждений, осмысление сходств и различий и пр.). Проектирование авторских глобально ориентированных уроков иностранного языка для 10–11-х классов профильной школы и для студентов языкового вуза.

Заключение

Описанная дисциплина по выбору была внедрена в учебный процесс в 2021/22 учебном году. По окончании семестра с магистрантами была проведена рефлексивная беседа, в ходе которой мы обнаружили высокую степень удовлетворенности обучающихся предложенным им курсом. Говоря о трудностях, некоторые магистранты отмечали недостаточную базу методических знаний, необходимую для данного курса. Полагаем, это обуславливает необходимость внедрения предварительной дисциплины общей методической направленности либо размещение разработанной дисциплины после модуля «Профессиональная лингводидактика» в учебном плане.

подавляющее большинство магистрантов изъявило готовность использовать полученные сведения об особенностях организации глобально ориентированного обучения межкультурному иноязычному общению в рамках производственной практики.

Список источников

1. Абдулмянова, И. Р. (2010). Формирование профессионального тезауруса личности как цель профессионального образования. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2(92), 36–39.
2. Языкова, Н. В., & Макеева, С. Н. (2015). *Формирование методической компетенции учителя иностранного языка в университете*. Тезаурус.
3. Бердичевский, А. Л., Тарева, Е. Г., & Языкова, Н. В. (2021). *Профессиограмма современного учителя иностранного языка*. Флинта.

4. *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста.* (Ред. Е. Г. Борисова, Л. Г. Викулова). (2019). Флинта.
5. Колкер, Я. М., Крючков, В. А., Лиферов, А. П., Устинова, Е. С., & Шеина, И. М. (2005). *Образование для будущего в глобальной перспективе.* Азбуковник.
6. Фаст, Дж. (1997). *Язык тела.* Вече.
7. Maletzke, G. (2013). *Interkulturelle Kommunikation: Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen.* Westdeutscher Verlag.

References

1. Abdulmyanova, I. R. (2010). Formation of professional personal thesaurus as a goal of the professional education. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2(92), 36–39. (In Russ.).
2. Yazykova, N. V., & Makeyeva, S. N. (2015). *Formation of methodological competence of a foreign language teacher at the university.* Thesaurus. (In Russ.).
3. Berdichevskiy, A. L., Tareva, Ye. G., & Yazykova, N. V. (2021). *Professiogram of a modern foreign language teacher.* Flinta. (In Russ.).
4. *Marketing linguistics. Patterns of the promotional text.* (Ed. E. G. Borisova, L. G. Vikulova). (2019). Flinta. (In Russ.).
5. Kolker, Ya. M., Kryuchkov, V. A., Liferov, A. P., Ustinova, E. S., & Sheina, I. M. (2005). *A Global Perspective as a Vehicle for Education.* Azbukovnik. (In Russ.).
6. Fast, J. (1997). *Body Language.* Veche. (In Russ.).
7. Maletzke, G. (2013). *Interkulturelle Kommunikation: Zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen.* Westdeutscher Verlag. (In German).

Информация об авторе

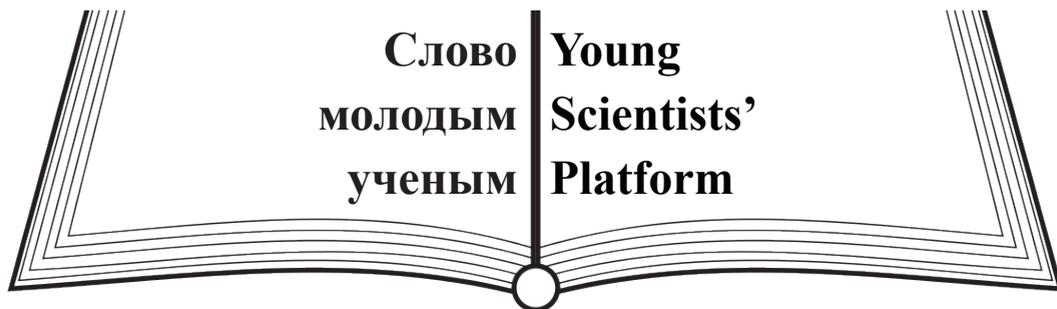
Андрей Александрович Колесников — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Andrei A. Kolesnikov — Doctor of Pedagogy, docent, professor of German studies and linguistic didactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 82.0

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.12

КАТЕГОРИЯ ТРАГИЧЕСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Ф. КРЮКОВА

Гао Хань

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

578382104@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-7734-1813>

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмысления категории трагического в творчестве Ф. Крюкова начала XX века. Крюков — писатель-реалист, политик и журналист; трагическое сознание является основной характеристикой его рассказов и эстетического выбора. Наиболее прямым и сильным способом выражения трагического сознания в произведениях Крюкова служит формирование образов трагических персонажей. Трагические сюжеты развиваются в повседневности, характеризующей картину мира донских казаков, и позволяют писателю многопланово выразить трагическое восприятие эпохи.

Ключевые слова: трагическое сознание, донские казаки, Ф. Крюков, А. Шопенгауэр.

Для цитирования: Гао Хань. (2023). Категория трагического в художественной прозе Ф. Крюкова. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 1(49), 142–150. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.12

Original article

UDC 82.0

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.12

CATEGORY OF TRAGIC
IN F. KRYUKOV'S PROSE

Gao Han

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia578382104@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-7734-1813>

Abstract. The article attempts to comprehend the tragedy in F. Kryukov's works dating back to the beginning of the 20th century. As a realist writer, a united politician and journalist, Kryukov considered tragic consciousness to be the leading feature of his stories and the aesthetic choice. The tragic consciousness of Kryukov's is unique in the way of expressing itself: designing tragic characters' images is done in the most direct and powerful way. Tragic plots develop against the daily routine of the Don Cossacks. The tragedy of Kryukov as an excellent writer would show the diversity and richness of connotations together with paying special attention to expressing tragic consciousness.

Keywords: tragic consciousness, Don Cossacks, F. Kryukov, A. Schopenhauer.

For citation: Gao Han. (2023). Category of tragic in F. Kryukov's prose. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 142–150. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.12

Трагические ситуации в судьбах персонажей Ф. Крюкова соотносены как с личной волей, так и с волей случая, волей «другого», что в определенной мере коррелирует с положениями трудов А. Шопенгауэра («Мир как воля и представление», 1818; «Parerga und Paralipomena» [гл. «К учению о страдании мира»], 1841, 1851) (Гардинер, 2003, с. 26–40; Матвеева, 2014, с. 159; Юдин, Бандурин, 2013). Данное соотношение дает основу для осмысления трагического у Ф. Крюкова как эстетической категории. Обращение к идеям Шопенгауэра объясняется тем, что философия трагедии была характерна «как для философских умонастроений XX века» в целом, так и для русской литературы начала XX века в частности: «Атмосферой трагического дышит почти вся литература Серебряного века в отличие от гармоничного духа классики» (Колобаева, 2013, с. 145).

Согласно концепции Шопенгауэра, неудовлетворенная воля индивидуума мучительна. Как утверждал Шопенгауэр в работе «К учению о страдании мира», жизнь человека в частности — комедия, в целом — трагедия, она представляет собой борьбу за существование, обреченную на поражение. Поскольку хотение человека не может быть полностью удовлетворено (объект хотения всегда обретает новый вид), жизнь представляется ошибкой, поэтому

необходимо освободиться от хотения и освободить себя от воли (стремления, желания). При этом воля — сущность человека, а воля человека — феномен мировой Воли. Вместе с тем страдание необходимо человеку для понимания смысла вечного бытия и достижения высшего сознания, как кораблю необходим балласт, чтобы не перевернуться. К признанию, пониманию страдания призывал и Л. Шестов, который писал о неизбежности трагического опыта, открывающего индивидууму «суетность всяких земных привилегий» (Баранова-Шестова, 1983, с. 146).

Философский пессимизм не был свойствен Крюкову, как не свойствен он его героям с их волей к жизни. Однако в сюжетах его повестей и рассказов достаточно трагических ситуаций как последствий конфликтов сознательной и бессознательной личной воли и объективных обстоятельств, воли и совести, воли и случая.

В целом на сюжеты художественных текстов проецируется вывод Шопенгауэра о типах трагического, в которых актуализированы такие экзистенциальные проблемы бытия, как судьба личности и боль жизни. Опираясь на произведения Еврипида, Софокла, У. Шекспира, Вольтера, Ф. Шиллера, Шопенгауэр вывел три типа трагического: 1) трагедия, вызванная необычайной злобой личности; 2) трагедия, вызванная слепой судьбой и случайными ошибками; 3) трагедия, вызванная разным статусом и взаимоотношениями людей (Шопенгауэр, 2015, с. 475). Шопенгауэр отдавал предпочтение третьему типу, который предполагает трагическое не как исключение, но как естественное и даже неизбежное следствие отношений характеров: «Мне кажется, что этот последний род трагедии гораздо предпочтительнее двух других, ибо он рисует нам величайшее несчастье не в виде исключения, не как продукт редкого сочетания обстоятельств или чудовищных характеров, а как нечто почти неизбежное, легко и само собой вытекающее из людских поступков и характеров, и именно этим являет несчастье в устрашающей близости к нам» (Шопенгауэр, 2015, с. 476).

Писатель-реалист, журналист, общественный деятель, Крюков изобразил жизнь казаков 1900–1910-х годов, осложненную чрезвычайными социальными и политическими обстоятельствами. В трагических событиях, описанных в его произведениях, минимизированы отношения злобы в межличностном общении и актуализированы конфликты внутренние или обусловленные как вмешательством случая, так и политическим выбором, идеей. Трагический результат цепи событий, связанных с социальным и семейным статусом главного героя (героини), представлен как следствие внутреннего конфликта, вызванного актом личной воли, в том числе ошибочным. Таким образом, изображение частной судьбы предполагает сочетание ряда предпосылок трагизма, соответствующих второму и третьему типу трагического в классификации Шопенгауэра.

В рассказе «Гулебщики (Очерк из быта стародавнего казачества)» (1892) повествуется о случайной гибели казака Филиппа. В начале рассказа описывается внешность персонажа: «Лицо у Филиппа было очень некрасивое:

смуглое, мазаное и рябое; нижняя губа была толстая и большая, нос тоже толстый и огромный» (Крюков, 1892, с. 54). Непривлекательная внешность не снижает его самооценки, поскольку героем управляет воля, которая придает цель его жизни. В нем сильна маскулинность, в своей повседневности он ценит добычу, женщину, мать. Он открыт миру и человеку: «Не в первый раз он видел эту степь, и всегда она захватывала и покоряла его себе», «Багор заливался соловьем: сильный, гибкий и высокий, голос его разливался тоскующими переливами и хватал за сердце», «Филипп, глядя в эти глаза и на ее черные, дугообразные, тонкие брови, почувствовал в груди легкое замирание» (Крюков, 1892, с. 56).

Привычной станичной жизни герой предпочитает волевое действие: услышав новость о предстоящем набеге на аул, он присоединяется к гулебщикам — охотникам в отъезде, отправляется с ними за лошадьми, добротной одеждой, за черкешенкой. В философской системе Шопенгауэра воля к жизни противопоставлена разуму: миром, движением организмов правит воля (бессознательный порыв), но не разум. В рассказе Крюкова иррациональная воля доминирует над разумом, героя не смущает ни аморальность предпринятого казаками грабежа, ни тревожные предчувствия матери: «Останься, родимый мой!.. Вот как у меня сердце болит... Сон ноне нехороший видала: как будто зуб выпал...» (Крюков, 1892, с. 64). Отсутствие чувства опасности коррелирует с зафиксированным в народных казачьих песнях принятием возможной гибели: «Пусть она не тужит, пусть не плачет обо мне; на то, знать, она родила меня, чтобы помереть в чужой стороне; расскажите ей, моей родимой, как кончалась моя жизнь» (Крюков, 1892, с. 66). Удачно начатый набег завершается трагически: на обратном пути казаки попадают в засаду к калмыкам и Филипп погибает. Итак, трагизм в рассказе вызван случаем.

Крюков описывает смерть как явление, в котором сочетаются экзистенциальная трагедия и бытийное соединение умершего с вечностью. Финальный эпизод рассказа отмечен авторским лиризмом. Описанная физическая боль в тмени и правом плече, ощущение теплой крови во рту сменяются мотивом спасительного покоя (использованы лексические эмотивы: «легкий», «приятный», «сладостный»). За натуралистическим и оскорбительным для личностного сознания описанием (калмык пикой прокалывает живот Филиппа, с него снимают одежду и т. д.) следует картина ясного звездного ночного неба. Крюков вводит в повествование деталь, связующую погибшего Филиппа и вечное небо, — старообрядческий медный крест на его шее. Так финал привносит в содержание рассказа метафизический смысл.

На контрасте с переходом героя в вечность дан тоскливый вой степного волка — своеобразного двойника живого Филиппа («точь-в-точь так, как пять дней назад заливался Филипп»: «он, сложив ладони в трубку и приложив к губам, завыл, как стая голодных волков» (Крюков, 1892, с. 73)).

Отношение автора к смерти сложнее философом Шопенгауэра («Мир как воля и представление», гл. «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа»). Внимание Шопенгауэра обращено к абстракции, внимание Крюкова сфокусировано на личности, он сочувствует герою и, не прибегая к философским комментариям, смягчает трагедию конца земного пути ощущением перехода к бессмертию. При этом Крюков не умаляет ценностей земного бытия.

Шопенгауэр пишет об онтологической ценности смерти, видит в смерти (временном конце) освобождение от страданий и путь к последующей земной жизни человечества. Таким образом минимизируется экзистенциальная ценность индивидуума. Свое умозаключение Шопенгауэр мотивирует логикой целесообразности мироустройства: общая все-мать (природа) оставляет своих детей без защиты, обрекает их на гибель, зная, что они падают в ее же лоно и в нем спасаются. В результате в философии Шопенгауэра формулируется мысль об эфемерности жизни и смерти.

В рассказах «Казачка» (1896), «Офицерша» (1912), «На речке Лазоревой» (1911) трагедия жизни также представлена результатом личной воли главных героев. Судя по сюжетам, Крюков разрабатывал различные версии трагического.

Названные рассказы свидетельствуют о разрушении нравственных основ в казачьем обществе. Крюков показывает, «как рвутся издавна уважаемые семейные и родовые связи, <...> как ослабевает духовный потенциал человеческого общежития» (Малюкова, 2019, с. 82). В «Казачке» самоубийство жалмерки Натальи — итог проявления воли к запретной любви. Острота трагизма обусловлена тем, что смерть героини — расплата за единственную измену мужу («кутнула раз») (Крюков, 1990, с. 58). Чем сильнее воля Натальи к свободе, тем очевиднее проявляются трагические смыслы повествования, апогей которых — ее смерть. В глазах станичников она грешница. Психологизм повествования обусловлен сочетанием любовной страсти, с одной стороны, и семейных обстоятельств, страхов и совести героини — с другой. Напряженность ситуации подчеркнута антитезой между искаженной судьбой героини и ее естественной красотой: «Смуглое лицо ее, продолговатое, южного типа, с тонким прямым носом, с тонкими черными бровями и глазами, опущенными длинными темными ресницами, было особенно красиво своей улыбкой» (Крюков, 1990, с. 26). Степень драматизации нарратива определена как сюжетом, так и двумя повествователями — имплицитным (автором) и эксплицитным (станичным интеллигентом — студентом Ермаковым).

В приведенных рассказах трагическое как философская категория представлено в традиционном варианте: в основу сюжета положен неразрешимый внешний или внутренний конфликт, предпосылкой к которому Крюков показывает акт свободной воли человека. При этом если в «Гулебщиках» главный мотиватор финала — роковая случайность, то в «Казачке» самоубийство

героини — проявление ее воли. Характерные для трагического нарратива катарсические состояния героев либо отсутствуют («Гулебщики»), либо минимизированы («Казачка»), тогда как катарсис читателя достигается через реакции повествователей.

История о также изменившей мужу жалмерке развернута в рассказе «Офицерша». Трагизм проявляется в неразрешимости внутреннего конфликта Варвары, тогда как события отмечены драматизмом — Клюев описывает разрешимую ситуацию: героиня освобождается от плода, вернувшийся со службы муж предпочитает станичной жизни город и оставляет семью, героиня соглашается на сожитительство со старым офицером. В рассказе трагизм внутреннего мира Варвары сменяется драматизмом судьбы, достигнутым через компромиссный выбор.

В рассказах «Казачка» и «Офицерша» представлен сходный опыт художественного осмысления трагического. Героинь сближает, во-первых, осознание своей самости и противоположной ей вины, которая приводит к состоянию тревоги, в итоге — к наказанию или самонаказанию (как освобождению от тревоги). Самоопределение, вина, тревога — мотивы, формирующие сложный психологический портрет героинь. Во-вторых, Наталья и Варвара не безупречны, не относятся к высоким героям: в конфликте между свободной волей и необходимостью обе находятся в слабой позиции. Крюков сводит трагическое к моральной проблематике, обнуляет его метафизический смысл. С содержанием рассказов коррелирует мысль, высказанная Ю. Боровым, согласно которой в истории литературы «трагический герой — носитель принципа, выходящего за рамки индивидуального бытия: некой всемирно-исторической идеи», сменился героем, в жизни которого трагическое проявляется как «обыкновенная история» (Борев, 2002, с. 69, 75).

Для трагических сюжетов самоубийство показательно как «момент истины» (Борев, 2002, с. 79). Помимо «Казачки», оно включено в историю героя из рассказа «На речке Лазоревой». Однако, в отличие от «Казачки», добровольная смерть в нем — показатель изломанной психики носителя абсолютного зла. Герой рассказа Кондрат Чекушев не знает вины, раскаяния, страха наказания. Он физически и морально истязает жену, унижает сына. Воплощенный кошмар семьи, он представляется рассказчику монументальной фигурой с занесенным кулаком, тогда как покорность его жены осмысливается как фатальное бессилие. Во время прилюдного семейного конфликта Кондрат встречает физический отпор сына; он смешон и жалок, его самоидентификация сломлена: «рыдал Кондрат Чекушев, бессильный и опозоренный, рыдал человек, ведавший блеск власти и почти неограниченного могущества, а ныне упавший до уличного посрамления» (Крюков, 1993, с. 268). Закончивший свою жизнь в петле, герой не вызывает сочувствия станичников, для них он — живодер, для сына — злодей. В причитаниях идущей за гробом жены звучит сожаление о том, что Кондрат не удавился раньше. В станице разрастается inferнальная

мифология: «говорят, каждую ночь к бабам является в избы... Прилетит, сядет на трубу и сидит... Чертей этих на нем, говорят, как грязи!.. Теперь до шести недель шататься будет, — ничего не поделаешь... Ладаном только спастись да святой водой на ночь кропить... А то одолеет!..» (Крюков, 1993, с. 268).

Другим средством защиты от боли жизни Шопенгауэр называет искусство (Андреева, 2001, с. 139): человеческий мозг, погруженный в литературу и искусство, входит в состояние объективного наблюдения за вещами. Эффект компенсаторной функции творчества описан в рассказе «Счастье» (1911). Главный герой — молодой казак, в котором станичники видят второго Кольцова. Он, автор лирических стихов и сатирической поэмы о блудливости военного писаря, вдохновляется поэзией классиков, погружается в чтение книг, которые «уносили его мысль из тесного и скудного впечатлениями угла в беспредельную область жизни яркой, богатой, заманчивой, возбуждали мечты, желания и зависть» (Крюков, 1990, с. 284); благодаря книгам жизнь предстает ему во всей сложности и многообразии, скука бытия сменяется восторгом. Сбывается предупреждение деда бежать от книг, как Лот от содомян: героя рассказа арестовывают как смутьяна и станичного социалиста.

Содержание финального эпизода рассказа противоположно мысли Шопенгауэра о том, что с окончанием художественного акта субъект возвращается в реальный мир, надевает оковы желая, по сути — возвращается к комплексу трагического. Главный герой, находясь в станичной каталажке и помня о намерении генерала отправить его на пять лет в Сибирь, испытывает счастье от сопричастности борцам за свободное слово. Как следует из всех рассказов Крюкова, счастье в аксиологии казачества занимает куда более значимое место, чем трагизм бытия. Соотношение счастья и трагического или драматического вариативно. Самоубийца Наталья («Казачка») «думала счастьеце найтить. Сердце потешить!» (Крюков, 1990, с. 58), ее стремление к счастью сменяется болью жизни, тогда как узник («Счастье») пребывает в предчувствии радостных перемен.

Выводы

Через все произведения Крюкова, «певца тихого Дона» (Андреева, 2001, с. 115), проходит тема личной воли и мировой Воли, выраженной в случае или сочетании устоявшихся внешних обстоятельств. Крюков не принадлежит к поучающим прозаикам. В подавляющем большинстве его рассказов страдания не снижают ценности земного бытия, в хотении (воле) нет ошибки или зла, индивид не чувствует себя ничтожным во времени и пространстве, что объясняется реалистичностью восприятия писателем конкретики, а именно менталитета донских казаков. Изображая живую жизнь, Крюков не опирается на абстрактную идею. При этом трагедия осмыслена им как экзистенциальная данность, потому в смерти он не отмечает онтологической целесообразности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гардинер, П. (2003). Артур Шопенгауэр. *Философ германского эллинизма*. Центрполиграф.
2. Матвеева, Е. В. (2014). Пессимизм в философии А. Шопенгауэра. *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*, 21, 158–161.
3. Юдин, К. А., Бандурин, М. А. (2013). Артур Шопенгауэр и судьба его идейного наследия в истории философии (К 225-летию со дня рождения (1788–2013)). *Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия*, 5, 26–40.
4. Колобаева, Л. А. (2013). Человек в ситуации «беспочвенности». Философия Льва Шестова и проза Алексея Ремизова. *Философия и литература: параллели, переключки и отзвуки (Русская литература XX века)*. Русский импульс, 188–173.
5. Баранова-Шестова, Н. Л. (1983). *Жизнь Льва Шестова (По переписке и воспоминаниям современников)*. La Presse Libre.
6. Шопенгауэр, А. (2015). *Афоризмы житейской мудрости*. Эксмо.
7. Крюков, Ф. Д. (1892). Гулебщики (Очерк из быта стародавнего казачества). *Исторический вестник: историко-литературный журнал*, 10, 53–73.
8. Малокова, Л. Н. (2019). «И покотился с грохотом обвал...» Судьба и творчество Ф. Д. Крюкова. Фланта.
9. Крюков, Ф. Д. (1990). *Рассказы. Публицистика*. Сов. Россия.
10. Борев, Ю. Б. (2002). *Эстетика: учебник*. Высш. шк.
11. Крюков, Ф. Д. (1993). *Казацкие мотивы: Повести, рассказы, очерки, воспоминания, стихотворение в прозе*. Худ. лит.
12. Андреева, И. С. (2001). *Артур Шопенгауэр: Жизнь и творчество*. РАН. ИНИОН.
13. Смирнова, Е. А., Смирнов, В. Б. (2003). «Певец тихого Дона» Ф. Д. Крюков: в поисках «своего» журнала. *Вестник ВолГУ. Серия 8, 3*, 114–129.

References

1. Gardiner, P. (2003). *Arthur Schopenhauer. Philosopher of Germanic Hellenism*. Tsentrpoligraf. (In Russ.).
2. Matveeva, E. V. (2014). Pessimism in the philosophy of A. Schopenhauer. *Intellectual potential of the 21st century: stages of knowledge*, 21, 158–161. (In Russ.).
3. Yudin, K. A., Bandurin, M. A. (2013). Arthur Schopenhauer and the fate of his ideological heritage in the history of philosophy (To the 225th anniversary of his birth (1788–2013)). *Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy*, 5, 26–40. (In Russ.).
4. Kolobaeva, L. A. (2013). A person in a situation of «groundlessness». Philosophy of Lev Shestov and prose of Alexei Remizov. *Philosophy and literature: parallels, echoes and echoes (Russian literature of the twentieth century)*. Russian impulse, 188–173. (In Russ.).
5. Baranova-Shestova, N. L. (1983). *Life of Lev Shestov (According to correspondence and memoirs of contemporaries)*. La Presse Libre. (In Russ.).
6. Schopenhauer, A. *Aphorisms of worldly wisdom*. (2015). Eksmo. (In Russ.).
7. Kryukov, F. D. (1892). Gulebshchiki (Essay from the life of the ancient Cossacks). *Historical Bulletin: historical and literary journal*, 10, 53–73. (In Russ.).
8. Malyukova, L. N. (2019). «And the collapse rolled with a roar...» The fate and work of F. D. Kryukov. Flinta. (In Russ.).

9. Kryukov, F. D. (1990). *Stories. Publicism. Sov. Russia.* (In Russ.).
10. Borev, Yu. B. (2002). *Aesthetics: Textbook. Higher School.* (In Russ.).
11. Kryukov, F. D. (1993). *Cossack motives: Tales, short stories, essays, memoirs, prose poet.* Artist. lit. (In Russ.).
12. Andreeva, I. S. (2001). *Arthur Schopenhauer: Life and work.* RAS. (In Russ.).
13. Smirnova, E. A., Smirnov, V. B. (2003). «Singer of the Quiet Don» F. D. Kryukov: in search of «own» magazine. *Vestnik VolGU. Series 8, 3*, 114–129. (In Russ.).

Информация об авторе

Гао Хань — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Gao Han — Postgraduate Student, Department of History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.13

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ЛЕКСИКА В ОПИСАНИИ ИБЕРО-АМЕРИКАНСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРАКТИК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА КОЭЛЬЮ НЕТУ «ВИХРЬ»)

Проклов Руслан Игоревич

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

Московский государственный лингвистический университет,

Москва, Россия

fermoso@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1996-8578>

Аннотация. Настоящая статья посвящена лингвокультурологическому анализу текста бразильского романа первой четверти XX века. В работе предпринимается попытка выявления и описания этнокультурного компонента религиозной лексики. Научный акцент сделан на изучении пласта лексических единиц, используемых в описании религиозных практик и содержащих этнокультурную компоненту. Анализ был осуществлен на материале изданного в 1906 году романа известного бразильского писателя Энрике Коэлью Нету «Вихрь» (Turbilhão), который считается одним из ключевых произведений бразильской литературы первой четверти XX века. Отметим, что религиозный ландшафт Бразилии достаточно разнообразен, в его основе лежат как традиционные христианские верования, так и религиозные практики миноритарных народов, проживающих на территории страны. Таким образом, актуальность статьи обусловлена необходимостью анализа лингвокультурологической специфики объективации религиозной компоненты бразильской этнокультуры в художественном дискурсе, а также отсутствием в отечественной науке лингвистических работ, посвященных тексту романа. Цель работы заключается в выявлении пласта этнокультурной лексики, используемой в описании различных религиозных практик. В работе представлены результаты анализа этнокультурной лексики с религиозным компонентом, ее количественный, качественный и лингвокультурологический анализ, а также уточняется понятие «этнокультурная лексика». В результате исследования устанавливается специфика использования этнокультурной лексики в бразильском художественном тексте начала XX века.

Ключевые слова: бразильская литература, бразильский роман, культурный код, португальский язык, религиозная практика, этнокультурная лексика.

Для цитирования: Проклов, Р. И. (2023). Этнокультурная лексика в описании иберо-американских религиозных практик (на примере романа Коэлью Нету «Вихрь»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 1(49), 151–162.* DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.13

Original article

UDC 811.134.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.13

**ETHNOCULTURAL LEXICAL UNITS AS DESCRIBED
IN IBERO-AMERICAN RELIGIOUS PRACTICES
(ON THE EXAMPLE OF COELHO NETO'S
NOVEL «TURBILHÃO»)**

Ruslan I. Proklov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

fermoso@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1996-8578>

Abstract. The article explores linguistic and cultural features of the novel «Turbilhão» by Coelho Netto. The work attempts to identify and describe the ethnocultural component in the religious consciousness of the Brazilians. The focal point of the study is to analyze ethnolexical units used to describe different religious practices confessed in Brazil and containing an ethno-cultural component. The data was obtained from the novel «Turbilhão» by Henrique Maximiano Coelho Netto published in 1906. The book is considered one of the key works of the Brazilian literature of the first quarter of the XX century. It should be noted that the religious landscape of Brazil is quite diverse; it is based on both traditional Christian beliefs and the religious practices of minorities living in the country. Thus, the relevance of the article is due to the need to analyze the linguocultural specificity of the religious component in the Brazilian ethnoculture represented in the novel, as well as the lack of linguistic works devoted to the text of the novel. The aim of the study is to identify the layer of ethno-cultural vocabulary used in the description of various religious practices. The paper presents the list of ethnocultural lexical units with a religious component, its quantitative, qualitative and linguoculturological analysis, and also clarifies the term «ethnocultural lexical unit». The findings offer a classification of ethnocultural vocabulary in the Brazilian literary text of the early XX century.

Keywords: Brazilian literature, Brazilian novel, cultural code, Portuguese language, religious practice, ethnocultural lexical units.

For citation: Proklov, R. I. (2023). Ethnocultural lexical units as described in Ibero-American religious practices (on the example of Coelho Netto's novel «Turbilhão»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 151–162. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.13

Введение

В центре внимания настоящей работы находятся вопросы взаимодействия языка и общества, а именно лексические единицы, воплощающие в себе «уровень культурного развития народа», анализ которых позволяет выявить культурные и мировоззренческие особенности

отдельного социума (Вербицкая, 2001, с. 12). Такие исследования дают возможность уточнить лингвистические, лингвокультурологические, социокультурные характеристики национальных вариантов языков, а также способствуют развитию междисциплинарного подхода в гуманитарном знании.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов, в частности отсутствием в отечественной филологии отдельных современных работ, посвященных анализу текста рассматриваемого романа и творчеству Коэльо Нету. Комплексная систематизация данных, связанных с различными аспектами бразильского общества, особенно религиозными, также не получила широкого распространения, однако нельзя не отметить попытки некоторых специалистов подготовить справочные материалы, описывающие лексическую систему верований коренных народов Бразилии (Сапрыкина, 2013).

В свете вышесказанного нам представляется целесообразным выявить пласт этнокультурной лексики, присутствующей в описании религиозных практик, осуществить ее качественный и количественный анализ, что в перспективе может быть применено для установки религиозного компонента культурного кода, формирующего этнокультурную специфику населения Бразилии, а также может представлять интерес для изучения иберо-американского региона в целом, однако целью настоящего исследования является выявление этнокультурных лексических единиц, используемых при описании различных религиозных практик в тексте романа, и описание их лингвокультурологической специфики.

В качестве эмпирического материала исследования используется текст изданного в 1906 году романа известного бразильского писателя Энрике Коэльо Нету «Вихрь» (*Turbilhão*). Центральной темой художественного произведения стали поиски сбежавшей из дома с богатым мужчиной эффектной и молодой девушки Виоланты. Ее родственники, прежде всего ее безработный брат Паулу, начинают поиск. История заканчивается достаточно драматично. Общий объем текста исследования составляет свыше 70 000 слов, или 400 000 знаков с пробелами. Роман считается одним из ключевых произведений эпохи бразильского премодерна, а его автор — одним из выдающихся бразильских романистов эпохи (Bosi, 2015).

Социокультурный контекст, в котором было написано рассматриваемое произведение, начало XX века, характеризуется становлением первой республики, а также формированием «социальных движений трудящихся», в которых определенную роль играло «религиозное содержание» (Фаусту, 2013, с. 223).

Методология исследования

В ходе исследования применялся метод непосредственной выборки, статистический анализ текста романа и качественный анализ отобранных единиц. Непосредственная выборка осуществлялась в отношении религиозной лексики,

содержащейся в тексте романа. Статистические данные были получены с помощью специализированного программного обеспечения WordSmith 8.0 с целью установления частотности использования отдельных этнокультурных лексических единиц. Качественный анализ применялся в отношении тех этнокультурных лексических единиц, которые представляют наибольшие сложности для их интерпретации, для чего используются соответствующие экспертные и справочные материалы.

Теоретическая база исследования

Базовой установкой при проведении исследований культурно-маркированной лексики является тезис о том, что «значения слов различных языков не совпадают (даже если они, за неимением лучшего, искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях), они отражают и передают образ жизни и образ мышления, характерный для некоторого данного общества, и представляют собой бесценные ключи к пониманию культуры» (Вежбицкая, 2001, с. 18).

В исследованиях культурно-маркированных лексических единиц, к которым относятся и этнокультурные лексические единицы, применяются различные подходы.

Многие авторы пишут, что культурная маркированность лексической единицы может рассматриваться через присутствие в ее семантической структуре «культурной коннотации» (Телия, 1996, с. 214). Таким образом, к денотативному значению лексической единицы может добавляться культурно окрашенная коннотация, которая и формирует культурный компонент лексической единицы.

В связи с этим можно говорить о двух типах «культурно-маркированных (лексических) единиц»: в первом культурная компонента выражается в денотативном значении, к примеру культурные реалии; к другому относятся те единицы, где «культурно значимая информация выражена в коннотативном аспекте значения» (Телия, 1996, с. 235).

В современной лингвистике существует множество подходов к определению и классификации культурно окрашенных лексических единиц. Наиболее релевантным для нашего исследования является пласт лексических единиц, содержащих национально-культурный компонент, способный манифестировать «неуловимые, но реальные явления, которые метафорически описываются как ... “национальная психология” и “душа народа” и т. п.» (Верещагин, 2005, с. 530). Такое рамочное понимание этого лексического пласта позволяет отнести к нему множество различных единиц, включая как культурные реалии, так и лексические единицы, где культурный компонент выражен культурной коннотацией.

В нашем исследовании мы прибегаем к термину «этнокультурная лексика». Данный термин не имеет четкого толкования в отечественной и зарубежной

лингвистике. Так, под этнокультурной лексикой могут пониматься не имеющие эквивалента культурные реалии, существующие в отдельных этносах (Старыгина, Кунгушева, 2022), однако при таком подходе не совсем ясно, чем он отличается от термина «культурная реалья», обозначающего «объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому»; а сами эти объекты являются «носителями национального и/или исторического колорита» (Влахов, Флорин, 1986, с. 47) культуры, к которой они относятся.

Другой подход предполагает равнозначность терминов «этнокультурная лексика» и «лексика с национально-культурным компонентом», при этом к этнокультурной лексике относится широкий пласт лексических единиц, имеющих как денотативное, так и коннотативное культурные значения, отражающие этнокультурную специфику социума и региона, в котором они имеют хождение (Ахметьянов, 1981; Данилова, 2022). Полагаем такой подход будет целесообразен для данного исследования. Тем не менее отметим, что в отношении лингвокультурологических исследований бразильского варианта португальского языка использование термина «этнокультурная лексика» будет предпочтительнее, что обусловлено подходом к бразильской государственности как этнической демократии, при котором ключевая роль отводится этно-, а не национальному компоненту (Мартынов, 2008).

Религиозная лексика образует отдельный пласт лексических единиц, используемых в рамках религиозной деятельности в прямом значении (Якимов, 2011), и обладает особой лингвокультурологической спецификой, к примеру русское слово «масленица» практически невозможно локализовать в бразильской культуре (Данилова, 2020), что позволяет говорить об особой этнокультурной специфике религиозной лексики в целом.

В рамках нашего исследования мы рассматриваем религиозную лексику как этнокультурную в тех случаях, когда она выходит за пределы религиозных учреждений и приобретает дополнительные культурные коннотации.

Понятие религиозной практики не имеет четкого определения. Оно используется в философии, теологии, социологии, антропологии и других социально-гуманитарных науках. Один из общепризнанных антропологических подходов к термину «религиозная практика» предполагает рассматривать ее не как «жесткую и установленную систему религиозных текстов, норм и институтов», не как постоянный «герменевтический процесс их переосмысления и прикладного корректирования», а как динамичную систему, постоянно наполняемую новыми смыслами: «их функции внутри религиозного комплекса и жизненного мира вообще — все это подвижно и подлежит постоянной интерпретации со стороны субъектов практики» (Русселе, 2006, с. 3). Таким образом, под религиозной практикой мы понимаем любое вербальное и невербальное обращение к трансцендентальным силам, при этом научный акцент в настоящем исследовании делается на вербальных средствах.

Результаты исследования

В тексте произведения используется значительный пласт лексики, объективирующий различные религиозные практики. В него входит свыше 400 лексических единиц, что составляет примерно 0,6 % от всего объема текста романа. Учитывая, что общая тематика произведения не связана с вопросами религии, такой показатель можно считать достаточно высоким.

Наиболее частотная единица Deus (Бог) имеет порядка 113 упоминаний, что занимает четверть от общего объема всей этнокультурной лексики, описывающей религиозные практики.

Предварительно религиозные этнокультурные лексические единицы можно разделить на две группы: первую обозначим как конвенциональные религиозные практики (традиционные конфессии), а вторую как неконвенциональные (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Классификация этнокультурной лексики с религиозным компонентом Classification of ethno-cultural vocabulary with a religious component

Конвенциональные		Неконвенциональные
Общепотребительные религиозные лексические единицы	Конкретные святые, места и предметы религиозного культа	
Alma (Душа), Anjo (Ангел), Anjos da Guarda (Ангел-хранитель), Deus (Бог), Diabo (Дьявол), Graça (Милость), Misericórdia (Милосердие), Nosso Senhor (Бог), Rezar (Молиться), Santo (Святой). Conceição (Непорочное зачатие), Conciliação (Примирение), Espírito Santo (Святой Дух), Semana Santa (Неделя перед Пасхой)	Cristo (Иисус, Христос), Bom Pai de Amor / Bom Pai (Бог/Отче), Cálice (Церковная чаша), Mãe de Jesus (Дева Мария), Nossa Senhora (Дева Мария), Senhor dos Passos (Иисус). Igreja do Outeiro (A Igreja do Outeiro da Glória / Церковь на Холме славы), Santa Luzia (Святая Лусия), São Cristóvão (Святой Христофор), São Pedro (Апостол Петр)	Bons Espíritos (Хорошие/добрые духи), Dragão (Дракон), Espiritismo (Спиритизм), Espírito (Дух в спиритическом понимании), Misticismo (Мистицизм), Pagão (Некрещеный/языческий человек)

Рассмотрим каждую из обозначенных групп подробнее. В конвенциональных религиозных практиках выделяется два пласта лексических средств (см. табл. 1): первый связан с общепотребительными религиозными лексическими единицами, второй — с упоминанием конкретных святых, мест и предметов религиозного культа.

В результате статистического анализа нами было установлено, что на эти лексемы приходится порядка 248 единиц, что составляет около 62 % от общего объема этнокультурных лексических единиц с религиозным компонентом. Использование обозначенных выше единиц связано с бытовой

коммуникацией и, как правило, выражает восклицание или обращение к трансцендентальным силам с призывом о помощи. Обратимся к конкретным примерам из текста романа:

Ó nhozinho! Que *milagre!* (здесь и далее курсив наш. — *Р. П.*) (17, р. 52) — Мой дорогой! Какое чудо!¹

Deus é grande e é Pai. Deus me livre! (17, р. 56) — Бог велик, он наш Отец. Спаси меня, Господи!

...fazendo uma oração ao *Senhor dos Passos*... (17, р. 96) — ...обращаясь к Иисусу Христу...

Como acredito em *Nosso Senhor*. (17, р. 120) — Так как верю в Нашего Господина (Бога).

Анализируя обозначенные примеры, отметим, что этномаркированные лексические единицы с религиозным компонентом используются в восклицательных предложениях и служат средством усиления эмоционального компонента, Бог воспринимается как последняя надежда. При этом стоит сказать, что сами по себе коммуникативные ситуации нередко связаны с повседневным бытом, к примеру оплатой аренды. В прямом значении обозначенные выше единицы в тексте романа не употребляются, таким образом, мы можем рассматривать их как часть бразильской этнокультурной традиции, маркирующей коммуникативное поведение.

Наблюдается достаточно обширный синонимический ряд к лексемам:

- Deus (Бог) — *Nosso Senhor* (Наш Господин), *Pai* (Отец/Отче), *Vom Pai, Pai de Amor*;
- *Maria* (Дева Мария) — *Nossa Senhora* (Наша Госпожа), *Maria Nazaré* (Мария из Назарета), *Mãe de Jesus* (Мать Иисуса);
- *Jesus* (Иисус) — *Senhor dos Passos*.

Иисуса называют *Senhor dos Passos*, где *Passos* (шаги) обозначают события, предшествующие распятию Христа. Такое наименование Христа получило распространение в Бразилии (Santos, 2015), что позволяет отнести данную лексическую единицу к культурной реалии.

Другой пласт лексических единиц связан с упоминанием конкретных святых или церквей. Среди святых отметим: Святую Люсию (*Santa Luíza*), Святого Кристофера (*São Cristóvão*), апостолов Петра (*São Pedro*) и Павла (*São Paulo*), среди мест религиозного культа в тексте упоминается *Igreja do Outeiro* (церковь на Холме славы)².

Выделим следующую лингвокультурологическую специфику приведенных выше лексических единиц: контекст их употребления связан с наименованием

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором статьи, при переводе мы пытаемся передать контекст и стилистику коммуникации, что в некоторых случаях может приводить к потерям денотативного значения единиц исходного языка. — *Р. П.*

² Холм славы — один из районов Рио-де-Жанейро.

различных топонимических единиц, как правило, улиц, площадей, пляжей или учреждений, к примеру: *rua do Espírito Santo* (улица Святого Духа), *teatro São Pedro* (театр Святого/апостола Петра), *praia de Santa Luzia* (пляж Святой Люсии).

Приведем несколько примеров:

Quando o bonde chegou à praia de *Santa Luzia*, Paulo comoveu-se... (Netto, 1906, p. 62) — Когда трамвай подъехал к пляжу Святой Люсии, Паулу растрогался...

...quando a negra mandou parar o bonde em frente ao teatro *São Pedro* (Netto, 1906, p. 131) — ...когда негритянка приказала остановить трамвай напротив театра Святого Петра.

Подчеркнем, что ни один святой вне обозначенных выше контекстов в тексте романа «Вихрь» не упоминается, что свидетельствует о высокой релевантности для бразильской этнокультуры христианских святых в целом и обозначенных выше в частности.

Пласт этнокультурных лексических средств, описывающих неконвенциональные практики, значительно меньше. Он выражен в общеупотребительных лексических единицах: *misticismo* (мистицизм), *espiritismo* (спиритизм), *espírito* (дух), *raão* (языческий) и т. д.

Данные единицы употребляются достаточно часто и, как правило, связаны со следующим контекстом:

Apareceu um *espírito* dizendo que ele tinha morrido num lugar desses. (Netto, 1906, p. 120) — Появился дух и сказал, что он умер в одном из этих мест.

...como se uma força *misteriosa* o prendesse (Netto, 1906, p. 235) — ...словно некая мистическая сила его схватила.

В приведенных выше примерах лексические единицы, связанные с неконвенциональными практиками, используются в прямом смысле, говорить здесь о какой-то специфике не приходится. Однако эти же единицы встречаются в таком контексте:

A negra protestou, defendendo a sua *crença* (Netto, 1906, p. 184) — Негритянка возразила, защищая свою веру³.

...*água* que eu trouxe lá da sociedade... (Netto, 1906, p. 120) — ...вода, которую я принесла из того сообщества...

Еще один пример: на страницах романа разворачивается диалог между донной Джулией и негритянкой Фелисией, которая предлагает своей хозяйке вылечить ревматизм с помощью воды из спиритического центра (Netto, 1906).

Таким образом, можно отметить тенденцию связывать темнокожее население Бразилии со спиритическими практиками.

Другие единицы присутствуют в названиях организаций, представляющих спиритические услуги: *Círculo Espírita Conciliação* (Спиритическое сообщество

³ Данная фраза вырвана из контекста, под словом «вера» героиня имеет в виду спиритизм.

примирения), Sociedade Espírita Allan Kardec (Спиритическое сообщество Аллана Кардека), Grupo Espírita Maria Nazaré (Спиритическая группа Марии из Назарета).

Рассмотрим подробнее эти названия:

- *Círculo Espírita Conciliação* (Спиритическое сообщество примирения) — в данном примере содержится лексема «примирение»; не заходя в область теологии, отметим, что это одна из констант христианства;

- *Sociedade Espírita Allan Kardec* (Спиритическое сообщество Аллана Кардека) — названо так в честь известного французского исследователя психических явлений и основателя французского спиритизма (Официальный сайт, 2022);

- *Grupo Espírita Maria Nazaré* (Спиритическая группа Марии из Назарета) — Мария из Назарета, или Дева Мария. Здесь мы также видим использование одного из ключевых сюжетов христианской культуры.

В названиях большинства организаций присутствуют элементы христианских верований, что свидетельствует о попытке отождествления этих организаций с христианством, они рассматриваются как часть, некая интерпретация религиозных текстов и обрядов. Также обратим внимание на популярность, которую получил Аллан Кардек в Бразилии: в его честь названа улица в штате Гояс, а также в настоящее время работает по меньшей мере девять центров предоставления спиритических услуг, которые носят его имя.

Еще одним случаем употребления этнокультурных лексических единиц, связанных с религиозными практиками, является их использование в названиях книг и организаций. Речь идет о трех случаях, в тексте романа упоминаются два произведения некоего Аурелью Мендеса (Aurélio Mendes) — «*Incréu*» (Netto, 1906, p. 194) и «*Idílios pagãos*» (Netto, 1906, p. 5), которые можно перевести как «Неверующий» и «Языческая идиллия» соответственно, а также название мастерской *antro do Dragão* (Логово дракона) (Netto, 1906, p. 7). Других единиц, используемых для обозначения иных артефактов культуры или организаций, в тексте романа не присутствует. Отметим, что как в отечественной, так и зарубежной справочной литературе упоминаний такого писателя или обозначенных выше произведений нам найти не удалось. Возможно, речь идет о малоизвестном современнике Коэльо Нету.

Заключение

В результате исследования можно констатировать, что получивший в начале XX века широкое признание роман «Вихрь» отражает определенные тенденции, связанные с религиозной жизнью Бразилии конца XIX – начала XX века.

В ходе анализа романа «Вихрь» удалось установить специфику использования этнокультурной лексики с религиозным компонентом. Она может применяться:

1) как средство эмоциональной окраски речи в бытовой коммуникации, как правило, для апелляции к трансцендентальным силам, чтобы перейти от сакрального к профанному;

2) как источник для наименования различных топонимов, артефактов культуры и названий учреждений, непосредственно связанных с неконвенциональными религиозными верованиями, и обычных коммерческих учреждений;

3) как расово-дифференцирующая лексическая единица.

Полученные результаты свидетельствуют не только о значимости религиозного компонента для бразильской этнокультуры, но и необходимости проведения комплексных исследований использования религиозной лексики в профанном значении.

Список источников

1. Ахметьянов, Р. Г. (1981). *Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья*. Наука.
2. Вежбицкая, А. (2001). *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Языки славянской культуры.
3. Вербицкая, Л. А. (2015). Язык и общество. Роль языка в жизни общества. *Педагогика*, 2, 3–18.
4. Верещагин, Е. М., & Костомаров, В. Г. (2005). *Язык и культура. Три лингво-страноведческие концепции: лексического фона, речеведческих тактик и сапиентемы*. Индрик.
5. Влахов, С., & Флорин, С. (1986). *Непереводимое в переводе*. Высш. шк.
6. Данилова, В. А. (2020). «Энциклопедия русской жизни» на португальском языке: лингвокультурная адаптация на лексическом уровне. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 4, 169–179.
7. Данилова, В. А., & Тивьяева, И. В. (2022). Культурная информация в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: стратегии и способы ретрансляции в португальских переводах. *Обучение иностранным языкам*. Т. 49, 3, 285–298.
8. Мартынов, Б. Ф. (2008). *Бразилия — гигант в глобализирующемся мире*. Российская акад. наук, Ин-т Латинской Америки. Наука.
9. Официальный сайт Аллана Кардека в сети Интернет. (2022, 17 марта). <https://allankardec.org>
10. Русселе, К., & Агаджанян, А. (2006). *Религиозные практики в современной России*. Новое издательство.
11. Сапрыкина, О. А. (2013). Материалы к словарю бразильского фольклора. *Вопросы иберо-романистики*, 13, 86–93.
12. Старыгина, Г. М., & Кунгушева, И. А. (2017). Этнокультурная лексика русских и китайских народных праздников. *Вестник Амурского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки, 76, 148–153.
13. Телия, В. Н. (1996). *Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты*. Шк. «Языки рус. культуры».
14. Фаусту, Б. (2013). *Краткая история Бразилии*. Весь мир.
15. Якимов, П. А. (2011). О сущности понятия «религиозная лексика» в современной лингвистике. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 11(130), 74–76.

16. Bosi, A. (2015). *História concisa da literatura brasileira*. Cultrix.
17. Netto, C. (1906). Turbilhão. (2022, 7 января). <http://www.bibliologista.com/2014/03/o-turbilhao-de-coelho-neto.html>
18. Santos, M. F. J. (2015). *O prefácio dos tempos: caminhos da romaria do Senhor dos Passos em Sergipe (séculos XIX e XX)*. Niterói.

References

1. Ahmet'janov, R. G. (1981). *The general vocabulary of the spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region*. Nauka. (In Russ.).
2. Vezhbitskaya, A. (2001). *Understanding cultures through keywords*. Languages of Slavic culture. (In Russ.).
3. Verbitskaya, L. A. (2015). Language and society. The role of language in the life of society. *Pedagogy*, 2, 3–18. (In Russ.).
4. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (2005). *Language and culture. Three linguocultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapienteme*. Indrik. (In Russ.).
5. Vlahov, S., & Florin, S. (1986). *Untranslatable in translation*. High school. (In Russ.).
6. Danilova, V. A., & Tivyaeva, I. V. (2020). «Encyclopedia of Russian Life» in Portuguese: Linguocultural Adaptation on Lexical Level. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 4, 169–179. (In Russ.).
7. Danilova, V. A., & Tivyaeva, I. V. Culture specific information in «Eugene Onegin» by A. S. Pushkin: Rendering strategies in Portuguese translations. *Teaching Foreign Languages*, Vol. 49, 3, 285–298. (In Russ.).
8. Martynov, B. F. (2008). *Brazil is a giant in a globalizing world*. Russian acad. Sciences, Institute of Latin America. The science. (In Russ.).
9. Allan Kardek's official web page. (2022, March 17). <https://allankardec.org>
10. Rousselet, K., & Agadzhanian, A. (2006). *Religious Practices in Modern Russia*. New publishing house. (In Russ.).
11. Saprykina, O. A. (2013). Materials for the dictionary of Brazilian folklore. *Issues of Ibero-Romanism*. 13, 86–93. (In Russ.).
12. Sarygina, G. M., & Kungusheva, I. A. (2017). Ethnocultural language Russian and Chinese people's holidays. *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanitarian Sciences*, 76, 148–153. (In Russ.).
13. Telia, V. N. (1996). *Russian Phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. School «Languages of Russian Culture». (In Russ.).
14. Faust, B. (2013). *Brief history of Brazil*. The whole world. (In Russ.).
15. Yakimov, P. A. (2011). On the essence of the concept of «religious vocabulary» in modern linguistics. *Bulletin of the Orenburg State University*, 11(130), 74–76. (In Russ.).
16. Bosi, A. (2015). *História concisa da literatura brasileira*. Cultrix. (In Portuguese).
17. Netto, C. (1906). Turbilhão. (2022, January 7). <http://www.bibliologista.com/2014/03/o-turbilhao-de-coelho-neto.html> (In Portuguese).
18. Santos, M. F. J. (2015). *O prefácio dos tempos: caminhos da romaria do Senhor dos Passos em Sergipe (séculos xix e xx)*. Niterói. (In Portuguese).

Информация об авторе

Руслан Игоревич Проклов — старший преподаватель кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, аспирант кафедры португальского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Ruslan I. Proklov — senior lecturer at the Department of psychology of language and teaching foreign languages of Lomonosov Moscow State University, postgraduate of Portuguese language department, Faculty of Translation, Moscow State Linguistic University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.14

**А. И. СОЛЖЕНИЦЫН
В БОЛГАРСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ****Черникова Наталья Александровна**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

natti.natt@yandex.ru

Аннотация. В статье освещены основные направления изучения творчества А. И. Солженицына в болгарской русистике. Представлены переводы произведений автора на болгарский язык, а также рассмотрены основные монографии болгарских ученых о творчестве писателя. Раскрываются социокультурный и политический аспекты формирования восприятия личности Солженицына в общественном сознании братского народа. Поднимается вопрос распространения запрещенных книг автора в болгарском самиздате. Рассматриваются события, связанные с именем Солженицына и получившие широкий общественный резонанс в Болгарии. Определяется место писателя в современном литературном процессе Болгарии.

Ключевые слова: болгарская русистика, А. С. Солженицын, переводы, идеология, Союз болгарских писателей, самиздат, премия Христо Ботева.

Для цитирования: Черникова, Н. А. (2023). А. И. Солженицын в болгарской социокультурной среде. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 1(49), 163–171. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.14

Original article

UDC 821.161.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.14

**ALEKSANDR I. SOLZHENITSYN
IN BULGARIAN SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT****Natalia A. Chernikova**Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

natti.natt@yandex.ru

Abstract. The article highlights the principal areas of studying A. I. Solzhenitsyn's works within the framework of the Bulgarian Russian Studies. There are Russian-to-Bulgarian translations as well as the renowned monographs of Bulgarian scientists on the writer's

work considered. The article also reveals the socio-cultural and political aspects of Solzhenitsyn's personality perception in the public consciousness of the brotherly people. The paper regards the problem of distributing the writer's forbidden books in the Bulgarian samizdat. The events connected with the name of Solzhenitsyn and received a wide public response in Bulgaria are considered. The place of the writer in Bulgarian modern literary process is determined.

Keywords: Bulgarian Russian studies, A. S. Solzhenitsyn, translations, ideology, Union of Bulgarian Writers, samizdat, The International Botev Prize.

For citation: Chernikova, N. A. (2023). Aleksandr I. Solzhenitsyn in Bulgarian socio-cultural environment. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 163–171. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.14

Александр Исаевич Солженицын воспринимается болгарским культурным сообществом как российский писатель-эмигрант, автор произведений, которые активно изучаются болгарскими литературоведами, а также как фигура, вокруг которой до сих пор ведутся многочисленные споры. Связано это в первую очередь с тем, что болгарская общественность как в 1960–1990-е годы, так и в настоящее время ассоциирует имя писателя не только с его творчеством, но и с политическими событиями, происходившими в жизни страны. Болгарский писатель-диссидент Г. Марков (1929–1978), во многом повторивший судьбу Солженицына (за антиправительственные взгляды Марков был исключен из Союза писателей Болгарии, его произведения были запрещены, а автор лишен гражданства), считал, что Солженицын — фигура, отразившая целую эпоху: «Есть писатели, которые объединяют судьбу своих литературных персонажей со своей судьбой, писатели, которые становятся личностями эпохи, писатели, для которых творец и гражданин — одно и то же»¹ (Марков, 1991, с. 20). Болгарский исследователь В. Радинова, рассуждая о месте автора в современном литературном процессе, отмечает, что лишь на первый взгляд может показаться, что «болгарские читатели потеряли интерес к литературной жизни в России, а Солженицын, известный прежде всего своими антисоветскими произведениями, совершенно неактуален для современного человека» (Радинова, 2002). Писатель, как утверждает литературовед, «сложный культурный феномен, мыслитель и борец, добившийся правды, веры и свободы» (Радинова, 2002). Литературовед М. Костова-Панайотова, анализируя художественный мир Солженицына, делает акцент на многоликости его прозы: «У этого художника тонкое чувство прекрасного. Его художественный мир — это вертикальный мир, являющийся частью многогранной реальности, в которой присутствуют и физическое начало, и метафизическая реальность. <...> Среди центральных проблем в произведениях Солженицына от “Одного дня Ивана Денисовича” до “Знают истину танки!” — проблема обретения свободы, ценности человеческой жизни,

¹ Здесь и далее перевод с болгарского мой. — Н. Ч.

страдания и широты души как смысла земного существования» (Костова-Панайотова, 2009). Крупный болгарский исследователь творчества писателя В. Донева, характеризуя творческий процесс автора, заявляет, что «Солженицын создает язык времени» (Донева, 2011, с. 11).

История знакомства болгарской общественности с творчеством автора началась с повести «Один день Ивана Денисовича». Болгарский переводчик М. Наков констатирует, что «Солженицын “прогремел как гром среди ясного неба” (слова болгарского писателя И. Вазова. — *Н. Ч.*). Мы ничего не слышали о нем до тех пор, пока совершенно неожиданно поздней осенью 1962 года у нас не появился “посланник”. Этим “посланником” стала повесть “Один день Ивана Денисовича”» (Наков, 2003, с. 53). В конце 1962 года в газете «Литературен фронт» («Литературный фронт») вышел перевод повести, подготовленный П. Аджаровым, политическим эмигрантом в СССР, сидевшим в сталинских лагерях. В 1963 году повесть тиражом 31 000 экземпляров выходит отдельным изданием в переводе В. Райчева (Казански, 2020). Второе издание произведения появилось в 1990 году («Интерпринт»). В книгу, над которой Райчев работал с группой других переводчиков (М. Наков, Л. Минкова, Р. Григорова), были добавлены еще пять рассказов Солженицына: «Матренин двор», «Захар-Калита», «Пасхальный крестный ход», «Как жаль», «Правая кисть» (Наков, 2003, с. 54). В 2018 году издательство «Колибри» переиздает повесть «Один день Ивана Денисовича» (издание посвящено 100-летию со дня рождения писателя). В специальном выпуске газеты «Култура» («Культура») № 4 за 2018 год, также посвященном знаменательной дате, представлена дискуссия ученых Д. Кюранова и П. Дойнова, в ходе которой литературоведы делают многочисленные отсылки к этому произведению. Кюранов признает, что «до сих пор воспринимает Солженицына с позиции болгарского читателя»: «Речь идет о том, как коммунизм, навязанный СССР, отразился на Болгарии, на формировании общественного мнения. “Иваном Денисовичем” Солженицын пробил дыру в реальность, <...> которая была скрыта от нас» (Кюранов, Дойнов, 2018, с. 7). Исследователь Касабов утверждает, что во многом эта книга стала связующим звеном эпохи между двумя нашими странами: «Если говорить о преемственности между Россией и Болгарией, то в значительной степени повесть “Один день Ивана Денисовича” могла бы стать книгой нашего прошлого» (Касабов, 2019).

После 1989 года в Болгарии происходит, как считает Наков, повторный всплеск интереса к прозе и публицистике Солженицына. В двух выпусках журнала «Факел» (№ 3, 1990 г. и № 5–6, 1992 г.) были напечатаны отдельные главы «Архипелага ГУЛАГ» в переводе И. Дойчинова (Наков, 2003, с. 54). В 1993 году в издательстве «Народна култура» вышли в свет первые два тома «Архипелага ГУЛАГА» (также перевод Дойчинова). Как отмечает российский исследователь Н. А. Лунькова, полный текст произведения был представлен в Болгарии только в 2015 году: «В феврале 2015 г. в Софии состоялась презентация издания первого полного перевода романа “Архипелаг ГУЛАГ” А. И. Солженицына на болгарский язык. Фонд “Комунитас”

представил роман в трех томах в переводе Татьяны Ваксберг (1 т.) и Зои Котовой (2–3 т.)» (Лунькова, 2016, с. 95).

Роман «Раковый корпус» вышел в 1993 году в двух разных переводах: А. Бежанска и Г. Миланова, а в 1995 году Миланов представил публике перевод романа «В круге первом» (Наков, 2003, с. 55). В настоящее время «Комунитас» активно переиздает произведения писателя: в 2020 году в переводе Д. Кюранова выходит роман «Раковый корпус», а в 2021 году — «В круге первом».

Наков отмечает, что единственным полностью не переведенным на болгарский язык масштабным произведением на сегодняшний момент остается роман-эпопея «Красное Колесо»: «...эта книга не знакома широкой читательской аудитории и вряд ли будет переведена на болгарский язык в ближайшие годы» (Наков, 2003, с. 55). Необходимо сказать, что были попытки перевести фрагменты книги: отдельные главы романа «Август Четырнадцатого» вышли в переводе Б. Мисиркова в 1995 году в литературном журнале «Ах, Мария», № 1. При этом многочисленные рецензии на произведение дают основания полагать, что многие болгарские ученые читали «Красное Колесо» в оригинале. Исследователь В. Радинова, к примеру, считает, что «“Красное Колесо” — это попытка выяснить, где Россия ошиблась. Неудачный, но замечательный опыт» (Радинова, 2002). М. Костова-Панайотова отмечает, что «идею служения добру или злу через панораму общественной жизни страны Солженицын продолжает в “Красном Колесе” — эпосе, охватывающем события в истории Российского государства первой четверти XX века» (Костова-Панайотова, 2009).

Что касается публицистики автора, то в 1990 году Б. Мисирков представляет публике перевод фрагментов автобиографической книги «Бодался теленок с дубом»; полная версия произведения появилась в 1998 году. В 1990-е переведены некоторые другие произведения автора: «Черты двух революций» («Литература», 1993, № 1), «Как нам обустроить Россию» («Демократически преглед», 1994, № 7 — сокращенный перевод), «Слово, произнесенное в Букингемском дворце» («Факел», 1997, № 3–4), «Интервью» («Изток-Изток», 1995) и др. (Наков, 2003, с. 55). В последние годы публицистика Солженицына почти не переиздается. Но, например, в 2018 году Т. Николов, главный редактор газеты «Култура», в юбилейном номере публикует эссе писателя «Жить не по лжи!». Подобный эксперимент, как отмечает редактор, дает возможность перечитать автора и посмотреть, как его идеи звучат «в настоящее время пост-правды». «В этом тексте Солженицын с присущей ему фанатичной бескомпромиссностью настаивает: “Он <...> не подпишет и не купит в рознице такую газету или журнал, где информация искажается, первосущные факты скрываются”. Делаем ли это мы? Если ответ “нет”, похоже, мы продолжаем жить во лжи», — констатирует Николов (Николов, 2018, с. 1).

Если обратиться к основным аспектам изучения творчества автора в Болгарии, то можно выделить две масштабные монографии: книги Н. Христовой «Болгарский скандал “Солженицын” (1970–1974)» (София, 2000) и В. Донева

«Александр Солженицын. Классика против канона» (Велико Тырново, 2011). В них творчество Солженицына рассмотрено как с социокультурной и политической, так и с литературоведческой точки зрения.

Христова выделяет целый ряд политических событий, связанных с именем Солженицына и получивших большой резонанс среди болгарской общественности. Исследователь, например, подробно останавливается на том, как Союз болгарских писателей принимал активное участие в «скандале», который был связан с присуждением писателю Нобелевской премии по литературе (1970). В это время в Болгарии проводилась Вторая Национальная конференция болгарских писателей. На последнем, пятом заседании речь шла о Солженицыне. Г. Джагаров, председатель Союза болгарских писателей, ознакомил присутствующих с письмом, где явно осуждалось творчество автора: «Трудно смириться с тем фактом, что этот акт продиктован литературными достоинствами произведений А. И. Солженицына. <...> Около кандидатуры этого писателя была организована провокационная кампания против советской литературы, которая дала свету столько крупных имен и произведений и вдохновляла и вдохновляет своим гуманизмом и высокими идеалами» (Христова, 2000, с. 68). По утверждению Христовой, правительство Болгарии оказало большое давление на писателей, и те были вынуждены выступить против присуждения премии автору. В архивных документах были обнаружены подписи известных болгарских писателей например Емилияна Станева, Йордана Радичкова, поступивших подобным образом в угоду советской власти (Христова, 2000, с. 74). По итогам голосования в конце конференции были озвучены такие результаты: большая часть присутствующих подписали декларацию, четыре члена союза воздержались, и лишь один писатель выступил против. Деятели культуры, которые воздержались от голосования (сценарист Христо Ганев, поэт Валерий Петров, театральный критик Гочо Гочев и писатель-сатирик Марко Ганчев) или проголосовали против (поэт Благой Димитров), было выдвинуто обвинение, в результате чего беспартийный Благой Димитров был исключен из Союза болгарских писателей, а остальные — из партии (Христова, 2000, с. 78). Болгарский писатель Марков вспоминал, что многие современники Солженицына не могли напрямую высказывать свою точку зрения относительно творчества писателя в силу объективных причин: «Я вынужден отметить, что Союз болгарских писателей не мог выражать точку зрения всей нашей национальной литературы <...>. Члены этого союза также добавили свои голоса к резолюции, выступив против Солженицына. Документ этот фактически является документом об исключении Союза болгарских писателей из Союза достоинства» (Марков, 1991, с. 25).

Были и другие общественные деятели, которые отказались подчиняться требованиям партии. Одним из них стал, к примеру, научный сотрудник Института литературы Болгарской академии наук Л. Иванов-Цветков, который в 1970 году был осужден на пять лет за распространение «вражеской

литературы» — произведений Солженицына (Казански, 2020). В 1973 году был арестован святой отец Петр Васильковский за перевод письма Солженицына «“Великопостное письмо” Патриарху Пимену», которое затем было распространено в болгарском самиздате (Кюранов, Дойнов, 2009, с. 7).

Также большую огласку получило «дело Солженицына» 1974 года — судебный процесс над эмигрантами из СССР В. Ю. Макаровым, Ф. А. Беляковским, а также Катрин Львов, которая эмигрировала во Францию и не раз бывала в Болгарии. Они, как отмечает исследователь Н. Казански, распространяли в Болгарии не только произведения Солженицына, но и тексты других запрещенных советских авторов (Казански, 2020).

Если в книге Христовой представлен политический аспект формирования восприятия личности Солженицына в общественном сознании болгарского народа, то в монографии В. Донева «Александр Солженицын. Классика против канона» более подробно проанализирован творческий метод автора. Донов подробно рассматривает три произведения писателя: «Один день Ивана Денисовича», «Раковый корпус» и «Архипелаг ГУЛАГ». В первой главе книги литературовед анализирует художественную модель лагерной прозы Солженицына в контексте традиций Ф. М. Достоевского. В этом вопросе литературовед во многом опирается на российскую литературоведческую науку (например, исследования В. Н. Захарова, В. Г. Краснова и др.). К примеру, Краснов в монографии «Солженицын и Достоевский: искусство полифонического романа» отмечает: «В своих попытках определить место Солженицына в русской литературе большинство критиков связывает его с Толстым, находя между ними сходство, как в стилистике, так и в философии. Что же касается Достоевского, то сходство с ним обычно считают случайным и поверхностным. Однако сам Солженицын заявил в 1967 году, что в своем творчестве он использует стратегию полифонического романа, которая неразрывно связана с именем Достоевского» (Краснов, 2012, с. 410). Захаров, обращая внимание на сходство творческих методов двух писателей, констатирует: «В целом и Достоевского, и Солженицына роднит нечто большее, чем то, что возникает в процессе влияний, подражаний и пр., — их сближает и делает конгениальными принадлежность к одной литературной традиции — русской христианской словесности» (Захаров, 2005, с. 413).

Болгарский литературовед проводит комплексный анализ произведения Достоевского «Записки из Мертвого дома» и характеров, которые изображаются в произведениях Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ», отмечая, что оба писателя выступают психологами и пытаются объяснить, что чувствует человек на свободе и как он приспосабливается к условиям, находясь в тюрьме (Донов, 2011, с. 24). При этом Достоевский рисует «психологический портрет преступника», описывает его характер и ценности, но также касается судьбы и характера русского народа и его представителей на каторге. Интерес, который проявляет Донов при изучении произведения Достоевского, определен желанием лучше понять душу русского человека. Достоевский

открывает в человеке на каторге то, что отличает русского человека в целом — чувство собственного достоинства, а «высшей чертой русского характера» называет «чувство справедливости» (Донев, 2011, с. 26). С точки зрения Донева, эту линию продолжает Солженицын в своих произведениях, хотя, несомненно, трансформирует ее и идет своим путем. «Исповедальная форма» помогает Солженицыну изобразить «напряженный, всесторонний историко-документальный и морально-психологический анализ» (Донев, 2011, с. 28).

Во второй главе «Роман “Раковый корпус”. Классика против канона» Донев подробно анализирует это произведение Солженицына. Здесь же болгарский литературовед объясняет метафору, предложенную в заглавии монографии «Классика против канона». Исследователь ставит ряд вопросов, которые, с его точки зрения, пытается разрешить Солженицын в своем произведении: «Как рассказать правду о советской действительности по законам социалистического реализма? Можно ли бросить вызов советскому канону, разоблачить доминирующую эстетику?» По мнению литературоведа, Солженицын раскрывает «сущность советского канона, интересуясь его антропологическими характеристиками и духовностью русского человека XX века — его идеологией, менталитетом, поведенческими моделями, сохранением или деформацией мировоззрения XIX века» (Донев, 2011, с. 82–83). В третьей главе предлагается общая оценка творческого метода автора, а также делается попытка соотнести творчество писателя, его лагерную прозу с работами представителей общественной мысли XX века.

В последние годы при изучении русской литературы XX–XXI веков в Болгарии творчество Солженицына во многом воспринимается как связующее звено, объединяющее болгарскую и русскую литературу. В 2008 году Солженицыну была присуждена награда, имеющая большое значение для болгарской культуры и единения двух стран: автор был удостоен учрежденной в Болгарии Международной литературной премии имени Христо Ботева — известного болгарского поэта (премия присуждается российскому писателю по случаю 160-летия со дня рождения Ботева).

Профессор Иллинойского университета Р. Темпест, председатель жюри, болгарин по матери, объявил имя победителя, назвав Солженицына объединяющим звеном культуры России, Болгарии и Америки: «Для меня он один из тех писателей, которых очень немного в болгарской, российской и американской истории. Это те писатели, которые создают художественные миры, целые планеты, и именно эти планеты имеют свое собственное маленькое человечество» (Темпест, 2008). Болгарские и международные деятели науки и культуры, входящие в состав жюри, также поддержали идею присудить награду именно Солженицыну: македонский писатель Б. Цветковски, лауреат Ботевской премии 2001 года; бывший министр культуры Г. Йорданов; заместитель мэра столичного муниципалитета Й. Фандакова; болгарский ученый и политик К. Петков; председатель Союза болгарских писателей Николай Петев и др.

Таким образом, необходимо отметить, что Солженицын оставил огромный след как в литературоведческой науке, так и в общественной жизни Болгарии, а также во многом объединил судьбы двух стран и нескольких поколений. Творчество автора оказало влияние на судьбу некоторых болгарских писателей, современников Солженицына. При этом многочисленные положительные оценки творчества автора, переиздание его произведений в Болгарии в настоящее время, а также интерес к личности писателя как в советскую эпоху, так и в последние годы делают Солженицына одной из важнейших фигур в сознании болгарского народа.

Список источников

1. Марков, Г. (1991). *Когато часовниците са спрели. Нови задочни репортажи за България*. Издателска къща «Пейо К. Яворов».
2. Радинова, В. (2002). *Проблемът Солженицин — на 80 години*. <https://litenet.bg/publish5/vradinova/solzhenicin.htm>
3. Костова-Панайотова, М. (2009). *Меч, наточен срещу нечистата сила. Почина Александър Исаевич Солженицин*. https://litenet.bg/publish5/m_kostova/solzhenicin.htm
4. Донеv, В. (2011). *Александр Солженицин. Класика срещу канон*. Фабер.
5. Наков, М. (2003). Какво четем от Ал. Солженицин на български? *Българска русистика*, 3–4, 53–38.
6. Кюранов, Д., & Дойнов, П. (2018). Писане с тялото, Солженицин и България. *Култура*, 7–13.
7. Касабов, М. (2019). *Книга от нашето минало*. <https://kultura.bg/web/книга-от-нашето-минало>
8. Лунькова, Н. А. (2016). Русская литература на болгарском книжном рынке в XXI в. *Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы*, 89–97.
9. Казански, Н. Р. (2020). *Солженицин в България: 100 години от рождението му*. <https://fakel.bg/александър-исаевич-солженицин-в-бълг/>
10. Николов, Т. (2018). Препрочитайки Сълженицин. *Култура*, 1.
11. Христова, Н. (2000). *Българският скандал «Солженицин» (1970–1974)*. Аб Издателско ателие.
12. Краснов, В. Г. (2012). *Солженицин и Достоевский: Искусство полифонического романа*. Изд-во Ун-та Джорджии.
13. Захаров, В. Н. (2005). О глубинных совпадениях Солженицына и Достоевского. *Между двумя юбилеями 1998–2003: Писатели, критики, литературоведы о творчестве А. И. Солженицына: Альманах. Русский путь*, 409–413.
14. Кирова, М. (2009). *Руската литература в България след 1989*. <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/16285>
15. Темпест, Р. (2008). *Ботевска награда за Александър Солженицин*. <https://news.bg/culture/botevska-nagrada-za-aleksandar-solzhenitsin.html>

References

1. Markov, G. (1991). *When the clocks have stopped. New extramural reports for Bulgaria*. Publishing House «PeYo K. Yavorov». (In Bulgarien).

2. Radinova, V. (2002). *The Solzhenitsyn problem — in the 80s*. <https://litenet.bg/publish5/vradinova/solzhenicin.htm> (In Bulgarian).
3. Kostova-Panayotova, M. (2009). *Sword, sharpened against the unclean force. Alexander Isaevich Solzhenitsyn died*. https://litenet.bg/publish5/m_kostova/solzhenicin.htm (In Bulgarian).
4. Donev, V. (2011). *Alexander Solzhenitsyn. Classics versus canon*. Faber. (In Bulgarian).
5. Nakov, M. (2003). What we read from Al. Solzhenitsyn in Bulgarian? *Bulgarian Russian Studies*, 3–4, 53–38. (In Bulgarian).
6. Kyuranov, D., & Doinov, P. (2018). Writing with the body, Solzhenitsyn and Bulgaria. *Culture*, 4, 7–13. (In Bulgarian).
7. Kasabov, M. (2019). *Book from our past*. <https://kultura.bg/web/kniga-ot-nashe-to-minalo/> (In Bulgarian).
8. Lunkova, N. A. (2016). Russian prose on the Bulgarian book market in the 21st century. *Literary translation and its role in the literary process of Central and South-Eastern Europe*, 89–97. (In Russ.).
9. Kazansky, N. R. (2020). *Solzhenitsyn in Bulgaria: 100 years since his birth*. <https://fakel.bg/александър-исаевич-солженицин-в-бълг/> (In Russ.).
10. Nikolov, T. (2018). Rereading Solzhenitsyn. *Culture*, 1. (In Bulgarian).
11. Hristova, N. (2000). *The Bulgarian scandal «Solzhenitsyn» (1970–1974)*. Ab Publishing house. (In Bulgarian).
12. Krasnov, V. G. (2012). *Solzhenitsyn and Dostoevsky: The Art of the Polyphonic Novel*. University of Georgia Press. (In Russ.).
13. Zakharov, V. N. (2005). On deep coincidences between Solzhenitsyn and Dostoevsky. *Between two anniversaries 1998–2003: Writers, critics, literary critics about the work of A. I. Solzhenitsyn: Almanac. Russian way*, 409–413. (In Russ.).
14. Kirova, M. (2009). *Russian literature in Bulgaria after 1989*. <http://newspaper.kultura.bg/bg/article/view/16285> (In Bulgarian).
15. Tempest, R. (2008). *Botevska award for Alexander Solzhenitsyn*. news.bg/culture/botevska-nagrada-za-aleksandar-solzhenitsin.html (In Bulgarian).

Информация об авторе

Наталья Александровна Черникова — преподаватель Университетской гимназии МГУ; соискатель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Natalia A. Chernikova — teacher at university gymnasium of Moscow State University; applicant for the Department of history of contemporary Russian literature and contemporary literary process at Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Научная статья

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.15

ОБРАЗ ПРАВЕДНИКА В РАССКАЗЕ Б. П. ЕКИМОВА «БЕЛАЯ ДОРОГА» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ Н. С. ЛЕСКОВА («ОДНОДУМ») И А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА («МАТРЕНИН ДВОР»)

Терешонок Елена Витальевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

rlteresh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3710-9339>

Аннотация. Образ праведника возникает в русской литературе в момент утраты представлений об истинном герое. Писатели-классики при создании образов героев-праведников опираются не только на агиографическую религиозную или житийно-идиллическую традиции, но и на феномен праведничества, который сложился в народной культуре под влиянием христианства. Основой праведного образа жизни является следование духовно-нравственным законам идеального бытия. В статье анализируются особенности художественного воплощения образа героя-праведника в рассказе Б. П. Екимова «Белая дорога» на основе традиций, заложенных писателями-классиками XIX–XX веков. Между произведениями Н. С. Лескова о праведниках, рассказом А. И. Солженицына «Матренин двор», рассказом Б. П. Екимова «Белая дорога» существует преемственная типологическая связь, которая обнаруживается в нравственной сущности образов героев, восходящей к христианской этике.

Ключевые слова: герой-праведник, феномен праведничества, идеальная личность, поступок праведника, этико-философская проблематика, духовно-нравственные ценности.

Для цитирования: Терешонок, Е. В. (2023). Образ праведника в рассказе Б. П. Екимова «Белая дорога» в контексте традиций Н. С. Лескова («Однодум») и А. И. Солженицына («Матренин двор»). *Вестник МПГУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 172–182. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.15

Original article

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.15

**RIGHTEOUS MAN IMAGE IN BORIS P. EKIMOV'S
STORY «THE WHITE ROAD»:
FOLLOWING NIKOLAY S. LESKOV'S («ODNODUM»)
AND ALEKSANDR I. SOLZHENITSYN'S
(«MATRENIN YARD»)****Elena V. Tereshonok**Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russiarlteresh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3710-9339>

Abstract. Russian literary tradition witnesses the image of a righteous man emerging in parallel with the vanishing ideas about the true hero. Classical writers, when creating images of righteous heroes, rely not only on hagiographic religious or hagiographic-idyllic traditions, but also on the phenomenon of righteousness that has developed in popular culture under the influence of Christianity. The righteous way of life implies characters following spiritual and moral laws of ideal existence. The article analyzes the features of the artistic embodiment of a righteous hero image in Boris P. Ekimov's story «The White Road» based on the traditions laid down by classic writers of the XIX–XX centuries. There is a strong bond between Nikolay S. Leskov's views on the righteous, Aleksandr I. Solzhenitsyn's story «Matrenin's Yard» and Boris P. Ekimov's story «The White Road» revealing a continuous typological connection found in the moral essence of the characters' images, dating back to Christian ethics.

Keywords: righteous hero, phenomenon of righteousness, ideal personality, the righteous' deed, ethical and philosophical problems, spiritual and moral values.

For citation: Tereshonok, E. V. (2023). Righteous man image in Boris P. Ekimov's story «The white road»: following Nikolay S. Leskov's («Odnodum») and Aleksandr I. Solzhenitsyn's («Matrenin yard»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 172–182. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.15

Введение

Христианские принципы восприятия мира повлияли на все сферы жизни человека и общества, в том числе и на формирование литературного процесса.

Первые образы праведников были описаны в Священном Писании и в житиях святых. Первообраз праведника, Иисус Христос, заложил основы праведничества, которые заключаются в добродетелях любви, жертвенности, добра. Религиозное понимание праведного образа жизни было отражено в древнерусской житийной литературе, которая оказала влияние на формирование классических

современных русских текстов и создала художественное воплощение идеала святости и праведного образа жизни, основанного на христианском смирении и вере в Бога. В народной духовной традиции на основе житий русских князей и святых возникают параллели «Христос – человек», «библейский герой – человек» и формируется система представлений об идеальной личности. Для русской литературной традиции характерны единые черты религиозности, которые выражаются через библейскую символику, доминирование в художественных текстах духовно-нравственных проблем. Религиозно-философский опыт постижения мира и художественное осмысление феномена праведничества нашли отражение в произведениях писателей-классиков А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева, а в XX–XXI веках — И. С. Шмелева, А. И. Солженицына, В. П. Астафьева, Б. П. Екимова и др. Категория праведничества является предметом исследований многих литературоведов: А. А. Горелова, В. В. Двоеглазова, С. Ю. Королевой, С. В. Крыловой, А. И. Смирновой, С. А. Смирновой, Н. Н. Смирновой, В. А. Соткова, А. Б. Тарасова, В. Е. Хализева и др.

Методология

В статье использован биографический метод для выяснения жизненных обстоятельств создания рассказов писателей-классиков XIX–XXI веков. Основными методами исследования стали сравнительно-текстологический, сопоставительный и мотивный анализ, позволяющий определить, как воплощается образ праведника в произведениях классической литературной традиции XIX века и в деревенской прозе XX–XXI веков. Материалом исследования в данной статье послужил рассказ Н. С. Лескова «Однодум» из цикла «Праведники», рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор» и рассказ Б. П. Екимова «Белая дорога».

Результаты исследования

По определению Д. Н. Ушакова, праведником является человек, не преступающий законы нравственности (Ушаков, 2005, с. 746). Несмотря на то что герои произведений писателей-классиков могут не исповедовать христианскую веру, их действия согласовываются с морально-нравственными нормами. Праведник, находясь в поиске истины и высшей правды, представляет собой гармоничную личность, олицетворяющую народную ментальность. Он выделяется среди других персонажей литературных произведений любовью к родной земле и нравственной гражданской позицией, направленной на благо отечества.

В. Е. Хализев, систематизируя литературные образы XIX века, выделил две формы праведничества. Это «собственно религиозная, приближающаяся к святости, и бытовая, житийно-идиллическая» (Хализев, 1997, с. 115). Герои второго типа, следуя морально-этическим нормам, вступают на путь праведного образа жизни, который приближает их к Богу. М. М. Бахтин выделял поступок героя литературного произведения как эстетическую и этико-философскую категорию и рассматривал сущность персонажа через его активный поступок, после совершения которого герой занимает «осевое положение» в произведении (Бахтин, 1997, с. 8). Исследователи Н. И. Николаев и Т. В. Швецова отмечают, что образ праведника возникает в русской литературе в эпоху «кризиса поступка»: в момент утраты представлений об истинном герое, «когда героя в русской литературе нет и быть не может» (Николаев, Швецова, 2014, с. 137).

Н. С. Лесков, желая противостоять нарастающей атмосфере бездуховности русского буржуазного общества, в конце XIX века создал цикл рассказов, связанных с житийными сюжетами. Писатель в предисловии к циклу изложил свой замысел: найти в русской жизни тех праведных, без которых «несть граду стояния» (Лесков, 1983, с. 13). Автор описывает поступки людей, движимых идеей служения государю, людям, Богу. В созданных писателем образах из «иконостаса святых и праведников» (Горький, 1953, с. 231) можно условно выделить два типа героев. Первому типу соответствуют герои, живущие праведной жизнью и не имеющие грехов: инженеры Брянчанинов, Чихачев и Фермор из рассказа «Инженеры-бессеребренники», старец Памва из повести «Запечатленный ангел», старец Герасим из рассказа «Лев старца Герасима». Ко второму типу праведников принадлежат герои, отличающиеся высокой нравственностью, добротой, способностью жертвовать собой ради ближнего. Но эти люди, по словам М. Горького, «сомнительной святости, ибо у них совершенно и никогда нет времени подумать о своем личном спасении — они непрерывно заботятся о спасении и утешении ближних» (Горький, 1953, с. 231). Такими подвижниками, например, являются преисполненный любви к людям Голован из рассказа «Несмертельный Голован», аскетичный полицейский Рыжов из рассказа «Одному». Героев-праведников Н. С. Лескова объединяют добродетельные качества: милосердие, доброта, сострадание, кротость, честность. В концепции писателя понятия «праведник» и «поступок праведника» имеют важную морально-этическую наполненность, которая является началом воплощения идеи деятельной любви и самоотверженного добра. Смысл и характер поступков героев Н. С. Лескова заключаются в преодолении жизненных трудностей и препятствий на предначертанном свыше жизненном пути. Его праведники живут в гармонии с миром и с людьми, с христианским смирением принимают нищету, болезнь и даже смерть, верят в воскресение и вечную жизнь. В концепции Н. С. Лескова герой-праведник проявляет независимость от мнения окружающих людей, его не интересует мирское признание. Таков солигаличский кварталный Александр Рыжов по прозвищу Одному

из одноименного рассказа (1879). Его главный герой имеет реального прототипа. Лексикограф Н. П. Макаров вспоминал: «Во время моей первой отставки в 1834 и 1835 году я жил у моего дяди Мичурина, в его имении в полутора верстах от Солигалича, и хорошо знал чудака Рыжова, этого воплощения высокой честности и бескорыстия и героя рассказа г. Лескова» (Макаров, 1881, с. 46).

Писатель наделяет своих персонажей чертами юродства. В христианской культуре юродство является подвигом самопроизвольного мученичества и самоуничужения. Принимая состояние крайней аскезы, мнимого безумия, умерщвляя свою плоть, юродивые достигали вершин духовного совершенства, единения с Богом.

Качествами юродивого обладает герой рассказа «Однодум» — солигаличский полицейский Александр Афанасьевич Рыжов. Живя на одно малое жалование, не имея возможности приобрести даже служебный мундир, он следует христианскому принципу нестяжательства и не принимает подношений. Он поступает так, как велит ему долг человека-христианина, несмотря на насмешки и пересуды окружающих, что он «экий дурак», «Библии начитался» (Лесков, 1988, с. 94). Соблюдая безупречную честность в вопросах взяточничества, Рыжов, по словам исповедавшего его протопопа, «во всем не свят по малости» (Лесков, 1988, с. 94) и имеет простые человеческие грехи. Так, обращаясь со своей женой как господин со служанкой, он ее однажды побил, потому что она превысила расход соли, засолив кадку грибов.

Изображая чудачества Рыжова, писатель прибегает к приему, характерному для анекдота. Автор описывает конфуз, случившийся с солигаличским квартальным, когда он, ожидая приезда генерал-губернатора Ланского, уселся белыми «штанцами» на свежевыкрашенный шлагбаум. Не смущаясь, что на его рейтузах отпечатались «полосы национальных цветов шлагбаума», он поехал навстречу губернатору (Лесков, 1988, с. 106). Ланской называет Рыжова чудачком, воспринимая его как удивительного и редкого по внутренним достоинствам и поступкам человека (Лесков, 1988, с. 113).

Поступки, совершаемые лесковскими героями, связаны с представлением писателя о гармоничном единении человека и окружающего Божественного мира и направлены на духовное возрастание личности. Праведники Н. С. Лескова стремятся к миру идеального бытия, который согласуется с сакральным замыслом о нем, что является определяющей категорией духовной жизни человека.

Во второй половине XX века в русском литературном процессе появилась деревенская проза. Писатели-деревенщики обратились к нравственно-психологической и этико-философской проблематике, раскрывая в своих персонажах — хранителях деревенского мира — характерные черты праведности. Исследователь С. Ю. Королева обращает внимание на то, что писатели этого направления, создавая образы праведников, не только следуют агиографической религиозной или классической художественной традиции XIX века,

но и опираются на «феномен праведничества, который в трансформированном виде сохранился и продолжает бытовать в народной культуре на протяжении всего XX века» (Королева, 2009, с. 81–82). Этот феномен сложился под влиянием христианства, побуждающего человека «жить по правде». Герои-праведники деревенской прозы живут в согласии с духовно-нравственными принципами, хотя их действия не всегда совпадают с церковными канонами. Так, хранительницей деревенского мира предстает Дарья в повести В. Г. Распутина «Прощание с Матерой». В книге «Русская натурфилософская проза второй половины XX века» А. И. Смирнова отмечает: «Для понимания образа Дарьи важны слова из повести о том, что в каждом есть “истинный человек”, который “выказывается едва ли не только в минуты прощания и страдания”. Такая минута наступила для Матеры и Дарьи, на протяжении повествования героиня и раскрывается как истинный человек» (Смирнова, 2012, с. 27).

Героиня рассказа А. И. Солженицына «Матренин двор» (1963) — яркая иллюстрация идеи праведничества в литературе XX века. Произведение основано на жизненных впечатлениях, полученных автором в период работы сельским учителем после освобождения из лагеря, когда он снимал комнату у Матрены Захаровой в деревне Мильцево Владимирской области. Несмотря на то что, по словам рассказчика, истовой веры у Матрены не было, для него она стала образцом праведности. Героиня рассказа Матрена обладает многими чертами праведника. Она добра, жертвенна, бескорыстна, искренна, безвозмездно помогает соседям и колхозу. Образ Матрены — нравственный идеал Солженицына, который он противопоставил обществу, утратившему христианские нормы поведения.

По-разному интерпретируется писателями-классиками *мотив неузнанной праведности* в произведениях. В рассказах Н. С. Лескова ее признание совершается персонажем, который не принадлежит к кругу общения праведника. Так, в «Однодуме» праведный образ жизни Рыжова признает, вопреки ожиданиям горожан, генерал-губернатор Ланской. У Солженицына праведность Матрены остается не узнанной никем, кроме героя-рассказчика.

Исследователь А. М. Ранчин отмечает, что для Н. С. Лескова и А. И. Солженицына характерна установка на документальность повествования, но она у писателей реализуется по-разному (Ранчин, 2018, с. 104). В цикле рассказов о праведниках Н. С. Лесков включает в повествование как реальные, так и вымышленные персонажи. В рассказе А. И. Солженицына «Матренин двор» фабула произведения и имя героини достоверны. По мнению А. М. Ранчина, Лесков, повествуя о русской праведности, придает своим рассказам агиографические черты, в то время как для повествования рассказа А. И. Солженицына характерна ориентация на ветхозаветные сказания (Ранчин, 2018, с. 100).

В современном литературном процессе творчество Б. П. Екимова основывается на лучших традициях русской классической литературы и продолжает традиции деревенской прозы. В рассказах «Фетисыч», «Как рассказать», «Живая душа» писатель отражает проблемы русской деревни, родного хутора

и человека, живущего на земле. Авторская концепция праведничества, реализуемая в его прозе, основана на морально-этических нормах, жертвенности, следовании героя добру и высшей правде. Персонажи-праведники Б. П. Екимова выделяются деревенской философией жизни, которая заключается в любви к родной земле и людям, живущим на ней. Деревенская тема в прозе писателя занимает важнейшее, но не единственное место. В 90-е годы XX века в творчестве Б. П. Екимова происходит формирование этико-философского мировоззрения, которое нашло отражение в изменении идейно-художественной структуры произведений писателя. Исследователь И. В. Великанова отмечает, что в этот период в его прозе возникает особый тип конфликта — онтологический (Великанова, 2007, с. 174), для которого характерно обращение писателя к вопросам смысла жизни и ценности кратковременного человеческого бытия.

Рассказ «Белая дорога» повествует об аскетической жизни глухого мастера, молчуна с суровым неулыбающимся лицом, чья семья погибла во время войны. Отсутствие такого важного инструмента познания мира и человеческого общения, как слух, сделало героя особенным. Глухие люди имеют бескомпромиссное восприятие мира, во многом основанное по принципу: белое и черное. Эту бескомпромиссность неслышащий человек несет через всю жизнь. Он никогда не возьмет чужого, не обманет, не ответит грубо. Глухие люди духовно более чистые, и их вера чиста, подобна детской.

Повествование в рассказе «Белая дорога» ведется от первого лица, что сближает позицию автора и повествователя, основанную на этико-философских размышлениях. Для раскрытия онтологического конфликта Б. П. Екимов использует форму «свободного повествования» (Великанова, 2007, с. 175), которая заключается в отказе от новеллистической завершенности сюжета и включении в повествование прямого авторского слова, завершающего рассказ и придающего ему философский смысл.

Фабула произведения проста. Герой-рассказчик, отправившись на исходе лета на рыбалку, оказывается в донской степи, среди белых песчаных непроходимых дорог. Именно там он вспоминает историю жизни сапожного мастера, странника, жившего задолго до рождения рассказчика.

В русской духовной традиции выделяется тип идеальной личности, связанный со странническим образом жизни, ищущий высшую правду, отрицающий прагматизм материального мира и предпочитающий мирской жизни отшельничество и скитание. В рассказе Б. П. Екимова «Белая дорога» таким праведником становится глухой сапожный мастер Степа. Автор обращается к реальному прототипу и сообщает достоверные сведения о герое: глухой сапожный мастер Степа жил в округе станицы Голубинской на Среднем Дону в двадцатые годы XX века после гражданской войны. Это было время голода, нищеты и разрухи, когда новую обувь никто не мог себе позволить, поэтому чинили старую, изношенную.

Автор создал образ праведника, которого, по словам рассказчика, Бог послал как спасенье нуждающимся семьям. В повествовании ничего не сообщается о вероисповедании глухого мастера, но все его дела и поступки говорят о жертвенной любви к людям и о стремлении жить по совести. Мирская жизнь, ее блага и заботы рассматриваются главным героем как искушение, а нищая, странническая жизнь становится источником духовного пути к Истине. Его морально-этические принципы основаны на христианских ценностях, которые выражаются в смирении, терпении, внимании к людям, доброте. Главный герой — бесребреник, его поведение кажется обычным людям иррациональным и непрагматичным, некоторые даже называли его «умом тронутым», потому что Степа брался чинить рваную обувь любой степени изношенности, не требуя за свои труды никакой платы, работая только за еду, в равной степени уделяя время и благополучным, и бедным домам.

Не имея своего дома, Степа в латанной-перелатанной одежде бескорыстно помогал нуждающимся семьям, иногда неделями «...сидел на голых желудевых лепешках <...> но не уходил, пока последнюю пару ношенных-переносимых чириков не починит» (Екимов, 2016, с. 79). Рассказчик сообщает, что глухого мастера очень любили дети. В каждом доме детвора собиралась вокруг него, и он всегда мастерил для них какие-нибудь игрушки для забавы.

Безропотное отношение героя к тяготам жизни, его кроткость и бескорыстие сближают его с житийными персонажами. В произведениях деревенской прозы земной путь героя имеет важное значение и рассматривается через гармоничные отношения человека с окружающим миром. Стремление отдать свою жизнь людям приводит Степу к спасению в жизни вечной. В рассказе Б. П. Екимов обращается к экзистенциальным, религиозно-философским вопросам. Автор стремится постичь глубину основания человеческой жизни, осмыслить жизненный путь праведника и понять смысл пребывания человека на земле.

В названии и тексте рассказа Б. П. Екимова представлен не только мотив дороги, но и символика белого цвета, который в христианской традиции является признаком благородства и чистоты. Белая дорога символизирует земной путь героя-праведника, высоту его помыслов и устремлений. Неслучайно Б. П. Екимов вводит в рассказ мотив небесных знамений. Уход глухого мастера из жизни остался для всех таинственным и непостижимым: «Степу нашли в Песках. Видимо, пошел он от Дона не кружной торной дорогой, а напрямую через Пески. Такой вот белой дорогой... Прилег ли он на обочину или просто упал? И умер. Ни птица, ни зверь его не тронули. Так и лежал, пока не нашли его сухие мощи» (Екимов, 2016, с. 81). Нетленные останки — знак принятия святости человека высшими силами. Исследователь Е. Е. Голубинский уточняет, что «на языке древней церковной литературы нетленные мощи — это не нетленные тела, а сохранившиеся и неистлевшие кости» (Голубинский, с. 297). В христианской традиции мощами всегда именовались и почитались

среди верующих останки святых мучеников, великих подвижников, сохранившиеся хотя бы в виде костей, а иногда в виде праха и пепла. Это совершенно уникальный тип русской национальной жизни. Как считает исследовательница современной прозы С. В. Крылова, «духовное устройство праведников, устремленное к небесам, содержит то прочное основание, которым и держится еще наше “страдающее Отечество”» (Крылова, 2019, с. 27).

В рассказе Екимова реализуется мотив узнанной праведности, признание которой происходит не только повествователем, рассказавшим о жизни праведного скитальца в далекие годы: «А может, и вправду он был святым, каких посылает Бог на помощь в горькие годы» (Екимов, 2016, с. 82), но и людьми, к которым он приходил на помощь: «...Его уважали, называя порой святым человеком, какие не от земли, а от неба» (Екимов, 2016, с. 79). Рассказчик повествует о блаженном человеке, но не в первом значении этого слова — «в высшей степени счастливый». В толковом словаре Д. В. Дмитриева (Дмитриев, 2003, с. 1578) слово «блаженный» имеет несколько значений. Одно из них обозначает человека со странным чудаковатым поведением, а другое — глубоко верующего человека, с именем Христа скитающегося по свету и живущего по правде Небесной.

Заключение

Между произведениями Н. С. Лескова о праведниках, рассказом А. И. Солженицына «Матренин двор» и рассказом Б. П. Екимова «Белая дорога» существует преемственная типологическая связь, которая обнаруживается в нравственной сущности героев, восходящей к христианской этике. Следование героев духовно-нравственным законам идеального бытия является основой праведного образа жизни. Идея нравственности, понимаемая как духовный закон, по которому существует мир, выступает концептуальной художественной идеей, объединяющей рассказ Б. П. Екимова «Белая дорога» с произведениями Н. С. Лескова и А. И. Солженицына. Сложные и многогранные христианские символы в рассказе Б. П. Екимова, основанные на традициях русской классической литературы (белая дорога; нетленные мощи, не тронутые зверьем; память людей), способствуют положительному восприятию образа героя-праведника и раскрывают этико-философское мировоззрение автора. Онтологический конфликт рассказа открывает перспективы дальнейшего исследования творчества Б. Екимова в контексте русской классической традиции. Произведение актуально и с точки зрения изучения современной русской литературы в средней школе, где процесс обучения может носить двунаправленный характер: «изучая современную литературу, мы рассматриваем предшествующую с новых позиций и открываем ее новые смыслы и забытые имена; а открытие нового в прошлом поможет расставить акценты, незаметные при ознакомительном прочтении» (Смирнова, Гаврилина, 2017, с. 88).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Толковый словарь современного русского языка*. (2005). Алта Пресс.
2. Хализев, В. Е. (1997). «Герои времени» и праведничество в освящении русских писателей XIX в. *Русская литература XIX в. и христианство*, 111–119.
3. Бахтин, М. М. (2003). К философии поступка. *Собрание сочинений: в 7 т.* Т. 1, 7–68.
4. Николаев, Н. И., & Швецова, Т. В. (2014). Русская литература 30–40-х г. XIX века. «Ожидание героя». *Вестник Томского государственного университета*, 3(29), 125–142.
5. Лесков, Н. С. (1983). *Очарованный странник: повести и рассказы*. Современник.
6. Лесков, Н. С. (1988). *Сочинения: в 3 т. Т. 2: Повести и рассказы 1875–1887*. Худ. лит.
7. Горький, М. (1953). Н. С. Лесков. *Собрание сочинений: в 30 т.* Т. 24, 228–237.
8. Макаров, Н. П. (1881) *Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе предсмертная исповедь. Ч. 1*. Тренке и Фюсно.
9. Королева, С. Ю. (2009). Образ праведника в «деревенской прозе» В. Распутина (к вопросу о художественном воплощении). *Вестник Пермского университета*, 1, 79–89.
10. Смирнова, А. И. (2012) *Русская натурфилософская проза второй половины XX века*. Флинта: Наука.
11. Ранчин, А. И. (2018). Матрена А. И. Солженицына и праведники Н. С. Лескова. *Литературоведческий журнал*, 43, 99–111.
12. Великанова, И. В. (2007). Художественный конфликт и особенности сюжетостроения в прозе Б. Екимова. *Вестник ВолГУ*, 8(6), 169–176.
13. Екимов, Б. П. (2016). *Возвращение: Рассказы о живой жизни*. Никейя.
14. Голубинский, Е. Е. (1998) *История канонизации святых в русской Церкви*. Крутицкое патриаршее подворье. Об-во любителей русской истории, 297–298.
15. *Толковый словарь русского языка*. (2003). Астрель: АСТ.
16. Смирнова, А. И., & Гаврилина, О. В. (2017). Современная литература в системе школьного изучения и внеклассного чтения. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3(27), 83–90.
17. Крылова, С. В. (2019) «Несвятые святые» в рассказах о. Ярослава Шипова (к вопросу об особенностях авторского почерка). *Studia Rossica Posnaniensia. Т. 44, 2*, 15–27.

References

1. *Explanatory Dictionary of the modern Russian language*. (2005). Alta Press. (In Russ.).
2. Khalizev, V. E. (1997). «Heroes of Time» and righteousness in the sanctification of Russian Writers of the nineteenth century. *Russian literature of the nineteenth century and Christianity*, 111–119. (In Russ.).
3. Bakhtin, M. M. (2003). To the philosophy of action. *Collected works: in 7 v. Vol. 1*, 7–68. (In Russ.).
4. Nikolaev, N. I., & Shvetsova, T.V. (2014). Russian literature of the 30–40s of the XIX century. «Waiting for a hero». *Bulletin of Tomsk State University*, 125–142. (In Russ.).

5. Leskov, N. S. (1983). *The Enchanted Wanderer: Novellas and Short Stories*. Sovremennik. (In Russ.).
6. Leskov, N. S. (1988). *Essays: in 3 v. Vol. 2. Novellas and short stories 1875–1887*. Artist lit. (In Russ.).
7. Gorky, M. (1953). *N. S. Leskov. Collected works: in 30 v. Vol. 24*, 228–237. (In Russ.).
8. Makarov, N. P. (1881). *My seventy-year-old memories and at the same time a deathbed confession*. Part 1. Trenke and Fusno. (In Russ.).
9. Koroleva, S. Yu. (2009). The image of the righteous man in the «village prose» by V. Rasputin (on the question of artistic embodiment). *Bulletin of Perm University*, 1, 79–89. (In Russ.).
10. Smirnova, A. I. (2012) Russian natural philosophical prose of the second half of the twentieth century. Flinta: Science. (In Russ.).
11. Ranchin, A. I. (2018). Matryona by A. I. Solzhenitsyn and the Righteous Men of N. S. Leskov's. *Literary Journal*, 43, 99–111. (In Russ.).
12. Velikanova, I. V. (2007). Artistic conflict and features of plot construction in B. Ekimov's prose. *Bulletin of the Volgograd State University*, 8(6), 169–176. (In Russ.).
13. Ekimov, B. P. (2016). *The Return: Stories of a living life*. Nicea. (In Russ.).
14. Golubinsky, E. E. (1998). *The History of the Canonization of Saints in the Russian Church*. Krutitsky patriarchal compound. Community of Russian history admirers, 297–298. (In Russ.).
15. *Explanatory dictionary of the Russian language*. (2003). Astrel: AST. (In Russ.).
16. Krylova, S.V. (2019). «Unholy Saints» in the stories of Fr. Yaroslav Shipov (to the question of the peculiarities of the author's handwriting). *Studia Rossica Posnaniensis*. Т. 44, 2, 15–27. (In Russ.).
17. Smirnova, A. I., & Gavrilina, O. V. (2017). Modern literature in the system of school study and extracurricular reading. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3, 83–90. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Витальевна Терешонок — преподаватель Института русского языка и культуры МГУ им. М. В. Ломоносова.

Information about the authors

Elena V. Tereshonok — lecturer at the Institute of Russian Language and Culture of the Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Обзорная статья

УДК 81-115

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.16

РАЗВИТИЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РАМКАХ НАУЧНЫХ ШКОЛ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АСПИРАНТОВ, МГПУ, 2016–2022)

Викулова Лариса Георгиевна¹,
Бирюкова Евгения Викторовна²,
Попова Лариса Георгиевна³

^{1,2,3} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ vikulovalg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1176-1668>

² biryukovaev@mgpu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8741-983X>

³ popovalg@mgpu.ru

Аннотация. Статья содержит обзор диссертационных исследований и научных публикаций, которые отражают развитие идей функциональной грамматики, компаративистики в когнитивном аспекте, сопоставительной лексикологии, переводоведения, сопоставительного терминоведения, сопоставительной прагмалингвистики. Обосновывается актуальность теории, связанная с возникновением и развитием новых направлений в лингвистике в области изучения языковых сходств и различий языковых единиц разносистемных языков в синхронии и диахронии. Показано, что применение теории сравнения и сопоставления языков послужило основой для выявления общих и частных характеристик языковых явлений, представляющих объективацию разных понятий.

Ключевые слова: научная школа, сопоставительное языкознание, родственные и разносистемные языки, сходства и различия.

Для цитирования: Викулова, Л. Г., Бирюкова, Е. В., Попова, Л. Г. (2023). Развитие сопоставительного языкознания в рамках научных школ России (на материале

защит диссертационных исследований аспирантов, МГПУ, 2016–2022). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(49), 183–194. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.16

Original article

УДК 81-115

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.16

**ENHANCING COMPARATIVE LINGUISTICS
STUDIES BY MCU SCHOLARS
(POST-GRADUATE THESES, MCU, 2016–2022)**

Larisa G. Vikulova¹,
Yevgenia V. Biryukova²,
Larisa G. Popova³

^{1,2,3} Moscow City University,
Moscow, Russia

¹ vikulovalg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1176-1668>

² biryukovaev@mgpu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8741-983X>

³ popovalg@mgpu.ru

Abstract. The article presents a review of theses and scientific manuscripts that reflect the evolving aspects of functional grammar, cognitive and comparative studies, comparative lexicology, translation studies, comparative terminology, comparative linguistic pragmatics. The theoretical framework proves relevant due to the new trends emerging and developing in the field of studying similarities and differences of linguistic units. It is proved that the theory of language comparison and matching served as the basis for identifying general and specific features of linguistic phenomena, representing a variety of concepts objectivized.

Keywords: scientific school, comparative linguistics, related languages, similarities and differences.

For citation: Vikulova, L. G., Biryukova, E. V., Popova, L. G. (2023). Enhancing comparative linguistics studies by MCU scholars (post-graduate theses, MCU, 2016–2022). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(49), 183–194. DOI: 10.25688/2076-913X.2023.49.1.16

Уже многие годы отмечается повышенный интерес к исследованию процессов развития научно-теоретического знания, чему способствуют в немалой степени научные школы. Мы исходим из того, что основными характеристиками научной школы являются известность в научном сообществе, высокий уровень исследований, их оригинальность; научная репутация, научные традиции, преемственность поколений. В целях сохранения

и приумножения интеллектуального потенциала в Институте иностранных языков МГПУ ведутся научные работы исследовательскими коллективами кафедры германистики и лингводидактики, кафедры англистики и межкультурной коммуникации и кафедры языкознания и переводоведения, обращающимися к проблемам сопоставительного языкознания. Научные работы осуществляются по трем основным направлениям: изучение фундаментальных языковых процессов; разработка методологических подходов; проведение прикладных исследований.

Всего за период 2016–2022 гг. в диссертационном совете Д 850.007.12 при МГПУ (председатель: проф. М. Г. Меркулова) было защищено 18 компаративных исследований. Диссертационный совет вел плодотворный научный диалог с представителями других научных школ Москвы (МГОУ, МПГУ), Урала, Волгограда.

Особое внимание уделялось разработкам, обращенным к проблемам функционирования языковых единиц в сопоставительном аспекте, лексико-семантической репрезентации концептов разных языков в типологическом аспекте, терминосистем родственных языков, лексики родственных языков с позиций антропологистики, переводов русской классики на родственные языки (Бирюкова, 2012; Бирюкова, 2015). В сопоставительном аспекте исследуется функционирование различных частей речи, простых и сложных предложений на основе текстов художественной литературы, публицистики и прессы, а также официально-деловых текстов.

В русле данного направления защищены кандидатские диссертации по сопоставительной грамматике, выполненные под руководством проф. Е. В. Бирюковой. В частности, в кандидатской диссертации И. И. Мухортовой «Функционально-семантические особенности английских и русских инфинитивов в банковских и медицинских инструкциях» (2021) сопоставлены функционально-семантические особенности инфинитива, используемого в юридических и банковских инструкциях. Актуальность работы связана с тем, что в условиях цифровизации общества, сферы банковского дела и медицины исследование вносит вклад в развитие документной лингвистики, сопоставительного языкознания и сопоставительной стилистики, прежде всего в части категориальной семантики (Бирюкова, Мухортова, 2021).

Исследование И. С. Калятина «Грамматические средства выражения причины в научном и художественном тексте (на материале немецкого, итальянского и русского языков)» (2022) впервые обращено к анализу грамматических средств выражения категории причины в обозначенных языках в синхронии и диахронии. Выявлены черты сходств и различий исследуемых грамматических средств в рассматриваемых языках с учетом специфики научного и художественного текста (Калятин, 2019).

Важным направлением развития сопоставительного языкознания представляется исследование вербализации концептов в родственных и неродственных

языках, представленные в работах проф. Л. Г. Поповой и в трудах ее аспирантов. В исследовании О. Ю. Воробьевой «Концептуализация языковой личностью природных явлений (на материале английского, немецкого и русского героического эпоса)» (2018) с позиций когнитивной лингвистики установлено, что героический эпос, сохранившийся в письменной форме, но исполнявшийся устно, посредством фонетического облика лексем и способов первичной и вторичной концептуализации, сохраняет фрагменты средневековой картины мира, включая представления о природных явлениях. При этом автор текстов героического эпоса закреплён в качестве языковой личности обобщенного повествователя героического эпоса, определяющей способы концептуализации природных явлений в своей языковой среде. Рассматривается ряд языковых явлений в сопоставительном аспекте с диахроническими позициями в рамках сравнительно-исторического языкознания (Попова, Воробьева, 2017).

В диссертации Е. Н. Парфененко «Лексико-семантическая репрезентация концепта “помилование” в английской и русской терминосистемах (диахронический аспект)» (2022) на примере юридических терминосистем Великобритании и России рассматривается становление и развитие терминов, эксплицирующих концепт «помилование». Новизна работы заключается в приращении теоретического знания в области юридического терминоведения. Доказано, что сходство в репрезентации центральных признаков помилования состоит в его понимании как освобождения от наказания. Показано, что отличительными центральными концептуальными признаками помилования в современных британских юридических текстах являются суждения о помиловании: милосердие со стороны Ее Величества Королевы; отсрочка в случае смертного приговора и др. Российские юридические тексты XX–XXI веков специфично отражают понимание помилования в виде центральных концептуальных признаков, таких как прощение штрафных санкций; амнистия со стороны Государственной думы РФ; амнистирование в связи с государственным праздником и амнистирование военнослужащих и др. (Попова, Парфененко, 2019).

В диссертации О. Н. Осадчей «Лингвокультурный концепт “милосердие” в английских и русских паремиях (на материале пьес XIX–XX веков)» (2021) в диахроническом аспекте анализируется вербализация ценностного компонента концепта «милосердие» в пьесах XIX–XX веков (на материале английских и русских паремий). Полученные в ходе исследовательской работы результаты сопоставления паремий, эксплицирующих ценностный компонент изучаемого концепта, показали, что вербализация лингвокультурного концепта «милосердие» в английском и русском языках, прежде всего его ценностная составляющая, способствует раскрытию концепта «милосердие» как аксиологического императива (Попова, Осадчая, 2019).

В Институте иностранных языков МГПУ соблюдаются традиции, заложенные проф. С. В. Гриневым-Гриневичем и его последователями при изучении терминологических систем родственных и разносистемных языков,

в том числе с позиций антропологической лингвистики (Гринев и др., 2021). Одним из актуальных направлений сопоставительного исследования лексического состава родственных языков остается антропологический подход, предложенный С. В. Гриневым (Гринев-Гриневиц, Сорокина, 2018; 2021).

Изучение понятийной системы неродственных языков под руководством проф. К. Я. Авербуха представлено в работе Л. Д. Белоусовой «Сопоставительный анализ фразеологических единиц, характеризующих внешность человека в английском и русском языках» (2016), где выявляется роль фразеологизмов, характеризующих внешний облик человека, определяются общие и различные для двух языков национально-культурные характеристики, заложенные в образах рассматриваемых единиц. Практическим результатом данной исследовательской работы стали англо-русский и русско-английский словари фразеологических единиц, характеризующих внешность человека, которые могут быть использованы при работе над переводами с одного языка на другой.

В кандидатской диссертации Д. И. Каспрук «Антропологические аспекты сопоставительного исследования лексики на примере семантического поля “FITNESS”» (Каспрук, 2018), выполненной под руководством проф. С. В. Гринева-Гриневица, впервые было проведено комплексное исследование формирования термина *Fitness/Фитнес* в английском и русском языках, выявлены как общие, так и различные характеристики национального восприятия этой области знаний.

В этом же направлении выполнена работа О. И. Цораевой «Антропологические аспекты сопоставительного исследования (на примере семантического поля “УСПЕХ” в английском и русском языках» (научный руководитель: С. В. Гринев-Гриневиц, 2022), в рамках которой используется антропологический подход к изучению лексических полей *Success/Vcnex*). Для исследования семантических полей в сопоставительном аспекте введены в научный обиход новые термины — ближняя и дальняя лексическая полисемия.

Под руководством проф. И. А. Бубновой (Институт гуманитарных наук МГПУ) защищена диссертация А. А. Сардаровой «Переводчески релевантная лингвокультурная специфика художественного текста: психолингвистический аспект» (2016). Перевод художественного текста рассматривается как взаимодействие языков, культур, интенций автора, рефлексии адресата перевода, в котором ключевая роль отводится языковой личности переводчика. Предложена оригинальная концепция переводного текста как в значительной степени нового произведения, новизна которого определяется тем фактом, что в нем, прежде всего, отражено языковое сознание переводчика, его собственные ценности и личное отношение к описываемым событиям. Установлено, что при переводе романа М. Шолохова «Тихий Дон» на английский и итальянский языки способы прагматической адаптации, выбранные переводчиками как продукты собственных культур, направлены на стирание смысловых различий в понимании феноменов, важных для русского лингвокультурного сообщества,

что в итоге ведет к утере специфики русского образа мира (Бубнова, Сардарова, 2014).

Исследования молодых ученых в рамках научных школ компаративистики московских вузов (МГОУ, МПГУ), представленные к защите, показали их практическую значимость работы для лексикографической практики.

Под руководством проф. Т. Г. Жировой, чьей сферой интересов является антропологическая лингвистика, лингвистическая семантика и прагматика, переводоведение (МГОУ), успешно защищена работа И. В. Болховитянова «Передача информации в игровых командных видах спорта в английском и русском языках (на материале лексики футбола, американского футбола и регби)» (2017). Анализ передачи спортивных терминосистем игровых командных видов спорта с точки зрения лингвокультурологического аспекта исследования, а также сопоставление спортивных футбольных и регбийных выражений в английском и русском языках с учетом лингвокультурологического и межъязыкового аспекта показал практическую значимость работы для лексикографической практики.

Кандидатская диссертация К. А. Бордюговой «Выражение значения неопределенного множества посредством метафоризации предметных имен (на материале английского, французского и русского языков)» (2018) выполнена под руководством проф. Л. А. Телегина (МГОУ). Выбор тематической области для изучения обусловлен тем, что концепты *количество*, *неопределенное множество* являются значимыми факторами, формирующими лингвистическое и культурное мировосприятие народа. Сопоставительный характер исследования позволяет получить более полное представление об особенностях восприятия и выражения концепта *неопределенное множество*, типичного для англоязычной, русскоязычной и франкоязычной языковых культур (Бордюгова, 2015).

Диссертационное исследование Т. И. Руденко «Особенности русского и немецкого образовательного дискурса (на материале официальных документов органов образования)» (2022) подготовлено под руководством Г. Т. Хухуни (МГОУ), известного специалиста по теории перевода и компаративистике. Изучение проблемы предполагает в будущем исследование лексических единиц различных дискурсивных областей (органы управления образованием, органы надзора, органы контроля и др.), необходимых для расширения уже имеющихся знаний о системе образования России и Германии и определения специфики дискурса (Руденко, 2021).

Под руководством проф. В. И. Зимина, специалиста по лексикографии и фразеологии, (МПГУ) в 2019 г. защищена кандидатская диссертация Т. С. Ананьиной «Репрезентация примет и поверий во фразеологических единицах русского и французского языков (сопоставительный аспект)». Исследование обращено к мифологическим представлениям и дает возможность воссоздавать образные основания фразеологизмов, зародившиеся в глубочайшей мифологической древности и существующие ныне в области ирреальной

действительности, в нашем случае — русского и французского языковых социумов. Доказано, что в приметах и поверьях, репрезентированных в русских и французских фразеологизмах, заложено большое количество явлений реальной действительности, непосредственно наблюдаемых человеком природными, погодными явлениями, животными, основных циклов жизни, подвергшихся мифическому переосмыслению и ставших кодами культуры для означивания особых культурных смыслов (Ананьина, Зимин, 2017).

В диссертационном совете успешно защищались диссертации молодых исследователей региональных научных школ. *Уральская школа политической лингвистики и политической метафорологии* представлена диссертационным исследованием Ю. В. Матовой «Метафоризация имен существительных со значением субъекта трудовой деятельности в русском и английском языках» (2019), выполненным под руководством проф. Э. В. Будаева (Екатеринбург, УрГПУ). Установлено, что метафоризация лексики трудовой деятельности согласуется со спецификой метафоризации социальной лексики в целом, а метафора преимущественно используется для характеристики человека (его эмоциональной, интеллектуальной деятельности, социальных отношений). Основанием антропоцентрической метафоры трудовой деятельности выступают не только особенности конкретного вида труда, но и стереотипные представления о качествах работника как личности. Таким образом, при метафоризации актуализируются ассоциации, культурные представления, исторический опыт нации, связанные с представителями той или иной трудовой деятельности и этим видом труда в целом (Матова, 2015).

Волгоградская научная школа ономастики (ВГСПУ) представила выполненное под руководством проф. И. В. Крюковой актуальное исследование Т. А. Бойковой «Личное имя как объект языковой рефлексии (на материале метаязыковых высказываний русских и американцев)» (2017), посвященное сопоставительному исследованию метаязыковых высказываний, в которых содержится языковая рефлексия русских и американских имядателей и носителей личных имен. Установлено, что при позитивной оценке своих имен носители русской лингвокультуры отмечают в основном благозвучие и словообразовательные возможности имени, а также редкость имени и привлекательность этимологии. Носители американской лингвокультуры в первую очередь высоко оценивают связь имени с семейными традициями, редкость имени и удобопроизносимость, а также возможность персонифицировать себя с помощью имени. Метаязыковые высказывания негативного характера у носителей русской лингвокультуры связаны, прежде всего, с неблагозвучностью и трудностью произнесения имени, с негативными коннотациями и нежелательными деривационными вариантами имени, а негативное отношение носителей американской лингвокультуры — с неявно выраженной гендерной принадлежностью имени, с его чрезмерной распространенностью, а также со сложностью в произношении.

Под руководством волгоградского ученого, известного специалиста в области медиалингвистики М. Р. Желтухиной (ВГСПУ, МГПУ) защищен ряд диссертационных исследований, выполненных в рамках дискурсивной лингвистики, медиадискурса в частности. Так, в работе О. Д. Шмелевой «Специфика воздействия медицинской и косметической рекламы в современном китайском и русском медиадискурсе» (2017) доказано, что к культурно-историческим маркерам воздействия в китайской и русской медицинской и косметической медиарекламе относятся наименования народных медицинских и косметических препаратов, а также наименования народных медицинских и косметических услуг, характерных для традиционной китайской медицины и народной медицины в России. Наиболее частотными когнитивно-психологическими маркерами воздействия в китайской и русской медицинской и косметической медиарекламе выступают встроенные сообщения (необычное решение, побуждение к деятельности, беседы с другими и рассказы о других). Для китайской лингвокультуры более значимы такие маркеры, как метафорическая коммуникация и экспансия массмедийных образов, фрагментизация сознания, тогда как для русской лингвокультуры — метафорическая коммуникация, иллюзия выбора, экспансия массмедийных образов, что демонстрирует сходство доминирующих маркеров воздействия на адресата (Шмелева, Желтухина, 2017).

В кандидатской диссертации А. Д. Гавриш «Эмоциональный медиатренд презентации языковой личности политика в американском и русском медиадискурсе» (2022), выполненной под руководством проф. М. Р. Желтухиной, представлены вербальные, невербальные, прагматические и гендерные характеристики эмоционального медиатренда презентации языковой личности американского и российского политиков, что нашло свое отражение в работе (Gavriush et al., 2020).

Начало нового тысячелетия ознаменовалось интенсификацией многих процессов в области экономики. Коренные экономические и политические изменения, произошедшие на грани второго и третьего тысячелетий, развитие новейших технологий повлекли за собой появление новых понятий, что обусловило актуальность диссертации Н. В. Бондаревой «Лингвокультурные характеристики предметной сферы “экономика” в современном английском и русском медиадискурсе» (2021), написанной под руководством проф. М. Р. Желтухиной. Выявлено, что данная предметная сфера характеризуется определенным набором лексико-фразеологических единиц в английских и русских новостных медиатекстах, проблемных и аналитических медиатекстах экономической направленности, презентационных и рекламных медиатекстах, а также в медиатекстах туристических рекламных проспектов и путеводителей (Бондарева, Желтухина, 2015).

Научные интересы ученых кафедры языкознания и переводоведения обращены к анализу переводческих проблем в лингвокультурологическом аспекте, разрабатываемые И. В. Тивьяевой и ее аспирантами. В частности, в диссертации

В. А. Даниловой «Стратегии и средства передачи культурно значимой информации в переводах романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин” на португальский язык» (2022) выявлены и описаны стратегии и средства передачи национально-культурного колорита, впервые применена экспериментальная верификация оценки адекватности перевода культурно-маркированных единиц. В данном направлении предложена комплексная методика исследования механизмов передачи культурно значимой информации на португальском языке, которая позволяет выявить принципы ретрансляции культурно значимой информации и установить механизмы передачи культурного кода в переводе в рамках тематических групп (Данилова, Тивьяева, 2022).

Подытоживая сказанное, можно констатировать многообразие подходов к исследованию языковых явлений при сравнении и сопоставлении языков. Рассмотрение широкого круга вопросов, связанных с проведением научных исследований аспирантами по сравнительно-сопоставительному языкознанию, отражает логику научного анализа, включая метаязык описания, методологию исследования (Сулейманова и др., 2020). При этом прослеживается, что все перечисленные выше диссертации основываются на антропологическом подходе с учетом национальной специфики языкового материала.

Список источников

1. Ананьина, Т. С. (2017). Основные семантические модели во фразеологических единицах русского и французского языков с доминантным значением «умирать/ умереть» (сопоставительный аспект). *Преподаватель XXI век*, 4, ч. 2, 355–363.
2. Бирюкова, Е. В. (2012). Функциональная синонимия разноуровневых единиц языка — причастных оборотов и придаточных предложений, черты их сходства и различия. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 3, 113–118.
3. Бирюкова, Е. В., & Попова, Л. Г. (2015). О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 11–3(53), 40–43.
4. Бирюкова, Е. В., & Мухоротова, И. И. (2021). Специфика функционирования инфинитива в этических кодексах банков (на материале английского и русского языков). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Т. 14, 9, 2856–2860.
5. Болховитянов, И. В. (2014). Становление терминологической антропологистики и ее воздействие на исследование общих проблем перевода спортивной терминосистемы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 10(40): в 3 ч. Ч. II, 33–36.
6. Бондарева, Н. В., & Желтухина, М. Р. (2015). Английская и русская экономическая лексика в современном медиадискурсе: лингвокультурный аспект. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки: Филология. Журналистика. Педагогика. Психология*, 18(215), Вып. 27, 95–100.
7. Бордюгова, К. А. (2015). Особенности грамматикализации предметных имен-квантификаторов неопределенно большого количества (на материале французского и русского языков). *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 2, 149–153.

8. Бубнова, И. А., & Сардарова, А. А. (2014). Прагматическая адаптация при переводе как способ преодоления лингвокультурного барьера. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. Т. 11, 4, 123–126.
9. Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А., & Викулова, Л. Г. (2021). *Теория языка: антропологическая лингвистика: учебное пособие*. ВКН.
10. Гринев-Гриневиц, С. В., & Сорокина, Э. А. (2018). Перспективные направления развития терминологических исследований. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2018, 5, 18–28.
11. Гринев-Гриневиц, С. В., & Сорокина, Э. А. (2021). Особенности развития терминоведения в начале XXI века. *Лингвистика и образование*. Т. 1, 1, 49–70.
12. Данилова, В. А., & Тивьяева, И. В. (2022). Культурная информация в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: стратегии и способы ретрансляции в португальских переводах. *Обучение иностранным языкам*. Т. 49, 3, 285–298.
13. Калятин, И. С. (2019). Анализ грамматических средств выражения причины в текстах немецкой и русской художественной литературы XVIII века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Т. 12, 9, 361–368.
14. Матова, Ю. В. (2015). Лексикографические основы сопоставительного диахронического исследования метафорических значений имен существительных в русском и английском языках. *Педагогическое образование в России*, 11, 203–208.
15. Попова, Л. Г., & Воробьева, О. Ю. (2017). Первичная концептуализация воды в английских, немецких и русских текстах героического эпоса. *Вестник Вятского государственного университета*, 3, 54–59.
16. Попова, Л. Г., & Осадчая, О. Н. (2019). Вербализация ценностного компонента лингвокультурного концепта «милосердие» в русском и английском языках (проблемы и перспективы). *Вестник Адыгейского государственного университета*, 2, 53–59.
17. Попова, Л. Г., & Парфененко, Е. Н. (2019). Лексико-семантическая репрезентация ядра и центра концепта «помилование» в русской и английской терминосистемах. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 10(100), 320–323.
18. Руденко, Т. И. (2021). Сопоставительный анализ лингвостилистических особенностей номинаций документов о школьном, профессиональном и высшем образовании в образовательном дискурсе немецкого и русского языков. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, 4–2, 188–195.
19. Сулейманова, О. А., Фомина, М. А., & Тивьяева, И. В. (2020). *Принципы и методы лингвистических исследований*. 2-е изд., перераб. и доп. Языки Народов Мира.
20. Желтухина, М. Р., & Шмелева, О. Д., (2017). Основные вербальные характеристики китайской и русской медицинской и косметической медиарекламы: лингвокультурная специфика. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки*, 4, 136–140.
21. Gavrish, A. D., Zheltukhina, M. R., Paramonova, D. V., & Sporova, I. P. (2020). Modern Political Discourse: Phenomenon of the Ritualization. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference «Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (Volgograd, 25–30 May, 2020)* (ed. by N. L. Shamne, S. Cindori, E. Yu. Malushko, O. Larouk, V. G. Lizunkov). European Publisher. Vol. 99, 280–288.

References

1. Ananyina, T. S. (2017). The main semantic models in the phraseological units of Russian and French with the dominant meaning «die/die» (comparative aspect). *Teacher of the 21st century*, 4, part 2, 355–363. (In Russ.).
2. Biriukova, E. V. (2012). Functional synonymity of different language units such as participle constructions and subordinate clauses in German. Their common and distinctive features. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3, 113–118. (In Russ.).
3. Biryukova, E. V., & Popova, L. G. (2015). On development trends of modern comparative-historical, typological and contrastive linguistics. *Philology. Theory and Practice*, 11(53). Vol. III, 40–43. (In Russ.).
4. Biryukova, E. V., & Mukhortova, I. I. (2021). Specificity of Infinitive Functioning in Banking Codes of Ethics (By the Material of the English and Russian Languages). *Philology. Theory and Practice*, 11(53). Vol. 14, 9, 2856–2860. (In Russ.).
5. Bolkhovityanov, I. V. (2014). Formation of terminological anthropo-linguistics and its influence on study of common problems of sports terminological system translation. *Philology. Theory and Practice*, 10(40). Vol. II, 33–36. (In Russ.).
6. Bondareva, N. V., & Zheltukhina, M. R. (2015). English and russian economic lexicon in the contemporary media discourse: Linguocultural aspect. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 18(215), Vol. 27, 95–100. (In Russ.).
7. Bordyugova, K. A. (2015). The features of grammaticalization of subject names-quantifiers of an uncertain large quantity (based on the material of the French and Russian languages). *Pyatigorsk State University Bulletin*, 2, 149–153. (In Russ.).
8. Bubnova, I. A., & Sardarova, A. A. (2014). Pragmatic adaptation in translation as a way to overcome linguistic and cultural barrier. *South Ural State University Bulletin. Series: Linguistics*, Vol. 11, 4, 123–126. (In Russ.).
9. Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., & Vikulova, L. G. (2021). *Theory of language: anthropo-linguistics: textbook*. VKN. (In Russ.).
10. Grinev-Grinevich, S. V., & Sorokina, E. A. (2018). Perspective directions of terminological research. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 5, 18–28. (In Russ.).
11. Grinev-Grinevich, S. V., & Sorokina, E. A. (2021). Features of the development of terminology at the beginning of the XXI century. *Linguistics and Education*, Vol. 1, 1, 49–70. (In Russ.).
12. Danilova, V. A., & Tivyayeva, I. V. (2022). Culture specific information in «Eugene Onegin» by A. S. Pushkin: Rendering strategies in Portuguese translations. *Foreign languages teaching*, Vol. 49, 3, 285–298. (In Russ.).
13. Kalyatin, I. S. (2019). Analysis of grammatical means to express cause in the German and Russian scientific texts of the XVIII century. *Philology. Theory and Practice*, Vol. 12, 9, 361–368. (In Russ.).
14. Matova, Yu. V. (2015). Lexicographical principles in comparative diachronic study of metaphoric meanings of nouns in Russian and English. *Pedagogical education in Russia*, 11, 203–208. (In Russ.).
15. Popova, L. G., & Vorobyova, O. Yu. (2017). Primary conceptualization of water in English, German and Russian texts of the heroic epic. *Herald of Vyatka State University*, 3, 54–59. (In Russ.).

16. Popova, L. G., & Osadchaya, O. N. (2019). The verbalization of the valuable component of the linguistic cultural concept «mercy» in the Russian and English languages (problems and prospects). *The Bulletin of Adyge State University: Internet Scientific Journal*, 2, 53–59. (In Russ.).
17. Popova, L. G., & Parfenenko, E. N. (2019). Lexico-semantic representation of nucleus and core of the concept pardon in the Russian and English legal term systems. *Philology. Theory and Practice*, 10(100), 320–323. (In Russ.).
18. Rudenko, T. I. (2021). Comparative analysis of linguistic and stylistic features of educational documents of secondary, upper secondary and higher education in the educational discourse of German and Russian languages. *Modern science: Actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 4–2, 188–195. (In Russ.).
19. Suleimanova, O. A., Fomina, M. A., & Tivyaeva, I. V. (2020). *Principles and methods of linguistic research*. Languages of the Peoples of the World. (In Russ.).
20. Zheltuhina M. R., & Shmeleva, O. D. (2017). Basic verbal characteristics of Chinese and Russian medical and cosmetic media advertisement: linguistic and cultural features. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Series: Philological Sciences*, 4, 136–140. (In Russ.).
21. Gavrish, A. D., Zheltukhina M. R., Paramonova, D. V., & Sporova, I. P. (2020). Modern Political Discourse: Phenomenon of the Ritualization. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference «Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (Volgograd, 25–30 May, 2020)* (ed. by N. L. Shamne, S. Cindori, E. Yu. Malushko, O. Larouk, V. G. Lizunkov). European Publisher. Vol. 99, 280–288.

Информация об авторах

Лариса Георгиевна Викулова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Евгения Викторовна Бирюкова — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Лариса Георгиевна Попова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Larisa G. Vikulova — Doctor of Philology, professor, full professor of the Romance philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Yevgenia V. Biryukova — Doctor of Philology, professor, head of the German studies and linguistic didactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Larisa G. Popova — Doctor of Philology, professor, full professor of the German studies and linguistic didactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только оригинальные высококачественные научные работы (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-1: 82-193.3

DOI

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда**Николаева Марина Николаевна**

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия

NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена .... Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... (200–250 слов).

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма (3–15 слов / словосочетаний).

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), ___. <https://doi.org/xxx>

Original article

UDC 82-1: 82-193.3

DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry**Marina N. Nikolaeva**

Moscow City University,

Moscow, Russia

NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... 200–250 words.

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme (3–15 words).

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), ____.
<https://doi.org/xxx>

Введение / Introduction

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма, формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст .....

Во введении четко формулируются цели и задачи. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях.

Методология исследования / Methodology

В разделе **Методология исследования** приводится обоснование выбора методологического подхода, дается описание эксперимента, материала и процедуры исследования. Текст .....

Текст текст текст текст

Результаты и дискуссия / Результаты исследования / Ход исследования / Results and discussion

В разделе **Результаты** приводится описание того, что было получено, а не сделано. Важно придерживаться последовательного логического изложения. Результаты иллюстрируются минимально необходимыми примерами. В разделе **Дискуссия** полученные результаты анализируются в контексте уже имеющихся данных. Рассматриваются возможные причины и следствия. Текст .....

Текст текст текст текст

Заклучение / Conclusion

В **Заклучении** подводятся теоретически, методологически и практически значимые итоги и перспективы исследования. Новая информация не вводится. Текст .....

Текст текст текст текст

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5(1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>
3. Lukov, Vl. A., & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).

5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan]. (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg]. (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk]. (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru/137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy or a small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Информация об авторе

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate professor of English Philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

— литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностраннный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;

— литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal

of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2023, № 1 (49)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 03.04.2023 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 12,5 печ. л. Тираж: 1000 экз.